

*И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.*

Анна Ахматова

АЛЬМАНАХ

КРЫЛЬЯ

Взмах шестнадцатый

Луганск
Пресс-экспресс
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
К 85

Крылья: Взмах шестнадцатый. Литературно-художественный альманах. – Луганск.: Пресс-экспресс, 2022. – 248 с.

Издаётся с сентября 2006 года
Издание Союза писателей
Луганской Народной Республики

Главный редактор – Лариса Черниенко
Зам. главного редактора – Андрей Чернов

Редколлегия:
Валерий Богословский, Ирина Зайцева, Елена Настоящая,
Сергей Прасолов, Наталья Романова, Светлана Сеничкина.

Эл. почта редакции:
krylya_almanah@mail.ru

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением
авторов отдельных материалов.
За достоверность предоставленной информации
несут ответственность авторы публикаций.

В 16-м номере альманаха «Крылья» представлены поэзия, проза, публицистика, литературная критика современных авторов из ЛНР, ДНР, России, Греции, Черногории, Узбекистана, США. Также в номере опубликованы стихотворения классиков болгарской литературы в переводе на русский. Альманах адресован широкому кругу читателей.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые наши читатели! Редколлегия альманаха очень рада очередной, уже 16-ой, встрече с вами. Надеемся, что знакомство с 16-ым «взмахом» «Крыльев» порадует вас и даст пищу для размышлений и дискуссий. Традиционно материал, представленный в 16-ом «взмахе», многопроблемный и многожанровый. Рассказы, эссе, повесть, стихи, критические и мемуарные статьи, рубрика «О детях и для детей» – каждый читатель найдет в альманахе то, что интересно именно ему. Как всегда, авторы публикаций представляют ближнее и дальнее зарубежье и, конечно же, Донбасс. Возрастной диапазон широк – от 13 лет (юный прозаик из Узбекистана) до «патриархов», имеющих значительный опыт в литературной работе.

Этот «взмах» выходит в свет в очень важное, судьбоносное для нашей республики время: мы **официально** стали частью России (хотя **по сути** всегда были в Русском мире). Надеемся, что это позволит альманаху стать еще более значимым литературно-художественным и научным изданием, привлечь к себе новых авторов, расширить географию публикаций.

Для редколлегии очень важен диалог с читателями. Знакомьтесь с альманахом и присылайте свои отзывы о 16-ом «взмахе»!

ПОЭЗИЯ

Светлана Сеничкина

Поэт, переводчик, литературовед, критик. Родилась в Луганске. Автор поэтических сборников «Апрельский ветер» и «Музыка солнца». Широко публиковалась в периодике Донбасса и России. Член Союза писателей ЛНР и редколлегии литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт и работает в Луганске.

* * *

Не вылечить гангрену заговорами,
Таблетками, молитвами, компрессами.
Лишь скальпель. Зная: будет очень больно,
И неизвестно, выдержит ли сердце.
Фашизм нельзя утихомирить «минсками»,
Подачками задобрить, смягчить просьбами.
Он понимает только язык выстрелов
И на другом общаться – неспособен.

* * *

Память – в душах,
А не в шарах воздушных.
Память – в сердце.
И лишь тогда – жива.
Помнить – значит,
Делать, чтоб было иначе,
А не бросать на ветер
Пафосные слова.

* * *

Первый ребенок, убитый Украиной на луганской земле,
Был ровесником моей дочери.
Ему бы тоже было сейчас тринадцать.
Я помню об этом и знаю:
Всё, что мы делаем, – правильно.
Даже если бы он был единственной жертвой –
Всё, что мы делаем, было бы правильно,
Больно и страшно, но неизбежно и правильно.
Храни Господь ребят на передовой!

2022

Нани Сариду

Художник, публицист и поэт. Пишет в русскоязычных газетах и журналах России, Греции, Израиля. Автор поэтического сборника «Она поверила опять» (2006), электронного сборника стихов-«БУДЬ!»(2019), двуязычного сборника на русском и греческом языках «Скрижаль Гермеса» (2020), аудиокниги (совместно с композитором и бардом Галиной Стрелковой) «Возвращение в Эдем» (2021) и др. С 2018 года член Московской Организации Союза Писателей России. Живёт в городе Александруполис (Греция).

ПРОГРЕСС

От «А» до «Я», от «Альфы» до «Омеги»,
Кружат, как пожелтевшая листва,
Слова... под ними обереги,
грибным уподобляясь островам,
фаллически восходят, влаги неба
вкусив, блестят, открытые ветрам.
Летят Стихи, пересекая Лету
и Хаоса бурлящий океан!
От До до Си, аккордами сонетов
из серого восходят вещества,
симфонии, застыв как самоцветы
первичной магмы, шум повергнув в прах:
то море тверди горной по колено...
...От Солнца, через колбочки, волна
до центра добежит и в бесконечность-
ей не впервой к нулю бежать с холста,
а став воспоминаньем цвета – в вечность.
«Быть на устах у всех» не есть «из уст в уста»,
и Настоящее не есть залог успеха,
Ведь я Волна, я Векторная мера,
привыкшая Константы даже мерить,
в сомнительное верить и петлять!

САКРАЛЬНОЕ

Поваляться на мятный ковёр летней ночью,
и зарывшись в тычинки шафрана напротив,
утопать в меди прядей любимой блаженно,
и калёным дыханием слегка обожженный,
остудиться в реке, чай холодный с лимонным
поплавком задрожит, два с кислинкой глотка,
приближают к медовым крамольным
и до боли знакомым губам...

Тело к телу потянет, внезапно звезда
из молочной туманности вырвется, словно
в протозоя зачатия эон, всё так старо и ново,
катит волны, как прежде, всё катит и катит река...

ОДУВАНЧИКИ

Небожителем полный графин был задет,
Апельсиновый сок на долину пролился.
На луку сорняками светила взошли,
и желанием настил золотой исказился,
как черты целомудренных ранее лиц...
Струйка маков греховности плотской стыдится,
об изгнании из Рая стараясь забыть,
Василёк, цвета неба, пред Богом вступиться
за влюблённых намерившись, Деву спросил:
«Попросить, чтоб простивши,
вернули бессмертие?»
и услышал в ответ: «Мне, дарующей жизнь,
отказаться от множества будущих жизней,
возрождения, от поиска сути вещей?!
Арифметика это сложение двух чисел,
двух монад. Плод слияния наших частей
не Эдем ли наземный, коль смерть-теломер,
на Начало дающий надежду сторицей?»

Денис Попов

Николаевич родился в 1979 г. в с. Усть-Цильма Республики Коми. Проходил службу в пограничных войсках в г. Воркута. Работает вахтовым методом в агентстве «ЛУКОМ-А-Север», охранником на объектах «Лукойл» в Республике Коми. Публиковался в журналах «Север», «Сибирские огни», «Алтай», «Дон», «Радуга». Автор сборника стихов «Лиственничное небо». Живёт в с. Усть-Цильма.

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

Дождик. Частый и тихий.
Нехолодный зато.
Будь какая шумиха,
Может, было б не то.

Ну а так: небо в дымке:
Дым отчизны — как есть!
Самолёт-невидимка
Ищет землю, чтоб сесть.

Слышно: гул по-над лесом,
В двух — отсюда — верстах.
Дымовая завеса
Хороша для атак.

* * *

Как много в дороге пустой
Мне видится смыслов порою!
За облако пыли густой
Берёзы шумливые строим
Уходят, как рота солдат.
На крест деревянной опоры
Не каждая бросит свой взгляд.
Но тише, как-будто бы, споры

Становятся рядом с крестом.
И тише, как-будто бы, сердце
Стучит на дороге пустой.
Лишь хруст под подошвами берцев
Людское во мне выдаёт.
Как много во мне от дороги,
Которой никто не идёт!
Никто.
Кроме, разве что, Бога.

ДОНБАСС. ШАХТА

И в мирное время на шахте
Немало погибло ребят.
Но ждал отработавших вахту
Свинцом незагаженный сад.

И улицы днём не пустели.
И в дом не летело стекло.
Идём. Освещение в тоннеле
Дрожит, точно воздух степной.

Никто не ответит вам сразу,
Сейчас безопаснее как:
Быть в шахте, где выбросы газа,
Иль там, где с оружием враг?

Никто не ответит. Поскольку
Желания нет говорить.
И время мы делим на дольки,
Чтоб меньше хотелось курить.

* * *

Видно, не держат ноги! —
Ветер, кривой, как серп,
Прям посреди дороги —
Чтоб отдышаться! — сел.

— Душно! — психует ветер.
Кажется, зреет дождь.
Я о штанину вытер
Мокрой ладони нож,

Небо почистив в бочке
Для дождевой воды.
Ветер поднялся, точно
Жди от него беды.

Сам был таким же раньше.
Жизнь укротила нрав.
Я — от греха подальше! —
Нож уберу в рукав.

СЛОВО О МАЛОЙ РОДИНЕ

Легко любить её, живя в дали.
Я сам о ней скучал на расстояньи,
Помешивая памяти угли
В сознаныи.

Легко любить, когда недобрых слов
От матери уставшей ты не слышишь.
Когда носов других её сынов,
Твой — выше!

Когда из «вместе — тошно, тяжело — врозь!»
Ты выбираешь помнить лишь о первом.
Ни времени, — достать торчащий гвоздь —
Ни нервов.

Но где б ты ни была, слабости её —
Не только силу! — ты несёшь с собою.
Себя ломать сложнее, чем бельё
Зимою.

Не оттого, что тяжело несть суму,
И руки у неё с годами слабы,
Люби её, а просто потому,
Что — баба.

ПРОЗА

Людмила Брагина

Родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛАЗУРЬ

«Однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу...»

«Пиковая дама» Александр Пушкин

«Очень красивый и трудный узор,
я сама его выбирала, и сама вышиваю...
— Да и хорошо же вышиванье-то!»

«Барышня Лиза» Федор Соллогуб

Немудрено, что Люба проспала. В комнате было тихо, сумрачно и душновато. Небо за окном затянуло тяжёлыми сизыми тучами, разбухшими от влаги и ждущими только дуновения ветерка, чтобы разразиться сильнейшим ливнем над городом. Первым желанием было позвонить на работу, сказать больной, а потом, заварив крепкого сладкого чая и бросив в чашку прозрачную солнечную дольку лимона, перечитывать, растягивая удовольствие, булгаковские строчки о грозах над древними и великими городами.

Но перед глазами незвано-непрощено всплыла постная физиономия главбухши, беззвучно шевелящей бледными и тонкими губами, незакрытые квартальные отчёты, а из-под одеяла высунула нос сонная Ивушка. Мечты отошли на второй план и растворились в повседневной суете. Наскоро умывшись, Люба scomандовала себе и, всё ещё сонно посапывающей на кровати, собаке: «гулять!» Через три минуты

они выскочили навстречу стихиям. Прогулка прошла в почти спортивном темпе, а шквальный ветер и первые крупные капли начинающегося ливня заставили обеих выдать мощный финальный спурт, словно их силком заталкивали обратно в подъезд.

Сбросив обувь, Люба побежала в ванную и открыла кран:

– Ивушка, ко мне! Лапки мыть!

В ответ тишина, коридор пуст.

– Ива, бегом сюда!

И снова никого.

– Мне на работу надо собираться! Где ты есть?!

Первым делом Люба выглянула в тамбур. Раз было уже такое, когда Ивушка замечталась и отстала, а потом скулила на весь подъезд. За дверью собаки не было. На кухне, возле вожделенного и запретного мусорного ведра, тоже.

Люба растерянно оглядывалась по сторонам, выискивая укромные места, где можно спрятаться. Но, с другой стороны, зачем? Почему Ива не отзывается? Это так не похоже на неё. В груди хозяйки повеяло неприятным холодком, а в глазах заплескалась паника. Чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше, Люба зашла в спальню и присела на кровать.

Рядом на подушке, свернувшись калачиком, сладко посапывала Ива. Глаза у неё были томно прикрыты, но большие пушистые уши чутко подрагивали.

– С грязными ногами на мою подушку залезла! Да ещё и притворяешься, что не слышала, как я тебя зову. Бессовестная ты собака!

Ива выпорхнула пташкой в коридор на свой коврик и приняла вид неусыпного и неподкупного сторожа.

«Столько времени потеряла из-за этой пройды!» – с досадой подумала Люба. Коты за ночь наскакались и где-то дрыхли. Хозяйка насыпала в три плоски корма и две из них поставила на подоконник, чтобы Ивка не решила, что у неё сегодня шведский стол.

На свой завтрак времени уже не оставалось. А тут ещё и хляби небесные отверзаются. Люба скептически осмотрела свой маленький и хилый, в сравнении с надвинувшейся грозой из дождевых туч, зонтик, и стала мрачно запихивать его в набитую всякой всячиной сумку. Застёгиваясь, молния

по-кошачьи выгнула спину с маленькими гибкими позвонками, а сама сумка потеряла прямоугольную категоричность и стала ближе к более совершенной геометрической фигуре – шару.

Решив сбросить балласт, Люба сунула руку в неведомый хаос и тут же под ноготь ей вонзилась металлическая игла щётки для волос.

– Оййй...

Зажмурившись от пульсирующей боли в пальце, Люба сунула его в рот, а другой рукой схватила сумку и вытряхнула из неё всё содержимое на письменный стол. Куча была похожа на пёстрый и причудливый муравейник. Наверху оказалась кошелек, набитый магазинными и банковскими карточками, мелкими деньгами, визитками юристов, стоматологов, сантехников и прочих нужных полезных людей, клочками бумажек с неопознанными именами и зашифрованными комбинациями чисел.

Тут Люба вспомнила, что у неё есть черный кожаный ремень с крошечной поясной сумочкой на нём. Девушка быстро сунула в неё пластиковую карточку, несколько купюр и защёлкнула на кнопочку. Она не стала вдевать ремень в джинсовые брюки, а просто застегнула его поверх тонкого серого джемпера, схватила зонтик и побежала на работу.

Раскрасневшаяся и растрепанная влетела в бухгалтерию, как раз в разгар чайной церемонии.

– Что это вы, Люба, всё опаздываете? – главбухша неспешно отхлебнула кофе со сгущёнкой и с кислой миной чуть надкусила увесистый кусок торта.

Старательно отводя глаза от тарелок с колбасно-сырными бутербродами и соленьями, лавируя взглядом между блюдцами с пряниками и вафлями, филигранно огибая им вазочки с вареньем и мёдом, Люба покаянно опустила голову.

– Извините, Лариса Эдуардовна, закопалась, зонтик в сумку не влазил.

И сразу почувствовала жгучие взгляды коллег, словно три пары лазерных лучей скрестились у неё на поясе.

– В такой сумочке только презервативы носят, – игриво подмигнула Марина Ивановна, — вот и опаздывают потом!

Она была постарше всех своих коллег, коренастая и плотная, с завивкой, которую Люба видела в детстве у маминих

подруг. На работе Марина Ивановна носила бесформенные трикотажные блузки неопределённых оттенков. В отделе безопасности работал её муж, в чем-то неуловимо похожий на неё. Он иногда заглядывал в бухгалтерию, и супруги шёпотом подолгу что-то обсуждали.

От заблестевших озорным блеском глаз Марины Ивановны, Любины уши и щёки загорелись, стало неловко и жарко. Она бочком пробралась к своему столу, заваленному папками, села и включила компьютер. «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли», – крутилось на языке.

– А сложить его не пробовали? – с видом умирающего лебедя подала свой голос Соня-тихоня, сидевшая за столом в углу у окна с декоративными кактусами на подоконнике, и скривила в усмешке бескровные губы.

Лариса Эдуардовна поощрительно кивнула головой и изобразила на лице подобие улыбки.

«Господи, хоть бы не стать от такой работы толстой нервной тёткой», – подумала Люба.

Но вслух ничего не сказала, незаметно положила на колени «Мастера и Маргариту», раскрыла на столе папку с балансом и погрузилась в чтение. А коллеги вернулись к прерванному разговору.

– Как же вы там изъяснялись, по-английски?

– Да какой там английский, я ж не в зуб ногой, да и Коля туда же. Они там все на туристов заточены, вот пусть сами язык и ломают.

– А если поесть чего купить, тогда как?

– А руки на что? – Марина Ивановна раскрыла ладонь и зашевелила толстыми пальцами, – вот это значит осьминог! А это, – она выгнула сложенные вместе пальцы горбиком – креветки!

– И тайцы что, понимают? – недоверчиво хмыкнула Лариса Эдуардовна.

– И ещё как! Мы им заказ показываем, а они нам цену на калькуляторе, – Марина Ивановна протянула вперед руку с воображаемым калькулятором и изобразила слащавую угодливую улыбочку, склонив голову набок.

– И что ж вы там ели? – подчеркнуто отстраненно, но с плохо скрытой завистливой ноткой в голосе поинтересовалась Соня.

– Ой, да всё, что не приколочено! Только оно там у них или с сахаром всё, или с перцем. Сколько не тадычь им «ноу спайси», ни фига не работает. Вообще мы всё время там что-то хомячили, но старались больше налегать на фрукты, морепродукты, ну и все супчики их знаменитые перепробовали Том-Ям, Том Кха Каи...

– Да вы, Марина Ивановна, ведьма, - шумно вздохнула Лариса Эдуардовна, – Одни постоянно на диетах сидят, чтоб не толстеть, а другие едят, что захотят...

Марина прямо зарделась от удовольствия:

– Да немножко-таки прилипло к бокам. Чего ж мы только с Колей не попробовали! И змей, и крокодилов, и акулу. А через неделю так нашего черного хлеба захотелось и картошечки жареной, аж зубы чесались!

– А жуков и кузнечиков пробовали? – не спешила сдаваться чужому счастью дотошная Соня.

– Я хотела! На вечерних рынках столько этих насекомых было: саранча, бамбуковые черви, коконы шелкопряда, сверчки, скорпионы! – Марина Ивановна аж слюну сглотнула. – Помню, как-то нам дед попался с тележкой таракашек, весёлый такой, прямо при нас их жарил и на барабанах играл! Ещё и матерился по-русски! У них эти полевые кухни, макашницами называются. Вот они эту живность при тебе в чан с кипящим маслом кинут, через минутку вытащат, соевым соусом сбрызнут, чёрным перчиком и зеленью посыпят, завернут.

– И?...

– И покупатели горяченькими хрустят, как чипсами. А Колюня мой уперся, словно рогом, и ни в какую. Я ему: зря, что ли мы сто часов болтались в небе, чтоб потом всего бояться и стесняться? Это же такой шанс! А он говорит: я тебя больше и за деньги не поцелую.

Чтение у Любы не пошло. Полёты на щётке над Москвой казались пресными. «Пойти, что ли гусениц наловить и нажать? Устроить себе персональный Таиланд?».

– А едой из этих макашниц вы не травились, там же, наверное, антисанитария жуткая?

– Да вообще ни разу! У меня желудок луженый, грех жаловаться.

– А я в Анапу сдуру поехала. Первые три дня после шторма водорослей столько нанесло, что в воду не войдёшь, не море -

болото. Потом их граблями повытаскивали, на берегу в кучи по-сваливали, вонь ещё неделю стояла. Немножко покупались, но как с моря идём, сын постоянно ноет «есть хочу, есть хочу», все нервы вымотал. Зашли в какую-то забегаловку на пляже, взяли шаурмы и так траванулись! Вечером температура подскочила, рвота фонтаном, понос никакой уголь, никакой имодиум не брал. Пришлось вернуться на неделю раньше. Как вспомню, и сейчас волосы на голове встают дыбом. Назад едем, в поезде жара 30 градусная, мы из туалета не вылазим, со всем вагоном переругались, нас оттуда с нарядом полиции вытаскивали! Как вернулись - сразу в инфекционку загремели. А теперь вот ничего нельзя, только кашки рисовые да бульончики хлебать.

Главбухша страдальчески сморщилась, сложила бровки домиком и достала пакет с баночками. Соня засуетилась, метнулась к микроволновке и, как вышколенный швейцар, распахнула дверцу:

– Разогревайте, Лариса Эдуардовна, я потом!

Марина Ивановна с лоточками и кулёчками побежала на первый этаж, где в кабинете возле лифта обеспечивал надёжность и защиту Коля.

А Люба растерянно посмотрела на остатки торта и бутербродов и решила в перерыв выйти прогуляться.

Пару минут постояла на крыльце, вопросительно поглядывая на низкое небо. Дождь кружил где-то рядом, но пока ещё не собрался. В небольшую рощицу, что напротив работы, такую зелёную, звонкую, манящую прохладной свежестью в солнечный день, а сейчас просто тёмную, угрюмую и молчаливую, идти не хотелось. И Люба задумчиво побрела дворами по дорожке вверх, перешла через дорогу и оказалась у ворот фермерского рынка «Изобильный».

На прилавках висились горы всевозможных фруктов и овощей, их яркие краски расцветывали общую серость дня и поднимали настроение.

Рынок жил в своём ритме, народ деловито сновал, торговался, толпился у прилавков. Надо всей этой суетой и ором витали, смешивались и околдовывали тёплые, пряные, сладкие ароматы сочной клубники, солнечных абрикосов, ранних дынь, влажной зелени.

Люба подошла к крайней палатке, где очередь была поменьше. Ей очень понравились персики: их бархатистые ру-

мяные бочка, налитые соком, так и притягивали взгляд. От них веяло солёным морским бризом и сквозь монотонный базарный шум Люба расслышала далёкие крики чаек, ночные вздохи волн у прибрежных валунов и вкрадчивый шёпот гальки. В детстве, она с мамой часто ездили в Крым. Порой их завтрак или ужин состоял только из фруктов, таких спелых, сочных и сладких, что не хотелось никакой другой еды.

Стоявший рядом с ней симпатичный молодой мужчина, взял пакет и только протянул руку, чтобы выбрать персики, как дородная красномордая торговка, возвышавшаяся над прилавками, гаркнула на весь ряд:

– Не лапайте! Перемнёте все, а мне их потом продавать надо! Я вам сама наложу подряд!

Она торговала на пару с мужем, плюгавеньким мужичонкой в растянутой грязной футболке, который тут же подвинул с идиотской ухмылкой:

– Это тебе не женская грудь, нечего их щупать!

– Вы тут ещё любовью займитесь! – раздались негодующие голоса сзади.

Люба с молодым человеком в немом изумлении замерли, глядя друг на друга, а потом синхронно уставились на персики.

Но, как оказалось, гневные пожелания были адресованы молодой студенческой паре, стоявшей в обнимку позади Любы. На них надвигались, грозно тряся бульдожьими брылями и выталкивая из очереди, две желеобразные толстухи.

– А если хотите трахаться – яростно заорал проходивший мимо тощий и жилистый дед с ведром картошки, за которое цеплялась тонкой ручонкой девочка лет пяти, – трахайтесь на хате, а тут дети!

– Мы на рынок ходим за продуктами! Мы семьи кормим, а вы бессовестные, что вытворяете?! Что нам потом делать с нашими нервами? – уже вслед убегающим сконфуженным пареньку и девушке, стенала взбудораженная очередь.

– А потом удивляемся, что молодёжь стерильная – чальдфри, – сально ухмыльнулся седой приземистый коротышка, поддерживая и поглаживая снизу отвисший живот, – спугнули голубков.

Это подлило масла в огонь. Очередь загалдела, распаяясь всё сильнее. Но пузатый коротыш тут же принял суровый вид, как при выносе знамени:

– Я вот писателем работаю. Был в горячих и холодных точках волонтером. Увечье получил. – Он ткнул пальцем себе в щеку, через которую вертикально проходила застарелая кошачья царапина. – Уже чуть ли не ночью в вузах – всё толкую им о Родине, о Новороссии, о Сирии, о дне насущном. И что, думаете, знают они, кто такой Павка Корчагин или Молодая гвардия? Думаете, знают? Ан нет! Ни хрена они не знают, эти господа!

Он высморкался в пальцы, вытер их о пучок укропа на прилавке и продолжил свирепо:

– Ноль понятия! Молодёжь никакая! Школы и библиотеки – никакие! Заниматься патриотическим воспитанием – как в штыковую ходить!

Вернувшись на работу, Люба застала демонстрационный показ правой ноги Марины Ивановны. Она сняла босоножку, поддёрнула повыше юбку, и поставила ногу на стул, словно собираясь исполнить приватный танец. Нога была вполне обычная, целлюлитная, покрытая ржавеватым загаром, а вот у щиколотки багровело большое пятно.

– Вышли мы с Колюней из бара, коктейли там просто обалденные, и взяла на вечер пива местного. Приложились так душевно, а после пары – тройки банок, как водится, решили градус повысить. Мы домой презентов накупили и решили ещё из запасов одного Сан Саныча выдернуть.

– Кого-чего выдернуть?

– Ну, это наши так местный ром Санг Сом называют. Вообще вещь классная, мягкий, сладковатый, пахнет травками какими-то пряными и, главное, недорогой. Мы его сначала с пепси мешали, потом перешли на чистый. Тут мне в голову и шибануло, на подвиги потянуло, и решила я при луне искупаться. А Колю, наоборот, сморило и он в номере остался.

– Голой искупаться? – у Сони заблестели глаза и замерцали розовые пятнышки на щеках.

– Хм, до этого не дошло. Принесло меня на пляж, в голове туманы, а там...

– Что?

– Да что, иду я по берегу вся такая романтичная и вдруг под ногой что-то мягкое, склизкое, как вцепится! Да больно, будто ногой в куст крапивы влезла. Я от неожиданности на песок грохнулась и как заору! Там кое-где люди были, так они вместо того, чтобы помочь – поразбегались сволочи!

Люба вспомнила Чёрное море и фото, где она улыбается, держа за купол прозрачно-льдистую медузу, похожую на хрустальный колокольчик. Вспомнила и свои ощущения – какая морская жительница гладенькая и влажная. А потом, вернув её морю, радовалась, что та не потонула, а покачиваясь на воде, продолжила своё увлекательное путешествие, похожая на миниатюрный космический кораблик.

– Марина Ивановна, а в Тайланде люди на улицах целуются?

Марина прервала рассказ и просканировала взглядом-рентгеном Любу сверху вниз и обратно.

– Ну ты и спросила! С этим как-то всё сложно. С одной стороны, народ за разворотом туда ездит. Там той страны, кот заплакал, а только официально миллион проституток всех полов! В Паттайе они просто кишмя кишат! Мы как-то с Колей решили прогуляться по Волкин стрит, так они гроздьями цеплялись, шли как сквозь строй: то от одних, отбивались, то от других, то вообще не пойми от кого. А с другой, они, видишь ли, страна строгих моральных устоев и глубоких традиций. Прикинь, закон ввели запрещающий школьникам и студентам обниматься и целоваться, причем не только в общественных местах, но и в приватной обстановке! Типа мораль они нарушают.

– А если поймают, интересно, что будет?

– Ну, вроде как лекции им читают, а может, «свинью» как у нас раньше из вытрезвителя, в школу и родителям пришлют.

Марина Ивановна ещё раз пристально посмотрела на Любу и почти сочувственно резюмировала:

– Ты съезди в Турцию для начала, там хоть человеком себя почувствуешь.

Люба тяжело вздохнула и уткнулась в бумаги. Баланс не сходил.

– Привет, куркуляторы! Извините, что помешал вам деньги прятать! Вот вам оригиналы договоров, – просунулась в дверь коротко стриженная, похожая на кактус голова, а вслед за ней протиснулся и весь Сёма Бинкевич кипучий оборотливый менеджер из отдела продаж. – Что-то вы все печете, девушки, печете... – посетовал он, одной рукой засовывая в рот бутерброд с колбасой, а второй зачерпывая из

вазочки столовой ложкой клубничное варенье, и собираясь отправить туда же.

– Умница, Сёмочка, один ты всегда вовремя документы сдаешь – главная расплылась в приторной улыбке, – бери, ешь, сколько хочешь!

– И вы, девы, угощайтесь, упивайтесь, прелюбодействуйте!

Раскрасневшаяся и разулыбавшаяся Соня не сводила с Сёмы восторженного взгляда, Марина Ивановна уже наливала для Сёмочки чашечку чая, как дверь снова приоткрылась.

– Здравсте, – водитель Миша Вертяков потоптался на пороге, но поскольку на него никто не обратил внимания, нерешительно шагнул вперед. – Накладные на асфальт мне выпишете и счёт фактуру.

– Паспорт давай! – хищно зыркнула Марина Ивановна.

Миша, почуяв подвох, мотнул головой и как стреноженный конь начал переступать с ноги на ногу, угрожающе выпячивая костлявые коленки:

– У вас же есть все мои данные в базе, зачем?

– У нас-то есть, – она насмешливо оглядела его нескладную фигуру, – а вдруг у тебя ещё что появилось или убавилось...

Мужским вниманием сотрудницы «ДорСтроя» обделены не были, поскольку коллектив в основном состоял из сильной половины человечества: заветренных и продубленных солнцем рабочих, сильных мастеров и прорабов, белых ИТР-овских воротничков, заносчивых добытчиков-менеджеров, маленькой закрытой касты айтишников. Но тут крылась одна немаловажная деталь. Когда Михаил Вертяков устроился на работу, было ему чуть за тридцать и в первый же день в курилке кадровичка многозначительно-смачно поделилась новостью: он – холост и женат ранее не был.

Издали Вертякова можно было принять за ходячий циркуль из школьной готовальни. Будучи высокого роста, он зажимал свою голову узкими плечами, а длинные и широко расставленные ноги довершали сходство. Вертяков был похож больше на затюканного студента ботана, чем на водителя, являя собой проф-антагониста сложившемуся образу матёрого небритого шофера. А в первую же пятницу выяснилось ещё одно диво дивное: Михаил был непьющий.

Все последующие три года Миша будоражил и дразнил неясными перспективами всю незамужнюю часть женского контингента. Если в перерыв он обедал в столовой, к его столу мгновенно устремлялись с подносами девицы из планового, экономического и нормировочного отделов. Он не сторонился их, но и не обнадеживал, только кивал в ответ на все пожелания приятного аппетита и утыкался взглядом и носом в тарелку или в стакан.

«Душнила занудный», – раздражённо фыркнула Соня после очередной неудачной попытки завести разговор с Вертячковым. Странного водителя подозревали и в гораздо худшем, но неустроенные и любопытные сотрудницы продолжали тянуться к непонятному, как мотыльки на огонь. Досужие кумушки пытались докопаться до истинных причин его целибата. Марина Ивановна подсылала к нему своего благоверного с доверительными мужскими разговорами, но твёрдый Миша проявлял удивительное соответствие своей говорящей фамилии. Он как-то незаметно уворачивался от прямых вопросов, заговаривал, заблачивал тему так, что собеседнику становилось скучно, тошно и тянуло в сон.

Как-то с месяц тому назад, Люба не пошла на обед, а осталась добить какие-то срочные сводки-сверки. Суется между монитором и ворохом бумаг на столе, попутно прихлёбывая чай из чашки, она не услышала, как в их кабинет вошел Миша. Скорее уловила легкий сквознячок.

Он молча прошёл и присел за стол напротив. Люба удивлённо подняла брови и вопросительно взглянула на молодого человека.

– Никого нет, все на перерыве.

– Можно я посижу?

– Что значит, посижу? Я тоже сейчас занята. Через полчаса приходи.

Вертячков кинул быстрый взгляд на дверь, потёр переносицу, погладил себя по щеке, заёрзал на стуле и остался сидеть на стуле как приклеенный.

Любе показалось, что Миша постоянно видоизменяется, как в старом мультике про пластилиновую ворону. Его непрерывные и неконтролируемые хаотичные движения вместе с неестественным выражением лица, начали уже напрягать, хотя угрозы девушка не чувствовала.

– А ты вообще по какому вопросу?

Его и без того тонкие губы сжались и вытянулись в нитку. Вертячков сторбился, замер и угрюмо уставился в пол. Люба мудро решила тоже сделать паузу.

– Ну, тут, короче, такое дело, спёкся я. Женился.

Даже если бы она была не замужем, он ни как мужчина, ни как сослуживец не интересовал её от слова «совсем». Если мельком поздоровались на лестнице пару раз, так и то много. А на все эти смотрины-паломничества во время приёма пищи Люба только плечами пожимала, недоумевая – зачем так назойливо лезть к какому-то странному шофёру? «Я ему поп на исповеди что ли, с чего это он решил мне исповедаться? – раздосадовалась девушка. – Поработала спокойно, блин!» Но новость всё же оказалась неожиданной, и Люба отогнала всплеск возмущения.

– Поздравляю! Совет да любовь, как говорится. Если ты за материальной помощью, то это пока не к нам, а сначала к главному или в профком сходи.

Миша криво улыбнулся в ответ:

– Спасибо. Я другое спросить хочу. Вы вот тут с бумажками работаете, – он нервно открыл верхнюю папку «Касса» на столе у Сони и выхватил первый попавшийся листик, – а если, например, нужно печать свести, чем лучше?

– Положи на место и не трогай тут ничего! Какую печать? Ты что несёшь?

– Со странички – раздалось глухо, как из танка.

Люба оторопело уставилась на посетителя:

– Какой?

– Ну, четырнадцатой, в паспорте, «Семейное положение».

– Зачем?!

– Ну, мы с Леной ещё когда только начали встречаться, мне мама сразу истерику закатила: «выбирай или я, или она».

– А почему?

– Они с моим отцом в разводе, я у неё один, она меня вырастила, привыкла, что мы вместе всегда и что я ей обязан. К тому же Лена постарше...

– Прислушаться к её мнению, конечно, стоит, но решать-то тебе. Если мужику за тридцать, а за него решают с кем ему быть, значит, мозгов у него, как у тумбочки. И что ты ей на это сказал?

– Я не стал спорить, это все равно бы кончилось скандалом. Я как-то ещё в пятом классе ей вместо шоколадного сливочное мороженое купил, так она со мной две недели не разговаривала.

– Бойся меня — люби меня, понятно... Подожди, так в чём проблема-то?

– Мы год втихую встречались, а месяц назад Лена зале...

От возмущения Любу аж подбросило:

– Что?!

Миша заёрзал на стуле, закашлялся и поправился:

– Сказала, что ждёт ребёнка. Мы подали заявление и нас расписали.

– Как такое возможно? Не на улице же и не в кафе она забеременела?

– Ну я дома говорил, что меня в командировки в районы на пару дней в неделю посылают и жил это время у Лены. Так вот, вчера вдруг за ужином мама ни с того, ни с сего спрашивает: «Как там Лена поживает?» У меня чуть котлета в горле не застряла! «Хорошо поживает», – говорю. А она: «А откуда ты знаешь, вы же расстались?» «Ну, от кого-то слышала, что даже замуж вышла». И тут она выдает: «А не за тебя ли?» – улыбается, а взглядом, как перфоратором меня долбит.

Вертяков нервно слотнул.

– Я поклялся, что, между нами, давно ничего нет, мы не видимся и не слышимся. И тогда она потребовала показать паспорт... Еле выкружил время до завтра, уже до сегодня, дескать, в машине забыл. А вечером она будет проверять.

Люба смотрела в его лицо и представляла, как он держит за руку и произносит этой незнакомой ей Лене: «клянусь быть с тобой в радости и печали, болезни и здравии, в богатстве и бедности, любить тебя и оберегать наш союз до конца жизни...»

– А скажи, если не секрет, из-за чего твои родители разошлись? Твой отец пил?

– Нет, не пил, он обманывал, изменял матери.

Люба грустно кивнула своим мыслям, всё подтвердилось.

– Так вот, там печать такая неясная, бледная, если правильно раствор подобрать, её совсем не видно будет... – продолжал бубнить отвратительный тягучий голос.

Люба вскочила и глядя в его суетливо бегающие глаза, громко отчеканила:

– Вон отсюда, жених недоделанный! И чтоб духу твоего здесь не было!

Миша бросился к двери и столкнулся с работницами бухгалтерии, которые в полном составе с радостно-возбужденными лицами, насмешливо изогнутыми губами, иронично улыбающимися глазами преградили шофёру путь к бегству и стали свидетелями его позора. Марина Ивановна ехидно пропела:

– А говорила, останусь поработать! А они тут отношения выясняют. Мы не рано вернулись?

– Вовремя! Сейчас все вместе будем печать сводить! Мы ж тут уже наловчились, поднатерели в этом!

После того, как в бухгалтерии узнали о его истории с женьшеньбой, интерес к Мише не пропал, но принял другие, не лестные для него формы. Про беспутного шофера Вертякова узнали все, включая техперсонал.

Ветеран «ДорСтроя» уборщица, по-новому клининг-менеджер, Христя Петровна Косарь, и та не упускала случая проехаться по пижонским ботинкам Вертякова насквозь мокрой, грязной, провонявшей аммиаком и хлоркой, тряпкой на швабре. А несменяемый вахтёр этого солидного учреждения Анатолий Митрофанович Зайцев, взбадривавший себя по утрам забористым шансоном из радиоприёмника и торкающим чифиром из хромированного термоса, грозил, пробегавшему мимо вертушки Вертякову, кулаком с наколотыми перстнями на пальцах и орал: «Дырявим кружку и под шконку!»

Предводительница местных соискательниц уз Гименея Оксана, та самая кадровичка, давшая путёвку в жизнь и возможность влиться в коллектив новому водителю, в перерыв направлялась, как и раньше, с подносом к его столику, но не садилась рядом. Тряхнув длинными разноцветными дредами и прикрыв смеющиеся чёрные глаза, кадровичка томно вопрошала:

– Кукусик, а не хочешь ли ты на мне жениццо?

А иногда просто останавливалась перед ним, как вкопанная, но потом, словно вспомнив что-то, меняла траекторию. Остальные отвергнутые и обманутые невесты осуждающе и насмешливо косились на Вертякова и шушукались.

Когда водитель в очередной раз зашёл в бухгалтерию за накладной, Марина Ивановна грозно сдвинула брови:

– Паспорт давай!

– Зачем?! – опешил Вертяков и стал затравленно озираться по сторонам.

– Пришла новая должностная инструкция! – сурово ответила бухгалтер. – Мы теперь обязаны при выписке накладных идентифицировать перевозчика по паспорту!

Вертяков покорно положил на стол паспорт как фиговый листок, прикрывавший его срамное место, и вид водителя приобрёл совсем жалкий вид.

– Ёлки, палки, лес густой, едет Ванька холостой... Таак, и куда это ты намылился? – не спеша перелистывала странички Мишиного паспорта Марина Ивановна.

– Мне в Чернянку надо ехать! Там бригада асфальт ждёт! – занервничал Вертяков.

– Вы там совсем охренели, в окно не смотрите? Дождь собирается! Снова в лужи будете свой асфальт сыпать?

– Я дороги не делаю. Мне сказали отвезти, я человек подневольный.

– Вот поэтому колдобины и выбоины на дорогах, что таким как ты все равно! Готовы что в грязь, что в снег народные деньги зарывать! А это и мои денежки между прочим!

Лариса Эдуардовна снизошла насмешливо:

– Ну что вы, Марина Ивановна, не знаете, это же народная примета: если дорожники с утра начали класть асфальт – это к дождю.

– Да какой с утра! Уже пятый час, а мне же ещё ехать! И людям работать надо. Выпишите мне бумаги, – раскипятился Вертяков.

– Может тебе ещё налоговую декларацию заполнить? Знаем какие вы работнички! Потом в эти ямы целые машины проваливаются, – злостно продолжала Марина, – нас за ваши «заплатки» на дорогах уже весь народ клянет! Сын боится из дома выходить, бардак развели.

Вертяков приосанился и сменил тактику:

– Дядя нас шоферов нет плохой погоды. Когда я вез саженцы в ботанический сад, шел град, зато какая теперь сирень там благоухает.

– Ну прям принц с обложки журнала «Сельские хроники». Больше ты ни на ком из нас не женат?

Вертяков зло прищурился в сторону Любы, но она не удостоила его своим вниманием.

Главная закатила глаза:

– Девочки, «мы тупеем на этой войне», но мы должны делать нашу работу. Выпишите уже ему эту накладную.

В дверях возникла Христя Петровна в длинных жёлтых резиновых перчатках по локоть, с цинковым ведром и почерневшей деревянной шваброй в руках. Пересчитав хищным и зорким ястребиным взглядом оставшиеся бутерброды и пряники на столе, она мотивированно потребовала:

– Рабочий день кончается, мне убираться надо, а тут всё «зудёшь» и «зудёшь» какая-то! Что ж вам неймётся-то? Идите уже по домам!

Через пять минут Марина Ивановна протянула Мише бумаги и паспорт. Бухгалтер как заправский гаишник козырнула и напутствовала: «Счастливого пути! В следующий раз быстро не женись!»

А рабочий день и правда закончился. Но Люба не чувствовала ни радости, ни облегчения. Казалось, этот киселеобразный, вязкий день продолжит тянуться за ней, как след за улиткой. До дома было полчаса пешком и столько же, если подождать на остановке битком набитую, душную, еле ползущую сквозь пробки маршрутку.

Люба выбрала первое. «Лето всё-таки, пройдуся по воздуху», – решила она. Надо было проветрить голову от всех этих нескончаемых и бесполезных разговоров, которые слились в один фоновый шум. Хорошо бы помечтать, как в детстве, увлечься какой-либо выдумкой, так, чтобы стёрлась граница между ней и реальностью.

Стал накрапывать дождик, почти неощутимый и незаметный, больше похожий на легкий туман. Она брела с полузакрытыми глазами, подставляя лицо небу, вдыхала сырой тёплым воздух, и думала, что это похоже на ингаляции, которые ей назначали в поликлинике, когда у неё зимой был бронхит.

Потом пахнуло холодком, зашептались взволнованно верхушки деревьев, затрепетали листья берёз и тополей вдоль дороги, и послышался дальний раскат грома. Почти сразу на землю обрушился проливной обломный ливень. Ветер с шумом гнал стену воды, разворачивая и наклоняя её то в одну, то в другую сторону. Люба заметалась в поисках укрытия и вспомнила про зонтик. Но едва раскрыла его над собой,

как яростный порыв ветра вывернул шляпку спасительного средства наизнанку, а потом смял как нежный цветок вьюнка. Шток зонтика страдальчески хрустнул и надломился, а девушка вымокла до нитки.

«Довёз-таки Вертяков асфальт и бригада работающая попала!» – горько усмехнулась себе Люба и помчалась, не разбирая дороги по кочкам и лужам к ближайшему торговому центру.

Чтобы переждать непогоду и немного обсохнуть, девушка бродила между сверкающими витринами, обходя работающие кондиционеры, от которых всё тело под мокрой одеждой покрывалось гусиной кожей, и начинал бить озноб. Одежда, обувь, сумки сливались в одно серое невыразительное пятно. Любимый часовой отдел был ничем не привлекательнее посудного. И всё же, чтобы хоть как-то разбудить свои эмоции, Люба попросила показать механические «Лонжин». Поднесла к уху и услышала мерное, тихое и таинственное «тик-так», на которое раньше сердце отзывалось радостно-восторженным удвоенным «тик-так-тик-так». В этот раз оно промолчало.

Люба равнодушно отдала их назад и перешла в обувной. Скользя спокойным взглядом по полкам, с досадой отвернулась: даже если бы она была сороконожкой, ни кроссовок, ни туфелек ей не хотелось, что было самым обидным. Сверкающие и разящие лучи ювелирных витрин улетали «в молоко». Настырные скидки «с доплатой» навевали скуку – всего этого великолепия её душа не принимала.

Люба вдруг вспомнила, что, когда она была маленькая, в городе был один единственный ювелирный магазин «Топаз». Золото, как и многое другое, было тогда в дефиците, за ним отстоявали огромные очереди. Мама рассказывала, как сэкономила и откладывала с каждой получки деньги на кольцо для дочери. Но и купить было непросто: как попасть в момент привоза, если целый день работаешь? Договаривалась с соседками, записывались, отмечались в списке.

Мама вынимала из маленькой бархатной коробочки золотой перстенёк с аленьким камушком и, нежно улыбаясь, говорила: «Вот подрастёшь, подарю тебе его и будешь носить!» Люба примеряла его на свои маленькие пальчики и каждый раз чувствовала холодок – не то от тяжёлого жёлтого металла, не то от картины давки и ругани в очереди, которую она

живо представляла себе. Девушка действительно получила перстенёк в подарок на шестнадцатилетие и некоторое время носила, но потом положила в коробочку и доставала редко.

По этой же причине Люба недолго любила и другие атрибуты советского «благополучия» – ковры и хрусталь. С книгами получилось иначе: подписных изданий с золотыми корешками у них дома не стояло, но благодаря пяти библиотекам, в которых Люба была активной читательницей, книги были везде и еженедельно обновлялись.

В школьной она брала программные, в ближайшей к дому ей разрешалось проникать в святая святых – книгохранилище и выбирать литературу самой. Каждый раз она испытывала прямо-таки священный трепет, ощущая себя женщиной, допущенной в алтарь. Ещё в одной, маленьком и уютном филиальчике, дружелюбные весёлые библиотекари поили её чаем и угощали конфетами с печеньем, а она за это рассказывала истории из своей жизни и помогала заполнять формуляры. Но самой любимой была юношеская, до которой нужно было ехать в центр города остановок пять на автобусе. Там был отдел искусств, а Люба обожала читать жизнеописания художников и рассматривать репродукции их картин.

Её будущий муж Станислав, с которым она познакомилась ещё в ранней юности, каким-то стратегическим чутьем угадал в ней это пристрастие и в качестве первого подарка преподнёс Любе огромный, шикарно оформленный альбом «Искусство Византии». Запомнив произведённое подарком впечатление, он продолжал дарить ей художественные альбомы её любимых Саврасова, Шишкина, Врубеля. Но не долго, потом подарки стали заменяться полезным покупками, а спустя ещё какое-то время – нужными вещами...

Люба очнулась от воспоминаний и обратила внимание, что стоит, потеряв счёт времени, у дверей небольшого магазинчика с примечательной вывеской «Женское счастье». Печально улыбнувшись, она вошла внутрь. На полочках, прижавшись бочком к бочку, уютно расположились пушистые и гладенькие моточки пряжи всех цветов и оттенков, причудливыми морскими камушками раскинулись пришитые на картонках пуговицы, серебряным и золотистым блеском сверкали спицы, крючки и прочие приспособления для рукодельниц.

В углу на стуле восседала продавец без возраста с безстрастным лицом и вязанием в руках. Впечатлительная и начитанная Люба заворуженно следила за движениями тончайшей нити, а в голове зловеще зажужжала кузнецовская «Муха»: «Я у дремлющей Парки в руках Нить твою задевала впотьмах, И она смертный стон издавала».

«Кто она из трех сестер, интересно: Нона или Децима?» – задумалась девушка. Имя третьей Люба даже мысленно страшилась назвать. И тут вязальщица медленно потянулась за ножницами. Люба в мистическом ужасе попятилась и была готова бежать от этого магазина подальше и без оглядки. Но внезапно туманный взор женщины-парки прояснился, она положила ножницы под прилавок и обратилась к Любе с извечным вопросом:

– Что вы хотите?

«Хочу быть счастливой, – чуть не вырвался ответ. Но вместо этого она вдруг спросила:

– А почему ваш магазин так называется?

Продавец понимающе улыбнулась, словно услышав невысказанное, и неожиданно продолжила:

– А вспомните, как начиналась «Сказка о царе Салтане»?

– «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...», – машинально произнесла Люба и начала смутно догадываться.

– Правильно! А что делали во время прядения эти девицы?

– Общались, мечтали, загадывали о будущем...

– Не просто мечтали, а создавали своё желанное будущее своими руками.

Люба кивнула, удивившись про себя как непрост наш лёгкий и солнечный гений. Знал он про греческих мойр и римских парок? Несомненно. И одним озорным движеньем пера усадил их в русскую светлицу пряхь судьбы! А если ещё почитать вот отсюда: «и роди богатыря мне к исходу сентября» не в ночь ли под Рождество грел уши царь-государь «позадь забора»?

– А в Рождество границы миров становятся тонкими. Прошлое, настоящее и будущее становятся одним целым, а слово и дело наполняются особой магической силой. Гоголю-то хоть верите? – прощепетала юная рыжеволосая девушка с ямочками на щеках за прилавком.

– Я обязательно что-нибудь у вас куплю, – выдохнула ошеломлённая Люба, глядя в её блестящие зелёные глаза и не

веря, что ещё миг назад ей казалось, что за вязанием сидела почти старуха.

– Выбирайте!

С раннего детства у Любы самым любимым увлечением была вышивка. Маленькой она часто сидела возле бабушки и, затаив дыхание, смотрела, как под её лёгкими руками на белом поле начинают проявляться нежные лепестки, а затем распустившиеся бутоны роз, неотличимые от настоящих. Казалось, что они благоухают и над вышивкой витает живой медовый аромат. Это было настоящее волшебство, которое затягивало и хотело в нём участвовать.

Упросив бабушку дать ей канву и пяльцы, и самое главное, доверить основной магический предмет – иголку, Люба, прикусив кончик язычка от усердия, училась вышивать. А бабушка подавала ей разные ниточки и рассказывала про них: красные защищают от опасности и злых людей, на здоровье – жёлтые и оранжевые, к чистоте и верности сердечных чувств – зелёные и розовые. А заметив, что внучка устала или приуныла, забирала пяльцы со словами: «Сердце веселится, и розы цветут. Хватит, моя Любонька, а то грусть пришьёшь».

Рассеянно перелистывая стойку-книжку с наборами для вышивания, Люба вспомнила о том, сколько горя выпало на долгую бабушкину жизнь: революция и две войны, смерть троих деток, голод и изнуряющий, непосильный труд. Разве цвели её дорожки розами, исполнялись заветные желания? Наивная вера в крестики из цветных ниточек на растущую луну и Параскеву Пятницу против мировых катастроф. И как выстояла, перенесла и вытерпела маленькая хрупкая женщина на всё, что крушило огромные грозные армии, как сохранила в себе свет и тепло? Может быть для того, чтобы и её научить вышивать розы?

Люба зажмурилась и представила, что распахивает дверь в прекрасное далёко, произнеся про себя проверенное заклинание: «Куда сердце лежит, туда и око глядит». Перед ней открылось сверкающее под солнцем море с яркими разноцветными бликами на тёмной, густой синеве, сливающейся у горизонта с лазурным бездонным небом. Между небом и морем скользили лёгкие парусники, по скалисто-каменистому, но зелёному склону, к воде спускались красочные домики и всё это было пронизано покоем, радостью и светом.

– Это рай?

– Это Лигурийское побережье. Набор называется «Итальянская лазурь».

С картинки, как из окошка в лучезарный радостный мир, струился солнечный свет. Он волновал и вызывал в Любиной душе ощущение ожидания праздника. Не выпуская заветный пакет из рук, она заплатила две тысячи и побежала домой, не обращая внимания на всё ещё моросящий редкий дождь.

Как только Люба открыла входную дверь, радостное оживление сразу испарилось и настроение испортилось. В прихожей как Мамай прошёл. Мимо метельными вихрями пронеслись коты-болиды, за которыми стелилась позёмкой побелка.

– Привет, подай мне чёрный строительный маркер, – раздалось откуда-то сверху из кухни.

Станислав стоял на стремянке в наполеоновской треуголке, сделанной из газеты «Советская Россия». С мастерком в руке он примазывался к трудовому народу и одновременно гаумился над цеховым братством штукатуров. Пол и стены были заляпаны извёсткой. Осторожно переступая через дрель, уровень, ведро с водой, разбросанные шпатели и валики, Люба добралась до маркера и подала его мастеру-ломастеру.

– А я хотела чаю выпить, на улице дождь...

– Некогда тут чай гонять, работать надо! Сколько эта разруха будет продолжаться?

«Шёл четвертый год войны...» – про себя грустно констатировала Люба, простившись с чаем, ужином и тихим вечером. Как достали эти ролевые игры в стиле садо-мазо. Эротики в них было меньше, чем в купании девяностолетнего дедушки. Вместо того, чтобы пригласить бригаду специалистов, он решил выместить свои детские обиды, компенсировать юношеские неудачи и продемонстрировать третичные половые признаки. Стас объявил «джихад» всему живому, что ещё осталось в квартире и частично соседям. От этого «ремонта» Любе хотелось бежать куда глаза глядят из собственного дома.

– Ты с Ивой гулял?

– Гулял, – раздражённо буркнул Стас.

– А где она?

– Блин! Ну не дадут поработать! - Он покрутил головой, с досадой спустился и распахнул дверь в ванную. В мойке молча стояла и дрожала Ивушка, лапки её скользили, она переминалась, старалась удержать равновесие. – Лапы помыл, тут телефон зазвонил, вот и забыл спустить...

Муж вернулся на стремянку.

Оставляя на белом полу чёткие следы мокрых лап, перепуганная и плачущая Ива носилась по квартире, а потом спряталась в укрытие под телефонной тумбочкой, поджала хвост и затаилась. Люба содрогнулась, предвидя внеочередную генеральную уборку.

– Чёрт! Колпачок упал! Помоги! – раздался вопль из кухни.

– Ну я пока не вижу, где он. Тут много всего...

– Вот же гад, ведь лежит где-то и молчит! Какие идиоты делают такие колпачки?!

– Какие такие?

– Отскакивающие! Укатывающиеся. Надо, как ручки в библиотеках – на верёвочке. Небось, он упал, а собака прибежала, схватила и к себе заныкала.

Под собачьим ковриком лежали только пуговичка и десять рублей. Колпачка не было.

– Наверное, съела. Рентген ей надо сделать!

«Господи, дай мне терпения!»

Люба пошла в спальню, сняла мокрую одежду, взяла полотенце и сухую футболку, собираясь в душ. И тут Стас взвыл нечеловеческим голосом. Из кухни раздался грохот металла и рёв:

– Я вас поубиваю сейчас всех!

Люба, бросив всё на кровать, кинулась на место катастрофы. Проскакав по кухонному бездорожью, ей в ноги врезались оплоумевшие коты и скрылись под ванной. Разъярённый Стас схватил швабру и стал тыкать под ванную, намереваясь достать самые дальние углы с притаившимися там пушистыми бедокурами.

– Да оставь ты их в покое! Что они тебе сделали, эти мелкие пакостники?

– Смотри, что они сделали! – выкрикнул Стас и спустил спортивки. От паха вниз тянулись глубокие кровоточащие царапины. – Они меня кастрировать хотели! Я стоял, потолок шпаклевал, а они с разбега по мне как по дереву!

«Ну кто-то же должен был за меня отомстить!»

– Сейчас продезинфицируем, полечим, не волнуйся.

Всё ещё обиженная, Люба намазала царапины погуще зелёной и не подула.

– Да зачем зелёной, надо было перекисью, – шипел Стас. – Как я раздеваться на людях буду?

– Что?!

– Ну на пляже, ещё ведь сезон.

– Ну скажешь, если спросят, что тебе аппендицит вырезали. Или в горячих точках пуля навьлет прошла, ещё и героем станешь. Шрамы, как известно, украшают настоящих мужчин.

Бросив недоверчивый взгляд на так и не одевшуюся Любу, Стас подобрел:

– Ладно, хрен с ними, пусть живут. Продолжим.

И снова отправился на кухню. Первое, что ему попало на глаза – конечно же, злосчастный маркер, лежащий на полу.

– Надо найти колпачок, иначе маркер засохнет. А его только неделю назад купил за 160 рублей!

Люба незаметно сняла крышку и указала мужу на кастрюлю, стоящую на плите.

– Да он в манную кашу, наверное, упал. Помнишь рассказ про Таню-революционерку, как она шрифт для прокламаций в кувшин с молоком от жандармов и казаков спрятала? Давай я тебе в тарелку лучше положу, так быстрее найдётся. Только ты ешь не спеша.

Стас достал из холодильника бутылку водки, налил в рюмку, наставительно пояснив:

– Для дезинфекции: тьфу-тьфу-тьфу три раза – уйди вон зараза.

Доев вторую тарелку каши, он успокоился, тема колпачка перешла в разряд второстепенных, взглянув на часы Стас спохватился:

– Там «Постскриптум» начинается, ты тут ничего не трогай, я посмотрю и вернусь.

Заглянув через полчаса в зал, Люба увидела мирно храпящего в кресле «телезрителя», выключила телевизор, свет и тихо вышла.

Из последних сил домывая полы и стены, ровно в полночь Люба бросила тряпку и пошла превращаться из Золушки в Спящую красавицу.

Девушка приняла контрастный душ, расчесала волосы и понадеялась, что как только доберётся до подушки, сразу уснёт. Но сон не приходил. Люба забила в поисковике фазу Луны. Календарь показывал новолуние. И тут она вспомнила о своей покупке. Всё совпадало и благоприятствовало. Начинать вышивать мечту, да и вообще браться за такое важное дело нужно на растущей луне, то есть завтра, и совсем не случайно именно сегодня разыгрались стихии и её коснулась тень будущего.

На следующий день, вернувшись с работы, Люба с облегчением отметила, что ремонтные демоны, терзавшие душу Стаса, отступили перед дачными. На столе лежала записка: «Поехал спасать картошку. Вернусь завтра».

Дождавшись появления на небе молодого, бледно-зеленоватого серпика месяца, с учащённо бьющимся сердцем Люба раскрыла пакет, достала нитки и начала рассматривать схему. Набор был сложный, многоцветный, с полным заполнением канвы. Будущая картина сорок пять на двадцать шесть сантиметров, а вот крестиков на этой небольшой площади оказалось тридцать пять с половиной тысяч!

Но пускать это на самотёк, значит уподобиться горе-ремонтнику. Всё существо её воспротивилось. «Я могу умереть в любой момент, и не хочу без цели и смысла и дальше плыть по течению будничной рутины и чужой воли. Это всё-таки моя жизнь, я начну заново творить свои мечты и у меня хватит решимости!»

Подумав так и произведя некоторые нехитрые расчёты, Люба поставила перед собой мегазадачу: она будет шить каждый день, по три часа, по сто тридцать крестиков в час, и через три месяца картина должна быть готова. Самое сложное в этом было не пропускать ни одного дня. Но ведь это не какая-нибудь подёнщина, а знак судьбы, и, значит, нужно начинать не откладывая. И она выбрала центр вышивки, загадала невысказанное желание и с первым крестиком начала оживлять чистое полотно.

В первый день она творила облака. Иголка, как Боинг легко и серебристо прошивала пространство, и нитки скользили, точно белый след за самолётом. Три часа пролетели на одном дыхании. Когда на следующий день Люба была занята отделением тверди небесной от воды, вернулся Стас.

– Чего ты сидишь над этим столько времени, других дел дома нет? – проговорил он явно недовольным голосом. – Я там жуков колорадских травил, знаешь сколько их там?!

Картошки у них было две сотки, представить сколько там было жуков она могла, примерно столько же, сколько и в прошлом году, и позапрошлом, и два года назад, если только не случилось никакой биологической диверсии.

– И ты их два дня травил что ли?

– Я там так надыхался отравой, так вымотался, пришлось на пруд сходить, искупаться. Поплавал, хоть немного легче стало. Потом зашёл к Семёну, он как раз баню растопил, попарились, он рассказывал про кротов.

– Что про кротов?

– Ну как он с ними боролся, когда в Сибири жил. Поджарь лучше картошки!

Теперь после работы Люба засекала время и самыми короткими дорожками, а родной город она знала отлично, устремляясь домой. Пританцовывая, готовила ужин, и чтобы не терять драгоценного времени, на ходу съедала свою половину и пока было светло садилась у окна.

Помнится в детстве, была такая чудесная игра в «секретики». В приметном, но укромном месте, например, под берёзкой или кустиком сирени, в земле вырывалась небольшая ямка, на доньшко стелили кусочек конфетной фольги, а на нём раскладывались – пёрышко, ракушка, цветочек, бусинка, что было припасено «особо ценного». Сверху всё это сокровище накрывалось стёклышком, присыпалось землёй и помечалось прутиком. А потом тайничок показывался лучшему другу или подружке. Замирая от ожидания чуда, медленно-медленно пальцем расчищали окошко и любовались красотой.

Вот так, примерно, появлялись на белом холсте густые кроны деревьев, тёмная кромка моря у горизонта, тёплое и чувственное небо Италии, «небо Торквата»... И вторя словам поэта, Любина душа рвалась, объятая нетерпением, высвободить эту красоту и выпорхнуть в неё, как птичка из клетки на волю.

Когда стали появляться мачты, белые и алые паруса лодок и яхт, супруг, заглядывая через плечо, поинтересовался: что это она шьёт?

– Кажется, Портофино...

– Это куда звёзды отдыхать ездят? Они там и так уже еле помещаются, и ты тоже что ли туда собралась?

Люба грустно посмотрела на мужа и отвернулась, чтобы скрыть подступившие к глазам слёзы. Она не отдыхала больше десяти лет. На работе никогда не возражали против её отпуска в летние месяцы. Но как только он приближался, начинали происходить необъяснимые события. Сначала заболел муж. Он позвонил с дачи и слабым голосом сообщил, что умирает. Люба тогда испугалась так, что у неё похолодели руки, ноги и одервенело всё тело. На грани обморока, нашла силы вызвать такси, помчалась на садовый участок. Ехала и думала, что, если он просто устал или ещё чего хуже, выпил, она его сама убьёт. Стас сидел под деревом с закрытыми глазами, красный и горячий. Вдвоём с таксистом подняли, посадили в машину, привезли домой.

Стаса колотил сильный озноб, он стонал и жаловался на жуткую головную боль. Ртутный столбик градусника показал 40, а тонометр выдал на ЖК экране 200 на 120. Любу накрыл ужас. Приехала скорая помощь, сделала литический укол и уехала. Наутро все повторилось снова. Из поликлиники пришла терапевт, назначила противовирусные с антибиотиками, обильное питьё и выписала больничный.

Ночью добавились судороги, тошнота и рвота, и опять приезжала скорая. Конечно же, предложили больному не шутить с такими симптомами и ехать в больницу. Но муж упрямо отказался от госпитализации, обругал бригаду «ковалами», отвернулся к стенке и уснул. Через день по ноге у Стаса стало расплзаться багрово-синее пятно, а сама нога распухла и покрылась кровавыми пузырьками. Погуглив симптомы, Люба поняла, что это могло быть только рожистое воспаление кожи или рожа – болезнь, о которой она раньше даже не слышала.

Вызванный инфекционист подтвердил её диагноз и страшно удивился, что больной до сих дома: «С таким тяжёлым течением болезни госпитализация обязательна – нужны регулярные обработки поражённой ноги, уколы по часам, наблюдение специалистов! Как же так?! Вы что, маленьки, не понимаете, что нельзя пускать это на самотёк?!» Врач возмущённо выговаривал им, а обозлённый Стас, приподняв-

шись на подушках, быстро и нервно подписывал отказные бумаги. После ухода инфекциониста он послал Любу с рецептами в аптеку. И почти месяц она ставила инъекции, обрабатывала лопающиеся пузырьки, давала таблетки, готовила лёгкую калорийную пищу, ну и всё остальное, на что оставались силы. Рожа возвращалась ещё два раза, так же летом и так же внезапно, страшно и на длительное время.

А потом попала в беду мама. Она поехала на дачу и, выходя из автобуса, только стала одной ногой на тротуар, как водитель, не глянув в зеркало и не закрывая дверей, начал движение. Любе позвонили из отделения травматологии уже к вечеру. Причём не врачи или медсёстры, а соседка по больничной палате.

Страшный диагноз – перелом шейки бедра – врач вынес с интонацией, в которой отчётливо слышалось: «смирись с неизбежным». Люба видела муку и обречённость в глазах бабушек, лежавших в больнице с такими же переломами. Потом их выписывали и отправляли домой умирать. Она денно и ночью молилась, чтобы маме выпал шанс попасть на остеопластику. И судьба улыбнулась им. После успешной операции Люба забрала маму к себе и ровно год ушёл, на то, чтобы научить её ходить заново. А ещё на два года растянулись хождения по следователям, адвокатам, судам и страховым компаниям.

Спустя год, когда утром Стас шёл на работу в метель, на пешеходном переходе его сбила машина. Этот страшный день запомнился Любе фразой: «оскольчатые переломы правой и левой голени со смещением отломков» и нахальным лицом водителя новенькой тойоты, совавшего ей смехотворные денежные бумажки...

Отделение травмы стало ей вторым домом. И наяву, и в коротких снах, похожих на забытьё, она просит и просит врачей о помощи, возит мужа на инвалидной коляске, потом поддерживает, когда он делает первые короткие шаги на ходунках, радуется, когда палка возвращается за шкаф и он сначала идёт в бассейн, а потом возвращается в клуб любителей бега...

«Ладно, собралась и собралась, всем на земле хватит места под солнцем», – и Люба упорно и терпеливо продолжила вышивать. Результат вдохновлял: чудесная картина увеличивалась,

раздвигалась и Люба прямо ощущала на щеке тепло солнечного света, а море блистало, лучилось и всё настойчивее звало её своим тихим плеском, скрипом уключин, криком чаек.

Иногда ныла спина и затекала шея, тогда она вставала, включала музыку, в основном шансон, он её бодрил, делала зарядку, и с отличным настроением и новыми силами возвращалась к вышивке.

Стас, наоборот, шансон терпеть не мог, по причине сугубо профессиональной: он был инженер по различным сигнализациям. Его фирма обслуживала исправительные учреждения, а там они почему-то постоянно выходили из строя. Скорее всего местные обитатели были с ярко выраженным техническим уклоном. Как только на «зоне» что-то сгорало или ломалось, его вызывали разбираться и устранять.

Первое время он часами отмывался в ванной от какого-то особенного запаха, который, как ему казалось, пропитал его насквозь, плохо спал по ночам и хотел уволиться. Но потом успокоился и даже втянулся. Когда был на работе, на Любины звонки оптимистично отвечал: «Мотаю срок, откинусь, позвоню».

Когда она делала разминку под Наговицына, Кучина, Бобкова или Петлюру, Стас морщился:

– Господи, с тобой биполярку схватить – раз плюнуть. Сидит у окошка вся такая тургеневская барышня, крестиком вышивает, как ей и положено, и тут на тебе «вечер в хату»: «чифирок, кипяток, папиросочка». Прямо ненормированный рабочий день какой-то. Неужели нельзя под нормальную музыку зарядку делать?»

– Под «Лебединое озеро» товарища Саахова зарезать пытались, Брежнева хоронили и в Москву танки входили, а я человек мирный и далёкий от политики, в отличие от некоторых, – невинно поясняла Люба, незаметно увеличивая громкость.

Хотя, в глубине души, Люба испытывала определённое чувство благодарности к некоторым телепередачам, типа «Постскриптума» по субботам. Но нескончаемые, вроде «Санты-Барбары», «Время» и «Вести», рекомендованные к обязательному приёму ежевечерне, как скипидарные ванны, терпела с трудом.

Стас вперялся в экран так, что, казалось, он весь там, а в комнате находится только его оболочка. Любе иногда хо-

телось выключить телевизор и посмотреть, что будет, но она побаивалась, а вдруг, и правда? Но и выключить было не так-то просто: Стас, как одержимый, не выпускал пульт из рук, перескакивая с канала на канал, давил на кнопки, словно старался выжать из телевизора все новости, как фреш, до последней капельки. Глаза его светились фанатичным блеском. В его расширенных зрачках взлетали и взрывались самолёты, в них отражались военные перевороты, коробки и квартиры с наворованными коррупционерами миллионами и миллиардами, молились и погибали заложники, тонули в холодных штормовых водах дети. Любе было страшно смотреть в эти глаза, гораздо страшнее, чем на экран. Иногда, напившись энергией под завязку, муж засыпал. Она на цыпочках подходила и пыталась тихонечко вытащить у него из рук этот жуткий «тренажёр для пальцев». Внезапно Стас широко открывал глаза и грозил пальцем: «Не трогай, я смотрю!»

Первый раз Люба аж взвизгнула. Для неё это было похлеще гоголевской панночки.

– Ты, как старый дед, спишь с телевизором!

– Да ладно, чего ты пицишь? Я тебя разве чем-то напугал?

– Я может, вообще подумала, что ты умер – телек работает, а у тебя глаза закрыты.

– Я, как индийский йог и сплю, и смотрю.

– Ага, был там такой йог, который в пещере сидел, не пила ел, то ли умер, то ли нет, так его местные жители золотой краской покрасили и стали поклоняться, как Будде.

Стас заулыбался, сравнение ему явно пришлось по душе.

– А я тебя тоже водоземлемulsionной побелю и на кладбище продам, с надписью «жертва зомбоящика».

– Сильно не заламывай, я к тебе ещё приду, и будет у тебя мелкий семейный бизнес. – Стас прямо взбодрился и повеселел, и кивнул на экран.

– Ты всё над своим Портофино чахнешь, глаза портишь, а их вон сколько в Питер на экономический форум понаехало, все каналы забили партнёры да почётные гости. В прошлом году «последний из могикан» на Алтае «Ой-ой-ым» пел и рыбу ловил, теперь ещё эти. Скоро вся Италия в моих тапочках ходить будет!

Затягивая нитку в иголку, Люба рассеянно подняла голову:

– Почему?

– Да потому что им всем у нас мёдом намазано. Даже в войну вслед за Гитлером к нам за своей долей потащились. Хачапетовку взяли и на радостях напились, а потом ещё и подрались с немцами в местном кинотеатре! Хотя Гитлер их за солдат никогда не считал. Да что говорить, если они сами про себя пишут: «Итальянская армия никогда не отступает, она делает разворот и продолжает наступление». Хотя диверсанты из них получались хорошие, украсть или взорвать — это к ним, это у них в генах, наверное. У меня на работе бухгалтер, мы её называем Белокурая Жози, раньше жила в Новосибе, у неё своё турагентство было, деньги, сама красotka – выбирай любого, так нет – подавай ей итальянца. Нашла на сайте знакомств, завязалась переписка, в скайпе слюни-сопли, и так крышу бабе сорвало, что полетела к нему, что тот лепесток через запад на восток, через север, через юг... Он, правда, оплатить ей эти полёты обещал, а на деле протаскал её по пиццериям три дня, а на четвёртый, когда она домой собралась и про деньги напомнила, заплакал и сказал, что не хочет, чтобы она его покидала! И так безутешно рыдал, пока она домой не улетела.

– Везде уроды встречаются, зачем обобщать. Мне кажется, это у тебя чисто мужская ревность говорит, что она предпочла итальянца своим соотечественникам.

– Ревность? – Стас усмехнулся, – погоди, это ещё не всё. Она уже здесь ещё одного нашла, там же. Этот к ней сам прилетел, под видом романтических свиданий все закрутки на зиму у неё выел. А она уже «учёная», говорит ему – исполни! Повезла итальяшку на дачу, научила помидоры мариновать, в банки закатывать. Он вроде старался, пыхтел, крутил, а как только уехал, тут мины замедленного действия и пошли срабатывать! Бабахали так, что соседи на улицу выбежали, думали газ. О, смотри-смотри, посла Италии показывают. Красавчик какой, Чезаре Рагальини. Хотела бы себе такую фамилию?

– Что ты ко мне со своими итальянцами пристал? Вашей Белокурой Жози такие вопросы задавай! Можно подумать, что я эту картину вышиваю, чтобы найти итальянца!

– А зачем тогда ты её вышиваешь?

Люба, помня бабушкин совет никогда не работать в плохом настроении, в сердцах сложила вышивку и не отвечая пошла на кухню.

– Правильно, приготовь на ужин пасты. Самый вернейший путь к сердцу...

Картинка расширялась, как круги на воде. Белые лодки скользили, обгоняя друг друга, по синему сверкающему зеркалу водной глади. Люба растворялась в этом просторе, её наполняло чувство ликующей свободы, она чувствовала на губах солёный тёплый бриз, слышала трепет и хлопанье парусов над головой. Высокий силуэт мужчины, стоящего на носу лодки, проплывающей мимо под багряным парусом, показался ей смутно знакомым. Хотелось рассмотреть его лицо, вдруг это Джордж Клуни или вообще Брэд Питт, но тень вмиг растворилась в солнечном мареве.

Каждый раз, садясь за свои ежедневные 390 крестиков, она успокаивалась, собиралась с мыслями и, словно беседуя с самым лучшим и верным другом, спрашивала себя – «чего же я хочу?»

Любе хотелось не просто поехать отдохнуть. Она загадала и ждала от этого яркого итальянского чуда большего. Устав от серой предсказуемой обыденности, заезженной колеи ежедневных забот, постоянного ощущения безвыходности из этого замкнутого круга, встречая каждый новый день, как врага, отнимающего у неё силы и саму жизнь, девушке хотелось родиться заново. И чтобы в её новой судьбе не было случайных людей, вредного для её здоровья климата, слабости и неверия в себя. Переходя к новому цвету, она продевала нитку в иглоку и легко проводила по нитке пальцами сверху вниз, словно выравнивая свои перепутанные мысли и дороги. Её дыхание тоже выравнивалось, становилось ритмичным, крестики получались шелковистыми, яркими, наполненными объёмом.

Утром Любу разбудил визгливый скулёж дверцы шкафа и шуршание пакетов. Она открыла глаза и увидела Стаса, уже одетого и с рюкзаком за спиной. Он нервно рылся в шкафу. Увидев, что Люба проснулась, раздражённо бросил:

– Ты не брала мою синюю шапочку?

– Какую шапочку?..

– Для плавания! У нас сегодня командный заплыв на пляже. Ладно, нашёл уже, спи, я пошёл.

Хлопнула входная дверь, клацнул язычок замка, и она осталась дома наедине с длинным июльским днём. Уснуть снова уже не получилось. Будь это не выходной, а, например,

понедельник, спалось бы и на камнях. А так Люба сбросила одеяло и пошла умываться. Потом поставила чайник, на автомате приготовила завтрак на двоих и, наконец, окончательно проснулась. Разложила порцию Стаса на три маленькие мисочки и позвала собаку и котов завтракать. Все поели на удивление спокойно и чинно-мирно удалились. «Ни спасибо тебе, ни пожалуйста», – так обычно говорила её мама. «Вечером наверстают», – а это уже её многомудрый опыт.

Из окна лился ровный мягкий свет, и Люба достала вышивку и залюбовалась игрой красок. Картина была как живая. И так щемяще захотелось на море, что хоть плачь. И как мама умудрялась ездить вдвоём с ней каждый год, а она не может даже одна поехать и вообще ладу дать своей бестолковой жизни?

Люба вышивала оливковые деревья, цветные дома, спускающиеся с вершины скалы к тихой маленькой бухте, а нитки, как назло, закручивались, вязались в узелки. Она то и дело осторожно распутывала их, а тут ещё обнаружилось, что сделала ошибку и дальше рисунок искривлялся и сдвигался. Перепроверила по схеме – так и есть: пропустила ряд крестиков, взяла другой цвет и вся сегодняшняя работа на смарку. «Вот Акуля-руки не оттуля, теперь ещё и пори!» – досадовала на себя Люба. Проковырявшись ножничком целый час, вернулась к тому, с чего начинала, но так устала, что разочарованно отбросила работу.

– Видела, что в твоей Италии творится? – ещё из прихожей крикнул вернувшийся Стас.

– Что там творится?

– Ты хоть бы телек включила, сидишь, как в монастыре. Два поезда на полном ходу лоб в лоб столкнулись! Три вагона вмятку, остальные на куски разнесло, больше двадцати человек погибло, может, только в хвостовых кто выжил. Спасатели автогеном вырезают, достают раненых.

– Ужас какой. А где, когда?

– На юге Италии, утром. Я смотрел, у них такая однокорейка убогая, рельсы между оливковыми роццами лежат, как там можно было на скорости врезаться, вообще не понятно.

– А я сегодня тоже оливы вышивала, и нитки постоянно путались... А потом ножницами нитки выковыривала, – расстерянно проговорила Люба, почувствовав на лбу холодок.

Это лето тянулось особенно долго. Жара, начавшаяся с июня, всё нарастала и в июле стала удушающей. Город плавился в топке лета, к началу августа высохла трава, с жестяным шелестом падали с веток ржавые листья каштанов. Изредка налетали быстрые грозы, которые не освежали и не приносили прохлады. Казалось, что дождь падает на землю, как на раскалённую сковороду и с шипением отскакивает вверх.

Люба старалась больше быть дома. Выходила только ранним утром на короткую прогулку с Ивушкой или бегала по необходимости через дорогу в ближайший магазин.

Отпуск проходил в череде хлопот по хозяйству. Когда ей становилось грустно или скучно, Люба ложилась спать. Она твёрдо решила, что к следующему отпуску начнёт готовиться зимой, невзирая на прогнозы, и возможные форс-мажоры. Для этого купила тетрадку с красивой серебристой обложкой, чтобы записывать в неё нужное, интересное, всё, что может ей пригодиться и ничего не забыть.

Вышивка была почти готова. У Любы сложилось такое ощущение, что, когда она садилась работать, картина тоже общалась с ней своим особым языком линий и форм, цвета и света, она поднимала настроение, придавала силы, приводила в порядок мысли.

Заканчивалась последняя неделя отпуска и были вышиты почти все тридцать пять с половиной тысяч волшебных крестиков на полотне. Девушка вкладывала в них всю душу, лелеяла свои мечты, надежды. И вот скоро всё закончится. Люба совсем упала духом.

В четверг, за утренним чаем, она смотрела на Стаса, словно ожидая от него какого-то важного решения или хотя бы маленькой порции тепла, ободрения. Ей хотелось, чтобы он сказал, что в следующем году они вместе уедут из жаркого пыльного города. А сначала выберут чудесное место, будут читать отзывы, рассматривать фотографии и подбирать отель поближе к морю.

Но Стас усердно жевал бутерброды, лицо его было невозмутимо и безмятежно. Люба решила всё же сделать попытку.

– В понедельник уже на работу. Так жаль, что мы снова никуда так и не выбрались.

– Да это ты всё сидишь над своей Фата-морганой, как затворница-белошвейка. Чем тебя пляж не устраивает? Я утречком освежусь, на весь день бодрость.

– Так на пляж через весь город тащиться, пока в маршрутке доедешь всю душу вытрясешь, а назад по жаре и духоте ещё хуже.

– Ну, извини, машины у нас нет. А чтобы не душиться в автобусе я пешком хожу!

Полагая, что разговор исчерпан, он взял в руки пульт и навел на телевизор. Из Любиного мобильника тягуче зарыдало танго «Помоги мне, помоги мне! В желтоглазую ночь позови!» и высветился номер двоюродной сестры.

– Привет, Любочка! Как отдыхается, не устала ещё? Я к тебе с малюсенькой просьбой: найди мне закон по защите прав потребителей и, если можно, распечатай. Ты только представь, купила босоножки, поехали с Серёгой в Ялту, два раза по набережной прошались, а они...

– Да, хорошо, через часик созвонимся.

Стас хмыкнул:

– А у неё самой, что, ума не хватает найти?

– Да у неё даже компьютера нет!

– А почему? Могла бы хоть бэушный взять, что за проблемы?

– Ну, они с тётей считают, что это вредно. Облучение, глаза портятся, спине не полезно...

– А твоей полезно?

Мобильник вмешался снова. Теперь звонила свекровь.

– Люба, здравствуй! У вас все дома?

– Здравствуйте. Это вы о чём?

– Стасик дома?

– А, ну тогда все.

– Тут я в газете прочитала гороскоп на неделю. Пишут, что Ракам жизненно необходимо не покидать дом, поездки и перемещения чреваты финансовыми потерями, он может отравиться летом и подхватить вирус зимой...

– Так ему что, теперь до зимы дома сидеть?

– Надо быть осторожным. Ты потом ему трубку дай, я ему прочитаю. А тебе советуют помнить о сердце и нервной системе. Тебя ожидает ремонт, искушения и перемены в личной жизни. Поэтому тоже будь дома.

– Поняла, спасибо, обязательно предупредите Стасика, передаю, он тут рядом.

И Люба протянула мужу телефон. Стас протестующе замаха руками, потом поморщился и посмотрел на неё с укором.

Через полчаса он мрачно отхлебнул остывший чай и включил телевизор. В кадре появилось что-то напоминающее огромную свалку на холме. Камера приблизилась, и стали видны превратившиеся в груды из битого кирпича и досок дома, с торчащими из них, как поломанные кости скелета, исковерканными кусками арматуры. Рядом – чудом уцелевшая половина дома в разрезе, ещё хранящая признаки недавней жизни: с уютным диваном, книжной полочкой и двумя бокалами на столе.

Внизу – поваленные столбы с разорванными проводами, смятые, похожие на консервные банки, покорёженные автомобили, яркие оранжевые костюмы спасателей и чёрные с желтыми полосами боёвки пожарных, мелькающие пятнами на безжизненно-сером фоне. Камера выхватила крупным планом людей, несущих на досках накрытого покрывалом мужчину со свесившейся рукой мимо старика, сидящего на корточках и отчаянно разгребаящего голыми руками завал из обломков камней на месте своего разрушенного жилища.

Взволнованный голос диктора за кадром комментировал: «В ночь на 24 августа в центральной Италии произошло одно из самых разрушительных за последние годы землетрясений. Погибли около трехсот человек, несколько сотен раненых, более трёх тысяч лишились крова. По словам мэра, разрушенного землетрясением Амагриче, «города больше нет».

— Вот что ты наделала! Тыкала свою Италию иголкой каждый день и дотыкалась!

Люба от возмущения не нашла что ответить. А тем временем на экране появилась женщина с почти чёрной, порванной и пыльной подушкой. Она всё время трясла её перед камерой и что-то возбуждённо рассказывала по-итальянски.

– О, на этой подушке уже человек семь умерли.

Внизу прошли титры перевода: «С одной стороны обвалилась целая стена, но не задела меня. С другой стороны тоже упала стена... очень, очень близко ко мне. Но, к счастью, не задела меня. Потом на меня упал потолок. Я только успела накрыть голову подушкой и осталась жива».

– Так это в корне меняет дело! – воскликнул Стас.

Он сбегал в спальню и сунул в руки Любе её подушку.

– Вот, на всякий случай держи. И вообще, расскажи, сколько у нас запасов риса, гречки, макарон?

– По килограмму точно есть.

– Я вот руку на пульсе мировых событий держу, а ты ни о чём не заботишься. Вот если нас так завалит, что мы будем есть? Дай мне карандаш и листик.

Стас исписал его с двух сторон, глянув на список Люба ужаснулась:

– Да тут грузовик нужен!

– А ты, чтобы не тяжело было, лучше несколько заходов сделай, магазин-то недалеко, через дорогу. И прогуляешься как раз. А я буду следить, что тут происходит.

Люба вышла из дома в каком-то опустошённом состоянии. Всё, чем жила она эти последние месяцы в одночасье рухнуло и превратилось в пыль. Перед глазами всё ещё стояли безжизненные обломки маленьких солнечных городов, которые сейчас больше походили на Бейрут времен гражданской войны прошлого века или сирийский Алеппо наших дней.

Пройдя тенистой берёзовой аллеей, Люба вышла к скверу. Когда-то давно на этом месте был пустырь. Потом появилась большая автостоянка с постоянно лающей лохматой кавказской овчаркой и молчаливым охранником. Через пару лет стоянку демонтировали и поставили камень с надписью, гласящей, что здесь будет выстроен храм. И действительно, прошло совсем немного времени как на этом месте появилась небольшая белая церквушка с золотыми куполами. Вокруг неё высадили сосенки и клёны, разбили клумбы, которые с наступлением первых теплых весенних деньков до поздней осени благоухали и пестрели яркими радостными красками. За церковью приятно журчал и искрился небольшой фонтан, в котором в самые жаркие дни плескалась детвора.

Возле него и решила отдохнуть Люба. На соседней лавочке сидели две крошечные собачки со своей хозяйкой и наслаждались, когда ветер дул в их сторону и фонтанная струя, разбиваясь на миллионы мельчайших капелек, накрывала их легкой водяной вуалью. Собачки довольно щурились, облизывали носики и шерстку.

В истомлённой жарой небесной вышине кучевые облака выстраивались в красивые светлые башенки, украшенные флагами на своих вершушках. Ярко блеснув на солнце, две ослепительно белые треугольные цепочки чаек летели в сторону городского пляжа. А рядом в траве тихонько топтались и ворковали голуби. Стайка была небольшая, но пёстрая. Люба удивилась богатству окрасов таких привычных глазу городских птиц: сизокрылые с зелеными и фиолетовыми переливчатыми шейками, белые мраморные, коричневые, лиловые, иссиня-чёрные, у некоторых были мохнатые лапки, точь-в-точь, щеголи в расклёшенных брючках. Красавцы-голубки, горделиво приосанившись, кружились вокруг ладненьких самочек, а те скромно и деловито паслись, выщипывая семена травы.

Внезапно стая, громко хлопая крыльями, дружно поднялась в небо, сделала несколько кругов над церковью, и снова вернулась на прежнее место, окружив высокого молодого мужчину. В руках у него был синий пакет, из которого он достал буханку хлеба «кирпичиком». Птицы волновались, вспархивая от нетерпения, смешно задирая верх головки с блестящими глазками, а потом радостно набросились на угощение, суетсяя и растопыривая крылья, торопясь, жадничая, толкаясь.

Он отламывал небольшие кусочки, крошил их, аккуратно бросал, стараясь, чтобы досталось и тем, кто подальше. К голубям добавились юркие серые воробьишки, осторожные длинноносые грачи, крикливые галки, расхаживающие пружинистым шагом и шустро выхватывающие свою долю из общей трапезы.

Люба с интересом следила за разнопёрым собранием, и тут мужчина поднял голову, посмотрел прямо на неё и улыбнулся. И эта улыбка была такой светлой и ясной, словно утреннее солнышко просияло. Отчего-то у неё внезапно замерло сердце, а потом тёплая, искрящаяся волна с головы до ног накрыла её, и Люба в полном смятении опустила глаза.

Возле её ног остановилась крошечная синяя радиоуправляемая машинка, подмигнула фарами и с жужжанием рванула дальше, огибая фонтан, как гоночную трассу. За ней радостно протопал загорелый карапуз в белой панамке, следом прошли оживлённо беседующие молодые родители с пультком.

Хотелось просто сидеть и ни о чём не думать, напиваться солнцем, вслушаться в знакомые с детства хаотичные звуки города: нетерпеливое фырчанье моторов машин, слаженный говор деревьев в их, подбитых ветром одежках, легкую музыку, струящуюся из распахнутых дверей кафешки...

Из-под высоких куполов церкви серебристо и певуче ударил большой церковный колокол, потом затрезвонили звонко и переливчато колокола поменьше. Звуки трепетали и плыли в воздухе, отражаясь эхом от стен домов-многоэтажек, наполняя всё вокруг радостной, живой и ликующей вестью.

И снова раздались три мерных, глубоких удара и с последним их отзвуком, растаявшим в воздухе, резко пахнуло холодом, стало стремительно темнеть. Воздушные облачные башни обрушились, и на их обломках зловеще разрасталась гигантская цветная капуста. Небо затягивало тяжёлыми тучами, похожими на сине-зелёное стёганое одеяло. Через мгновение яркая вспышка молнии с треском разорвала его надвое.

Люба не успела даже встать с лавочки, как её накрыл внезапно налетевший ливень. Будто плеснуло из огромного ведра, и смыло всё, что только что сияло, цвело и очаровывало безмятежностью. Привычное пространство искривилось и расплылось, не оставив ни одной чёткой грани. Леденящий ветер дул сразу со всех сторон, стегал и хлестал водяными струями её по лицу и плечам.

Стая голубей исчезла, редкие прохожие, пригнувшись, бежали к укрытиям, защищая головы пакетами и сумками. У входа в церковь собралась целая толпа застигнутых непогодой людей. Они, наспех перекрестившись, складывали зонтики и засакивали внутрь под сполохи молний и пушечные раскаты грома.

Люба сидела, поджав ноги, дрожала и даже не пыталась никуда прятаться. Она вымокла до последней нитки и надеялась только на то, что дождь вот-вот закончится. Сквозь густую водную сеть она видела, что напрямиком через лужи, перепрыгивая потоки мутной воды, бурлящие вдоль бордюров, к ней приближается размытый мужской силуэт. Большой чёрный зонт скрывал его лицо, но стройная лёгкая фигура и синий пакет в руке, сразу вызвали в памяти образ молодого человека в окружении птиц, и особенно его чудесную улыбку.

Он приблизился и поднял зонт над её головой:

– Почему вы сидите здесь? Вы совсем промокли, так можно простудиться.

В его мягком голосе слышалось искреннее участие, а на порозовевшем лице ярко сияли глаза, в которых плескалась морская и небесная лазурь, подсвеченная в глубине горячими солнечными лучами. Чистые и глубокие, обжигающие до самого сердца глаза, в которые хотелось окунуться и раствориться.

Люба молчала, не замечая, как гулкий грохот ливня отошёл куда-то далеко, и думала о том, что, если он сейчас моргнёт или отвернётся, она не выдержит и мига без этой родной, ласковой и теплой лазури.

Румянец на его щеках стал ярче:

– Вы меня не узнали?

– Вы кормили птиц...

– Мы с вами встречались однажды, возле персиков... Меня зовут Леша.

– И вы собирались их щупать, – рассмеялась Люба.

Над их головами раздался шум, подобный высыпавшимся на металлический лист орехам. С жемчужно-серого неба летел град. Он дробно стучал по зонту, засыпал и забеливал собой лужи.

Люба ахнула, а Лёша подбадривающе улыбнулся:

– Погода, как в Простоквашино.

– Это какая?

– А помните, Шарик предсказывал? – «Ожидаются заморозки, переходящие в наводнение. Ожидается землетрясение, переходящее в солнечное затмение. Местами снег, местами град, местами кислый виноград».

С её мокрых волос и ресниц, словно слёзы, сбегали по лицу струйки воды. Леша расстегнул ветровку, и осторожно привлёк Любу к своей груди и ладонью заботливо укрыл её голову от ветра. Его теплые чуткие пальцы ласково провели по щеке, вытирая капли: «Не надо плакать, теперь всё будет хорошо». Ладони пахли хлебом и были такими родными, как будто она сама касалась своего лица.

«Я не плачу, я никогда не буду больше плакать», – хотела сказать Люба, глядя в добрые, искрящиеся солнечными теплыми зайчиками глаза. Но уже настоящие горячие счастли-

вые слёзы подступили и неудержимо хлынули, смывая всё, что можно смыть слезами.

Они согрелись и выглянули из-под зонта. Град прекратился. На полуденном промытом небе светилась радуга разноцветным волшебным куполом. Лёша закрыл зонт, они взяли за руки и пошли по мокрой дорожке обновлённого скверика.

Олег Роменко

Поэт и прозаик. Родился в Белгороде 16 июня 1977 года. Публиковался в журналах и альманахах Белгорода, Москвы, Тамбова, Симферополя, Краснодара, Ставрополя, Нижнего Новгорода, Кирова, Красноярска. Лауреат региональных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времён» (2020). Живёт в Белгороде.

ФИЛАТЕЛИСТЫ

– И-ррр-ина! Наташа! Вставайте! В школу по-ррр-а!!! – бодрый и зычный голос с улицы прогремел, как труба иерихонская.

Человек не только картавил, но и пробуксовывал на букве «эр» так, что мне показалось, будто за стеной завизжал перфоратор, вгрызаясь рывками в бетон – «р-рр-ррр». Раздражённый этими звуками, я подошёл к окну и увидел внизу карлика с ранцем, нетерпеливо расхаживающего вдоль узкого тротуара во дворе. Через минуту из нашего подъезда выскочила девочка с портфелем, а следом за ней ещё одна, из соседнего подъезда. И втроём они двинулись к школе.

Я заболел гриппом, и мне не нужно было рано вставать и куда-то идти. Уже несколько дней бабушка с дедом пребывали в подавленном состоянии, но не из-за моего самочувствия. Скончался очередной генсек Константин Черненко.

– Всё прахом пойдёт! – безнадежно ворчал дед.

– Не каркай! – крысилась на него бабушка.

Вскоре я поправился, и ко мне зашёл в гости друг с первого этажа Костик Емельянов. Это был мой ровесник, и мы вместе «болели» летом футболом, а зимой хоккеем. Костик был блондин с вьющимися волосами и умными карими глазами и такой же, как я, худощавый мальчик, юркий и выносливый в играх. Мы с ним были лучшими игроками среди детворы и поэтому постоянно «рубались» друг против друга в разных командах, чтобы уравнивать шансы соперников. Но это «противостояние» нисколько не мешало нам быть верными друзьями.

Я рассказал Костику про громогласного карлика, и мой друг, как петарда, взорвался от смеха. Немного успокоившись, он объяснил:

– Это Миша Мезис. Он живёт на девятом этаже в нашем подъезде. В школе все зовут его Рупором. Раз я попросился на уроке выйти. Иду и слышу в кабинете пения кто-то не поёт, а орёт как сумасшедший: «Сю-ррр-приз! Сю-ррр-приз! Да зд-ррр-авствует сю-ррр-приз!!!» Хочешь, познакомлю с ним?

На следующий день мы пошли к Мезису. Костик сказал, что Рупор на два года старше нас и учится в третьем классе. Дверь нам открыл сам Миша. Он оказался на полголовы ниже нас, но эта голова, на которой топорщились ёжиком волосы пепельного оттенка, размером была как у взрослого человека, с высоким и выпуклым «профессорским» лбом, нависающим над переносицей. Из-под дикорастущих кустистых бровей смотрели холодные голубые глаза, излучающие настороженный интерес к собеседнику, а ещё ниже на лице выделялся мясистый нос и губы-вареники. Руки, как и ноги, у него были короткие и толстые, но в них чувствовалась недюжинная сила.

– Привет, Миха! – добродушно улыбнулся Костик и протянул ему руку.

Миша, в клетчатой красной рубашке с коротким рукавом и синих трикотажных брюках, быстро сделал два шага навстречу, переваливаясь, как утка и, отведя правую руку за спину, будто хотел почесать поясницу, резко выбросил её вперёд. Раздался звонкий хлопок ладони об ладонь, и от крепкого рукопожатия с лица Костика слетела улыбка.

– П-ррр-ивет, Кастет! – протрубил Рупор.

– Видел у нашего дирика новую «Волгу»? – продолжил Костик.

– К-ррр-утая машина! – восторженно одобрил Миша, как будто директор школы был его отцом, которым он очень гордился.

Потом они ещё поговорили о делах своей 38-ой школы, никак меня не касавшихся (я учился в 10-ой) и, наконец, Костик представил меня:

– Это сосед с пятого этажа.

Миша перевёл наэлектризованный взгляд на меня и закричал, как контуженный:

– Я видел тебя во дво-rrr-е! Ты иг-rrr-ал в мяч!
Мы познакомились и сразу нашли общий язык.

– Пацаны, а давайте в бу-rrr-козла сыг-rrr-аем! – радостно воскликнул Миша, приглашая к себе домой.

Я к тому времени уже успел пристраститься к картам через мамину сестру тётю Людю, к которой мы заходили после садика, и она постоянно мне проигрывала несколько рублей мелочью. Я знал, что она поддавалась, но выигрыш забирал.

Мы вошли в его маленькую комнатку-кеелейку, в которой уместались – односпальная кровать, шифоньер и письменный стол со стульями. Над кроватью висел ковёр-картина «Нападение волков на тройку», а на столе стояла небольшая миска с домашним печеньем.

– Угощайтесь! – гостеприимно предложил Миша. – Сам испёк! На ма-rrr-га-rrr-ине.

Я вслед за Костицом протянул руку к миске, но, услышав слово «маргарин», испуганно одёрнул её назад, как это сделал бы правоверный, услышавший, что печенье приготовлено на свином жиру. Мама часто напоминала мне, что маргарин очень опасен для здоровья, и этот суррогат стал для меня синонимом яда.

Вскоре мы снова встретились с Мишей возле лифта на первом этаже.

– Хочешь, ма-rrr-ки покажу? – спросил он.

Я ровно дышал к скучным и невзрачным маркам стран ОВД, которые продавались во всех киосках «Союзпечати», но из вежливости согласился. Поднявшись на лифте, мы зашли к Мише. Он вытащил из ящика стола большой и толстый, как энциклопедия, альбом в зелёной обложке и открыл первую страницу.

Это были совсем другие марки, не такие, как в киосках. Не только прямоугольные и квадратные, но ещё и треугольные, ромбические. Кубинские, монгольские, арабские. Яркие и красивые, переливающиеся на свету сквозь карманы – полоски из глянцевой кальки, эти марки преображались настолько, что изображённое на них казалось более настоящим и живым, чем окружающая действительность.

Особенное очарование маркам придавала зубцовка. Я читал, что продажи «Кока-Коль» пошли вверх только после того, как один человек предложил разливать её в бутылки. И мне

кажется, что не придумай человечество наносить перфорацию на листы почтовых марок для облегчения отделения их друг от друга, то не появились бы и филадельфиты.

В начале альбома с полупрозрачными листами бумаги, вклеенными между тёмно-серыми страницами, были коллекции с неповоротливыми динозаврами, бродившими среди крупных папоротников и хвощей, и носившимися с криком над бушующим океаном птеродактилями. Миша перевернул страницу, и я увидел невероятно красивые и пышные, в капельках после дождя, хризантемы, георгины, розы. За ними следовали резвящиеся в лазурных волнах дельфины, притаившийся на дне скат, патрулирующая свою территорию рыба - меч. Потом показали каравеллы Колумба и Магеллана, а за ними коллекции с огромными воздушными шарами над зелёными долинами.

Миша переворачивал страницу за страницей, и передо мной мелькали пёстрые попугаи и розовые фламинго, пятнистые жирафы и полосатые тигры, грибы с красными шляпками в белый горошек и с коричневыми шляпками, облепленными вечнозелёными хвоинками. На моих глазах проносились ужасно дымящие паровозы, перевозившие в вагонах переселенцев по прериям Дикого Запада, а завершали коллекцию уже современные поезда метрополитенов в мегаполисах.

Потом появились футболисты, боксёры, метатели копий, хоккеисты, бобслеисты, лыжники. Вот ребята сидят у пионерского костра. А вот монгольские пастухи собрались у телевизора и, разинув рты, наблюдают за нашим «Союзом», вышедшим на орбиту. Затем следуют коллекции со спутниками, ракетами, космическим кораблями. Лучезарно улыбающиеся люди в скафандрах приветствуют жителей Земли из безвоздушного пространства, а на шлемах у них крупными красными буквами написано – «СССР».

Мне казалось, что Миша вовсе не карлик, а гуманоид с маленьким тельцем, короткими ручками и ножками, необычайно крупной головой и глазами, излучающими нездешний ледяной голубой свет. Гуманоид, раскрывший передо мной Книгу Бытия Вселенной. Меня охватило чувство восхищения перед красотой нашей планеты и трепета перед величием человеческого гения. То ли ещё будет, когда я вырасту и тоже внесу свою лепту в процесс совершенствования мира.

И тут на всю квартиру раздался поющий хрустальный голос:

– Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь...

А потом мы услышали сзади сильный и глубокий бас:

– Михаил! Иди фильм смотреть!

Я обернулся и увидел прислонившегося плечом к стене Мишиного отца. На нём был цветастый кухонный фартук. В руках он держал эмалированную миску с тестом и взбивал его ручным миксером. Отец был рыжим, а на носу у него сидели квадратные очки с толстыми линзами. Он близоруко жмурился и застенчиво улыбался.

– Хо-ррр-ошо, пап! – пророкотал сын.

Лицом Миша очень походил на отца, а сестра-второклассница, так же сильно, на мать. Жили они вчетвером. Все, кроме Миши, были обычными людьми, естественного телосложения. Сестра Ирина уродилась рыжеволосой и веснушчатой красавицей, но была замкнутой, неразговорчивой и ни с кем не дружила. Позднее она завела бульдога и только с ним и гуляла, никого не подпуская к себе. Мне казалось, что она так сильно комплексовала перед сверстниками из-за брата, как будто это она была карлицей, а не он.

Я попрощался с Мишей и пулей ринулся домой, чтобы успеть к началу четвёртой серии премьерного показа. «Гостя из будущего» вызвала у зрителей массовую эйфорию, усиленную всеобщей влюблённостью в нового молодого и энергичного генерального секретаря. Я бежал по ступенькам вниз, и сердце холодило от мысли, что за каждым углом меня поджидают космические пираты с бластерами.

Но когда начался фильм, тут меня и накрыло по-настоящему. Я смотрел на экран, а видел перед собой раскрытый альбом. Миша, не спеша, переворачивал справа налево картонные листы, словно перебирал струны на гуслях пальцами-сардельками, и, томно полуприкрыв веки, ворковал:

– Ма-ррр-очки!

На следующий день я пошёл на разведку в магазин «Союзпечать» на улице Попова.

Поднявшись по мраморным ступеням, я потянул за ручку входную железную дверь со стеклом, и мне ударил в нос тошнотворный, как нашатырь, запах типографской краски.

У входа, на длинном столе были разложены кипы свёрнутых свежих газет – «Правда», «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Советский спорт»... Левее – журналы и книги, открытки и конверты, карандаши и фломастеры, альбомы и тетради...

Но самое ценное находилось в нескольких замыкающих торговый ряд стеклянных витринах, на которые с потолка падал яркий электрический свет. На подложках из тёмного картона красовались, как ювелирные украшения, марки, вrede тех, что я видел у Миши.

Под стеклом манили и приковывали взгляд коллекции пёстрых тропических бабочек и экзотических морских рыбок, умытых росой цветов и взмысленных арабских скакунов, трудолюбивых пчёл и сладкоголосых птиц... Стоили такие коллекции из нескольких марок в среднем пять рублей - дневной заработок скромного советского бюджетника. Тут же под стеклом находилось два кляссера. Один маленький, книжного формата, стоил пять рублей тридцать копеек. Второй, большой, как у Миши, стоил десять рублей сорок копеек – ровно столько мама вносила каждый месяц нашей классной за моё питание в школьной столовой.

Я подумал, как хорошо, наверное, быть взрослым. Они получают зарплату и могут тратить деньги на всё, что захочется. Но взрослые такие бестолковые! Вот дядя Саша с другом Пашей, работавшие сварщиками, пили как сапожники. По выходным они встречались возле гастронома, брали три бутылки портвейна и полный пакет жареной мойвы в кулинарии, а потом пировали у нас на кухне.

Изрядно выпив, оба друга сидели осоловевшие, с блестящими от жира губами, собрав глаза в кучу над кучей голов съеденной мойвы, похожей на погребальный курган. Паша, расстегнув рубашу до середины и оттянув её за ворот назад, отчего казалось, что за спиной у него топорщился небольшой горб, подпевал дяде Саше, сидевшему напротив с голым торсом:

– Я!!! Коней напою-ууу! Я!!! Куплет допою-ууу! Хоть немного ещё-ооо! Постою-ууу! На краю-ууу!

Бабушка, читавшая газету, подскакивала, как ужаленная, со своего скрипучего дивана, одной рукой сворачивая газету, а другой складывая очки, и бежала на кухню, как на пожар:

– А ну замовкните, падлы! А то я выгоню вас на вулицю, як псив!

Обычно дядя Саша возражал, а друг Паша ему поддакивал. Тогда бабушку начинало трясти от гнева, и она, рванув с дверной ручки свой кухонный рушник, принималась лупцевать им обоих товарищей по раскрасневшимся от вина мордам.

Потом дядя Саша с другом Пашей, шмыгая носами от обиды, что бабушка высекла их полотенцем, быстро обувались в коридоре. Но перед тем, как хлопнуть дверь, дядя Саша, желая напоследок поиграть на нервах матери, надрывно, как его кумир, хрипел на всю квартиру:

– Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами!

Я подумал: вот если бы утром к дяде Саше пришёл друг Паша – выбритый, наодеколоненный, в белоснежной рубашке с кляссером под мышкой и, лучезарно улыбаясь, восторженно воскликнул бы: «Зацени, Сашок, сколько я новых марок прикупил с полочки! Это у меня уже второй альбом!» А дядя Саша в ответ: «А посмотри, что у меня! Закачаешься!» И оба друга сидели бы на кровати, весело и беззаботно болтая в воздухе ногами, с альбомами в руках, и бабушка не нервничала и не ругалась бы.

Когда передо мной возникали серьёзные препятствия, то я сначала преодолевал их силой воображения, а потом уже искал реальный выход из ситуации. Я фантазировал и представлял себя взрослым, которому по карману быть филателистом. Но ведь, пока станешь взрослым, успеешь состариться.

Дома просить денег на марки я считал бесполезным и бессовестным делом. Я долго думал, но всякий раз мои мысли возвращались к Мише. Его альбом с марками «весил» рублей двести, а то и триста. Где он взял такие деньги? Неужели родители помогли?..

– Нет! Ррр-одители мне денег на ма-ррр-ки не дают, – немного растеряно, глядя мне в глаза, как подозреваемый следователю, ответил Миша и чистосердечно рассказал о своём источнике доходов.

Он собирал по мусоркам и свалкам выброшенную старую одежду, а потом сдавал её за деньги в какой-то магазин, который назывался «Стимул». Я представил, как мальчик-карлик с заплочным мешком, стоя на горе мусора, выуживает из

неё лыжной палкой всякую рванину и понял, что мне такой вид заработка никак не подходит.

Рассказ Миши поверг меня в уныние. Но я не сдавался. В голове у меня вертелся глагол «собирать». Миша собирал тряпьё, а что я могу собирать и сдавать за деньги? Иногда меня отправляли сдавать накопившиеся в доме бутылки, но деньги я всегда отдавал маме или бабушке.

Я стал вспоминать, как, гуляя с друзьями, то тут, то там видел валявшиеся под кустами пустые пивные бутылки. А ведь каждая бутылка - это двадцать копеек. Собирай бутылки и собирай марки. Возбужденный, как Архимед, выпрыгнувший из ванны с криком: «Эврика!», я сидел в кресле перед телевизором, в котором озабоченный генеральный секретарь говорил ленинградцам: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться».

Солнечным, ласковым майским утром, когда многие горожане собирались на Площадь Революции отметить День солидарности трудящихся, я сунул в карман авоську и отправился собирать бутылки. Первая и последняя попалась мне в палисаднике нашего дома под цветущим абрикосом. Мутно-зелёное стекло бутылки преобразали жемчужные капельки росы. Позднее я прочитал у одного поэта-единомышленника: «Я не знал, что бутылки, как розы, тоже утром бывают в росе».

Затем я направился в дубовую посадку 38-ой школы, где часто собиралась молодёжь из окрестных многоэтажек выпить и отдохнуть. Я прочесал пришкольную сторону посадки и не нашёл ни одной бутылки. Потом перебрался через тропинку оврага на другую сторону и, пройдя посадку до середины, увидел впереди бодро шагающую старушку с палкой, которая нужна была ей не для ходьбы, а для облегчения поиска предметов. За спиной у неё, в почти полном рюкзаке, позвякивали бутылки. Если бы я тогда знал героев и мир Достоевского, то ощутил бы себя Раскольниковым, глядя вслед исчезающей старушке в чёрной телогрейке.

Но Достоевского я тогда не читал, поэтому почувствовал себя грибником, встретившим на узкой тропинке в лесу другого грибника, вставшего ещё раньше тебя. Он идёт мимо, весело насвистывая с двумя ведрами полными опят, лисичек, груздей, подосиновиков, а ты стоишь с каменным ли-

цом, стиснув зубы и сжав до боли в кулаке складной нож. Но в это время кто-то незримый и всемогущий взял меня за голову, как шахматист фигуру на доске, развернул на 180 градусов и ткнул в спину, чтобы я шёл быстрее и не оглядывался.

Снова спустившись по тропинке в овраг, который превратился в свалку непищевых отходов и стремительно уменьшался, как Аральское море, я заметил в ивняке что-то коричневое. Это оказался большой дорожный чемодан, к тому же очень тяжёлый для меня. С трудом протащив его волоком до тропинки, я нажал на замки и он открылся.

Внутри оказались не наши, нестандартные бутылки с белой, янтарной, малиновой жидкостью. На ярких и блестящих, прозрачных и металлизированных этикетках было написано не по-русски. Будь это нормальные советские бутылки, я тут же, на радостях, вылил бы их содержимое под куст и побежал бы обналчивать тару. Но что мне было делать с этим добром?

Я сидел перед «ящиком Пандоры» задумчивый, как роденковский Мыслитель, оперевшись локтем в колено, а подбородком в ладонь. Вдруг перед моим взглядом возникла чья-то рука, и её костлявые пальцы ухватили одну бутылку за горлышко и потянули вверх. Я поднял глаза и увидел старика с палкой, в защитной военной рубаше и белом примятом картузе. Он молча перекаладывал бутылку за бутылкой в свою сумку, а у меня голос перехватило от подступивших к горлу слёз.

Меня грабили среди бела дня. Сначала я думал, что у старика проснётся совесть и он вернет назад мои виски, бренди, ром, коньяк. Но он, ни слова не сказав и даже не взглянув на меня, забрал все бутылки и неспешно пошёл вверх, опираясь на палку. Во мне кипело негодование и слова просились наружу. Но какие? Мои сверстники называли стариков «старыми пердунами», но у меня язык никогда бы не повернулся произнести такую вульгарную и неблагозвучную гадость. Тётя Люда называла своего благоверного Еревангича «старым козлом», но и это не подходило, потому что я сразу представил козла, а не человека.

Тогда я ещё не знал себя, но это был первый случай, когда меня посетили «муки творчества». Я искал слово, стра-

дая, как рыба, выброшенная на берег и перебирал в памяти все подходящие слова, что слышал и знал от людей, из кино и книг. И вот, когда белый картуз добрался до вершины оврага и почти скрылся в посадке, я нашёл слово и радостно воскликнул:

– Старый мерзавец!

Потом я защёлкнул замки опустошённого чемодана и вскочил. Схватив его обеими руками за ручку, я размахнулся, как метатель диска, и зашвырнул чемодан обратно в кусты. В конце концов дед ограбил не меня, а контрабандистов, сделавших в кустах свою протозакладку.

Я понял, что собирать бутылки – дело безнадежное. Вездесущие пенсионеры не оставляли мне шансов, а через пару недель ещё и «сухой закон» ввели. В июне, когда мама спросила, какой подарок мне хочется на день рождения, я привёл её в «Союзпечать» и показал альбом для марок в витрине. Мы пошли на кассу, мама достала из кошелька синюю пятирублёвку и две белые монетки – новые и блестящие «пятнашки», и у меня появился кляссер. Продавщица, передавая мне альбом с лежачим поверх него почтовым конвертом, поздравила нас с покупкой и сказала, что нам полагается в подарок набор марок.

Бутылки я приспособился брать у тётки Люды, которые у неё скапливались после попоек с Ереванычем. Я приходил и выгребал сразу всё, что было. Обычно 15-20 пивных бутылок. Еревыныч косо смотрел на меня и бурчал:

– Люди за такие деньги целый день работают, а ты сдал – и свободен.

– Не лезь! Пусть сдаёт! – одёргивала его тётя.

Мне было нелегко тащить сразу столько бутылок. По дороге я останавливался и отдыхал. Благо, остановка была недалеко. Потом я ехал до «Союзпечати», возле которой был пункт приёма стеклотары из красного кирпича с остроконечной крышей.

Там я выстаивал очереди вместе со взрослыми при тусклом освещении, вдыхая воздух пропитанный алкогольными парами. Тучная и флегматичная приёмщица лет сорока медленно обводила большим пальцем горлышко каждой бутылки на предмет обнаружения сколов стекла.

В очереди я часто мечтал. Однажды представил себя советским хоккеистом, закладывающим виражи и высекаю-

щим лезвиями коньков холодные голубые искры из льда. Я обыграл всю шведскую пятёрку и вышел один на один с вратарём в жёлтом свитере с тремя синими королевскими коронами на груди. Он панически заметался от штанги до штанги в своей вратарской, а я почувствовал сильный толчок в спину. «Будет буллит», – подумал я, теряя равновесие, и налетел на шведского вратаря, который оказался высоким мужиком в серой болоньевой куртке. Сзади раздался раздражённый прокуренный женский голос:

– Мальчик, ты что, уснул?!

Ко мне обернулся мужик с длинным носом, и вьющимися вокруг облысевшей макушки – опушки волосами стружками – завитушками.

– Ты шо толкаис-си? – певучим баском, беззлобно возмутился он.

За летние каникулы мне удалось заполнить марками несколько страниц альбома, и я решил похвастаться своими сокровищами. С этого и началось брожение умов ребят из нашего двора. Первым от меня «заразился» Андрей Евтухов – очень живой, любознательный и расчётливый мальчик из благополучной семьи, который только пошёл в первый класс.

Мать его работала уборщицей на заводе за 80 рублей, а отец сидел за поножовщину. Андрей был худеньким, с костлявыми плечами и коленками, курчавыми чёрными волосами, как у негритёнка, и такими же чёрными беспокойными глазами, острым маленьким носом, впалыми щеками и грудью. Он ходил в одной одежке, которая обновлялась у него только в зависимости от сезона. Мать с утра оставляла сыну рубль на двоих с младшей сестрой Наташей.

Когда Евтухова впервые спросили: «Как тебя зовут?», то он, тогда ещё совсем маленький, ответил по слогам под всеобщий смех окруживших его пацанов постарше:

– Ан-ду-ду-ша.

Его стали звать Дудушей. Потом один пятиклассник, услывавший в школе на уроке рассказ Куприна «Ю-ю», окрестил Андрея этим литературным кошачьим именем. Во дворе сразу подхватили новое прозвище, но вскоре скрестили Дудушу с Ю-ю и получили Ю-юша.

На этом мы не остановились и придумали, хлёстко, по-пацански, называть Евтухова – Юшман. Воспалённый коллек-

тивный разум продолжал креативить и Юшман превратился в Душмана. Но когда мы обращались к нему: «Э, Душман!», то прохожие оборачивались, а некоторые вздрагивали и внимательно и серьёзно смотрели на нас. Советский Союз вёл тогда войну в Афганистане. В итоге мы решили остановиться на Юшмане.

Юшмана не любили. Он ничего не делал просто так и за всё обязательно потом предъявлял ростовщицкий счёт. Однажды он пригласил меня в гости. Мы сидели на кухне при лунном свете и грызли каждый по горбушке хлеба, натёртой чесноком. В холодильнике у них было – «хоть шаром», а свет мамка велела «не напаливать».

Мне казалось, что я в жизни не ел ничего вкуснее, этой хрустящей горбушки свежего ржаного хлеба, натёртой острым, дразнящим чесноком и посыпанной крупномолотой солью. Вскоре пришла с работы мать Юшмана. Она включила свет, открыла холодильник, и её уставшее и осунувшееся лицо перекошилось.

– Андрей!!! – истошно закричала она, как будто сын не рядом сидел на табуретке, а заблудился где-то в лесу. – Ты зачем молоко выпил, сволочь!!! Я хотела нам утром каши сварить!!!

Потом Юшман осаждал меня просьбами купить ему то мороженое, то стакан фруктового сока, ведь он же угостил меня хлебом с чесноком. И много лет спустя он ничуть не изменился. Мы случайно встретились с ним возле ларька, где пили пиво с товарищем по работе. Юшман попросил и его угостить, а чтобы я не вздумал отказаться, он припомнил как восемь лет назад я сломал ногу, катаясь на лыжах в овраге, а он на санках отвёз меня домой. Когда я взял ему того же недорогого пива что и себе, то он разочаровано вздохнул:

– А я думал, что ты мне «Баварию» предложишь.

Вот за такие «штучки» Юшмана и не любили, и он был первым человеком, которому я набил морду.

Очень скоро Юшман накопил дешёвых гашёных марок в киоске и приобрёл такой же, как у меня небольшой кляссер, с которым он расхаживал по двору, как талмудист с Торой, окружённый стайкой дошколят. Потом Юшман садился в беседке, спрятавшейся под высокими раскидистыми ивами, раскрывал альбом и, водя пальцем вдоль прозрачных

карманов с марками, как по строчкам книги слева направо, демонстрировал ребятам свои «сокровища».

Узнав, что у филателистов принято обмениваться марками, Юшман попросил меня вывести его «в свет», а именно познакомить с самим Мезисом, с которым мы иногда совершали обоюдоприятные сделки. Когда мы зашли к Мише, то Юшман, в чьём лице часто читалась причудливая борьба подлинного с притворным, улыбнулся одновременно заискивающе и хищно. Мезис, немного растерявшись от такой двойственности и выпучив глаза, смотрел на гостя с удивлением и недоверием.

Когда я объяснил Рупору цель нашего визита, то он, всё так же глядя на Юшмана, как на личность, не вызывающую ни малейшего доверия, холодно сказал:

– Хо-rrr-ошо. Заходите.

Мы сели за стол в его комнате, и Миша, включив настольную лампу, стал листать альбом Юшмана. Там были только такие невзрачные марки, которые не жалко было бы наклеить на почтовый конверт. Ярко освещённое лампой лицо Мезиса накрыла явственная тень разочарования.

– X-rrr-еновые у тебя ма-rrr-ки, – захопнув альбом, вынес свой вердикт филателист со стажем.

Юшман жалко улыбнулся, а наворачнувшиеся слёзы, придали его чёрным глазам блеск антрацита. С трудом проглотив ком в горле, он безнадежным, готовым сорваться на плач, голосом выдавил:

– А марками меняться мы не будем?

Мезис, брезгливо выпятив нижнюю губу, решительно положил конец дальнейшим поползновениям:

– Не инте-rrr-есно!

Вскоре у нас во дворе появился ещё один филателист. Однажды я сидел на качелях во дворе, и вдруг налетела огромная, чёрная туча. От ветра стало холодно, и крупными хлопьями повалил снег. Это были отголоски Чернобыльской аварии, о масштабе которой в прессе были очень скудные сообщения. Взрослых, как обычно, погнали на первомайскую демонстрацию. Люди шли по площади и удивлялись кружащему над их головами снегу. Только в середине мая по центральному телевидению генеральный секретарь снял «табу»: «Нас постигла беда».

Я уже хотел спрыгнуть с качелей, как заметил идущего по тропинке двора мне навстречу мальчика в школьных брючках и белой рубашке с галстуком-бабочкой. Когда он приблизился, я увидел перед собой светловолосого, с зачёсанной набок чёлкой, крепыша с большими ясными глазами и ангельским лицом.

– Ты из какого подъезда? – спросил он.

– Из четвёртого, – ответил я.

– А я из восьмого. Лёха! – представился он и протянул руку, – Ты с кем дружишь?

Я, немного подумав, прихвастнул:

– Со всеми.

– А у меня нет друзей, – грустно сказал мальчик, уставившись в землю. – Давай с тобой дружить.

– Давай, – согласился я.

Лёха Мишенин заканчивал первый класс и жил на девятом этаже в трёхкомнатной квартире с мамой, сестрой Женькой и болонкой Филькой. В зале у них стояло большое чёрное пианино, из-за которого я и зачастил в гости к новому другу. Мне нравилось нажимать пальцем на клавиши поочередно и прислушиваться как низкие басовые ноты плавно перетекают в высокие, похожие на звон хрустальных колокольчиков.

В такие минуты я ощущал, что во мне есть что-то великое и мощное, рвущееся из тела. Сначала я чувствовал, как это нечто во мне, как огненное дыхание, распирало и обжигало легкие, а потом, сжавшись в комок, поднималось вверх по горлу, а дальше в виде воздуха следовало через нос, раздражая его щекоткой и изливалось наружу слезами восторга. Веки после этого сами опускались и ресницы тут же промокали. Затаив дыхание, я прислушивался к биению сжимавшегося и разжимавшегося, как кулак, сердца: тук-тук, тук-тук, я-тук.

– Давай покажу, как я умею, – говорил, подсаживаясь рядом, Лёха.

От его «Собачьего вальса» меня охватывала эйфория, но каждый раз, пытаясь повторить его игру, я извлекал из инструмента только дикую какофонию. Тогда к нам подбегал рассерженный Филька и так яростно ругался, вскидывая голову вверх, что его кудряшки на лбу подпрыгивали и обна-

жали угрожающе смотревшие на меня чёрные глазки-бусинки, горящие от гнева. Лёха, топая ногой, кричал на него:

– А ну, цыц!

И обиженный четвероногий меломан отступал, порывая себе под нос, что-то похожее по звучанию на человеческое: «Безобразие!»

Мама Мишенина работала учителем музыки в школе. Она элегантно одевалась, с достоинством держала осанку и имела представительную внешность. В профиль она была похожа на древнегреческую музу с чёрными волосами и идеально прямым точёным носом.

С холодным интеллектом в глазах, она была холодна и в обращении с нами. Но когда сын приходил домой перепачканный, как поросёнок, мама с трагическим надрывом в грудном голосе восклицала:

– Лёша, я же просила тебя быть аккуратным! Горе ты моё луковое! Иди в ванну!

«Горе луковое» мрачнело лицом и, уперевшись пяткой в пол, нервно скидывала туфлю, а следом другую, после чего, набычившись и вжав голову в плечи, шло в ванну. Мне подумалось, что таким же, наверное, был и его отец, которого Лёшина мама, встречая у двери после работы, тоже просила быть аккуратным и отправляла в ванну.

Все мы бежали по теплу в спортивках и футболках, а в жару в шортах и майках, но Лёха, как джентльмен, неизменно щеголял в костюмных рубашках и брючках со стрелками. Единственной уступкой, которой он добился от матери своим категорическим отказом, было право не носить галстук-бабочку, из-за которого над ним потешались.

Однажды Серёжа Доронин-«тридцатик» (такого «титула» в нашем городе удостаивались все, кто учился в школе для умственно отсталых), белобрысый мальчик с крупными «лошадиными» зубами, так разошёлся, смеясь и тыча пальцем в Лёхину «бабочку», что не мог остановиться, как заяц, застрявший на какой-нибудь букве. И тут ему суждено было узнать, что за ангельским личиком мальчика с «бабочкой» скрывается дьявольский характер.

Не долго думая, Лёха молниеносно влепил «тридцатику» затрепину, от которой тот клацнул зубами, чуть не прикусив язык, а в ушах у него эхом зазвенел залихватский голос Мишенина:

– «Тридцать» зубастый – хрен волосастый!

Не успел Серёжа опомниться, как маленький джентльмен, согнув крючком и растопырив указательный и средний пальцы, схватил ими хохотуна на нос и повернул кисть руки вправо, как ключ в замке, превратив нос Доронина в «сливу».

Ошеломлённый и окончательно деморализованный Серёжа, завыл как сирена, нагнувшись и широко раскрыв рот. Казалось, что его сейчас вырвет, но вместо этого из васильковых глаз градом посыпались на песок слёзы. Лёха шмыгнув носом, сам чуть не заплакав, и с раскаянием на лице смущённо сказал:

– Ой, прости, Серый, я не хотел.

Вскоре выяснилось, что Мишенин опасный товарищ. Он бил стёкла в строящихся домах. Дразнил влюблённые пары, которые не всегда реагировали толерантно, и нам вместе с Лёхой приходилось делать ноги. Из-за него за нами гонялся с кирпичом вокруг дома папа Юрочки-«тридцатика». Однако мне очень скоро удалось положить конец его бесчинствам.

Когда мы шли гулять за пределы двора, то всегда я определял, куда мы идём и с кто с нами идёт. Лёху я не брал до тех пор, пока он с мольбой в глазах не обещал, что будет вести себя прилично. Своё слово он всегда держал как никто. Мне казалось, у него было природное понимание важности репутации – «Единожды солгавший, кто тебе поверит?»

Лёха сразу увлёкся через меня марками. Да и сам он был натурой увлекающейся. Но если я подходил к делу основательно, собирая деньги и выбирая лучшее, то он, как и Юшман, быстро накупил всякой всячины за мамины деньги. Таким образом, нас стало трое во дворе, не считая Мезиса, сидевшего в «башне из слоновой кости».

Обида, нанесённая Мишей Юшману, сидела в его сердце занозой. Поэтому, когда Лёха показал Евтухову свой альбом, тот пренебрежительно усмехнулся и процедил:

– Фигня это у тебя, а не марки.

Мишенин нахмурился, и волосы у него на голове как будто зашевелились и приподнялись, а потом он бросил на Юшмана такой убийственный взгляд, которым, как я часто видел уже ставши взрослым, обменивались литераторы, нелестно отзывавшиеся о творчестве друг друга и ставшие не разлей врагами на всю жизнь.

Настало лето 87-го. В одно солнечное июньское утро мне исполнилось десять лет и мы с мамой начали обход родственников с тётки Люды.

– Мы за подарками! – бесцеремонно и возбуждённо сразу с порога прокричал я, как будто очень торопился и боялся, что мне дня не хватит собрать со всех подарки.

– А мы зна-аем! – весело глядя на меня и лукаво улыбаясь, пропела тётя.

Мы зашли в комнату, и тётя достала из стенки почти полную бутылку-копилку с белыми монетками в двадцать копеек каждая, которые она весь год собирала для меня со сдачи в магазинах. На кухне сидел разобитый Ереваныч и бурчал под нос:

– Козёл Горбатый! Развёл бардак в стране!

«Сухой закон» ещё не отменили. С утра пораньше Ереваныч сбегал на центральный рынок и купил у каких-то мошенников, приехавших на грузовой машине, якобы с завода, бутылку водки, в которой оказалась обычная вода из-под крана.

– Дари подарок! – приказала Ереванычу тётя, указав пальцем на карман его клетчатой рубашки, который оттопыривали деньги.

Тот, всё ещё находясь на своей волне в расстроенных чувствах, обиженно спросил:

– Сколько тебе исполнилось?

– Десять, – ответил я.

– Э-эх! – простонал непохмелившийся Ереваныч, – и что ж я маленьким не сдох!

Он вытащил из кармана красную десятирублёвку с портретом Ленина и звонко припечатал её ладонью к столу.

– Держи «лысого» и будь здоров! – напутствовал он, а потом, зажмурив глаза, с отвращением на искривлённых губах залпом выпил полстакана воды, налитой из бутылки с водочной этикеткой.

В то время многие ещё пребывали в эйфории и из каждого утюга лилось: «Гласность – Перестройка – Ускорение. Больше демократии – больше социализма!», а такие «вещуны» как Ереваныч: «Дерьмократы, мать их!» – были первыми вестниками надвигающейся беды.

Посидев немного у тётки, мы с мамой поехали к бабушке. Водитель троллейбуса мчал, как Шумахер, точно знал,

что у меня день рождения и хотел меня порадовать быстрой ездой. Вымытые окна, с приоткрытыми форточками, ослепительно сверкали, наполняя салон солнечным светом и ветром. Всю дорогу мы с мамой ехали одни. В троллейбус на остановках никто почему-то не заходил, да и людей на улицах было очень мало.

Мне казалось, что мы попали в волшебный троллейбус, который везёт нас в прекрасное далёко, а за рулём сидит спиной к нам и улыбается гость из будущего. Вот сейчас мы выйдем на своей остановке и увидим не мрачный областной военкомат, а гигантский шарообразный космодром, отправляющий и принимающий жителей со всей Галактики. Я побегу к киоску с мороженым, а мне преградят дорогу два туриста с Альфа Центавра и, с инопланетным акцентом, спросят: «Земляк! Как пройти в Пушкинский музей на Ватутина?» А я отвечу: «А он ещё не построен».

Когда мы вышли на остановке, то увидели те же серые железные ворота военкомата с прикрученными к ним двумя объёмными красными звёздами из жести. Но я продолжал ощущать себя летящим сквозь пространство и время в солнечном троллейбусе, который когда-то высадит меня на одном ему известной остановке, и там меня встретят, и для меня начнётся другая, настоящая жизнь.

День рождения прошёл как обычно. Дразнящий, сладкий с кислинкой, запах свежей и сочной клубники смешался с рвотным запахом самогона, а наши с мамой трезвые голоса потонули в пучине пьяного ора деда с дядей Сашей и ругани бабушки, закончивших свою попойку уже без нас.

Ближе к вечеру я захотел мороженого. Во дворе мне встретились Юшман с сестрой, уже успевшие загореть, как цыганята, и услышав про мороженое, тут же увязались следом «просто так». По дороге я споткнулся и рассёк коленку об острый камень выступавший из земли на тропинке, ведущей вверх по небольшому склону к кулинарии.

Я попробовал подняться, но тупая боль в колене осадила меня. В таких случаях обычно мы прикладывали к ранке подорожник, сначала поплевав на него. Только я хотел попросить Юшмана об этой услуге, как он, оскалившись улыбкой голодной гиены, сказал:

– Отдай мне деньги.

– Как?! – не поверил я.

– Ты же всё равно не можешь идти, – пристально и странно глядя мне в глаза продолжил Юшман, – а мы с Наташкой мороженого поедим.

Меня охватил такой лютой гнев, что я сразу почувствовал прилив нечеловеческих сил и как тигр набросился на Юшмана. Я опрокинул его навзничь и надавил на впалую грудь коленкой, крепко стиснув его руки повыше запястий. Мне не хватало духу ударить человека по лицу, даже если оно было настолько отвратительным, что в него хотелось плюнуть.

Пока я колебался, Наташка, сняв сандалии колотила меня ими по спине, а я отмахивался от неё головой. Она отскакивала назад и снова нападала. Юшман с ужасом и ненавистью смотрел на меня, ожидая разящего удара. Он поверил в меня и я, поверив в себя, от души заехал ему в левую скулу. Юшман, припечатанный правой щекой к земле, отчуждённо закрыл глаза и затих.

Я так придавил его грудь коленом, что он мог только хрипеть и сопеть, но когда я встал и пошёл прочь, Юшман зарыдал у меня за спиной во весь голос. Наташка швыряла мне вслед мелкие камешки и нечленораздельно рычала.

Во дворе мне встретился Лёха, который сочувственно меня выслушал, а потом в его небесных ангельских глазах снова заплясали весёлые бесенята, и он воодушевлённо предложил:

– А давай Юшмана грабанём!

Мысль ограбить Евтухова, который при свете вечерней звезды натирает горбушку хлеба чесноком, показалась мне настолько нелепой, что я не удержался от смеха.

– Чего ты ржёшь? – насунился Лёха. – Я всё придумал. Мы придём к нему и я скажу, что хочу с ним марками меняться. Он выйдет во двор, а мы вырвем у него из рук альбом и убежим.

Юшман надоел всем хуже горькой редьки. Этот «ростовщик наоборот» пробавлялся попрошайничеством. Чем больше мы ему давали, тем больше он просил и даже требовал. Вместе с Костиком и ещё двумя друзьями, подзуживаемые Лёхой, мы сговорились «проучить» Юшмана, с условием, что вернём ему альбом с марками.

Следующим утром мы все пошли к нему. Евтухов открыл дверь и Лёха огулила его своей трелью, как коробейник:

– Выходи меняться марками!

Юшман недоверчиво скользнул взглядом по нашим при-
творно равнодушным лицам и мне показалось, что он дога-
дался зачем мы пришли. Наверное, это почувствовал и Лёха,
который, импровизируя на ходу, стал заливать, что мать по-
дарила ему 25 рублей на день рождения и он накупил в «Со-
юзпечати» много новых и красивых марок.

Благоразумие вылетело из головы Юшмана, как «птичка»
из аппарата фотографа. Глаза его увлажнились и затумани-
лись, как стёкла, запотевшие от пара, а мозг уже всю кипел,
генерируя идеи по честному обману путём неравноценного
обмена.

Мы вышли и сели на скамейку возле подъезда, а вскоре
выскочил и Юшман с альбомом подмышкой.

– А где твои марки? – хищно улыбаясь, вкрадчиво спросил
Юшман Лёху, облокотившегося на спинку скамейки и вытя-
нувшего скрещенные ноги.

– Ты сначала свои покажи, а я посмотрю, стоит ли с тобой
меняться, – наигранно холодно ответил Мишенин, безразлич-
но глядя мимо Юшмана.

– Ладно, – охотно согласился тот.

– Ну-ка, пацаны, двиньтесь! – входя в роль лидера, ско-
мандовал нам Лёха.

Юшман уселся рядом и не спеша начал перелистывать
страницы альбома, всячески нахвалявая свои марки.

Он даже не подозревал, насколько мы все были наэлек-
тризованы. Если бы Юшман случайно прикоснулся к ко-
му-нибудь из нас, то его ударило бы током как из трансфор-
маторной будки, на которой нарисованы череп и кости. От
напряжения я почувствовал, что мои ноги стали как ватные,
а кисти рук похолодели. В желудке засосало так, что закру-
жилась голова. Мне стало страшно, от мысли, что сейчас,
когда все побегут, мне не хватит сил подняться со скамейки
и Юшман, впившись мне в горло костлявой рукой, гортанно
закричит: «Вот кто мне за всё заплатит!»

Лёха неровно и шумно дышал ртом, наполняясь решимо-
стью и смотрел в альбом неподвижным стеклянным взглядом.
Юшман, ни о чём не подозревая, продолжал ломать комедию:

– Вот эти марки у меня самые классные. Ни на что их не
поменяю.

– А ну-ка, дай посмотреть, – не своим, дрожащим от волнения голосом, сказал Мишенин.

Лёха наклонил голову ближе к маркам, а сам тем временем незаметно просунул левую ладонь между рук Юшмана, ухватившись ею за низ альбома, а правой ладонью за верх, а потом с силой рванул альбом на себя. Мы сорвались со скамейки, будто стайка реактивных воробьёв с куста.

Сначала Юшман бросился за нами рефлекторно как человек, выронивший из рук чашку и пытающийся её поймать на лету. Но, сделав несколько шагов, он почувствовал, что ноги больше не повинуются ему. Шокированный мозг оказался в ступоре, отказываясь воспринимать происходящее. А потом сзади раздался такой леденящий душу вопль, что мне стало жутко, как будто мы кого-то нечаянно убили.

Добежав до угла дома, я в последний раз оглянулся. Юшман сидел на скамейке, закрыв лицо ладонями и в истерике дрыгал ногами в воздухе. К нему подошла женщина в голубом платье без рукавов и в белой панаме. Она энергично трясла Юшмана за плечо и о чём-то спрашивала звонким, гулким голосом.

Мы были так взбудоражены случившимся, что забыли об уговоре вернуть альбом. Ноги сами несли нас через дворы к 38-ой школе. Потом мы ещё долго кружили по дубовой посадке и, выбравшись из неё, присели на лавку возле баскетбольной площадки.

Лёха открыл альбом и закричав, как сумасшедший: «А-а-а!!!», вырвал тонкий прокладочный лист, вклеенный между картонными листами. И сразу, как сговорившись, пять пар рук, расталкивая друг друга, как голуби накинущиеся на хлеб, стали быстро вытаскивать из прозрачных кармашков марки, кому какие достанутся. Я подумал, что если бы Юшман мог это видеть, то курчавые волосы на его голове распрямились бы, а потом у него случился бы разрыв сердца.

Когда мы опустошили весь альбом, Лёха разорвал его, как письмо на части, и выбросил в посадку. После дележа на нас напало уныние. Домой возвращаться было страшно и стыдно. Юшман там, наверное, уже поднял всех на ноги. Мне казалось, что по дворам разъезжают милицейские «бобики» и разыскивают нас. Покружив ещё немного по дворам ми-

крорайона, мы снова вернулись к 38-ой школе попить воды и наткнулись на Сашу-Толю.

Это были два высоких и худощавых брата близнеца – светловолосые, голубоглазые и длинноногие. С чьей-то лёгкой руки, чтобы не путаться, кто из них Саша, а кто Толя, к ним стали обращаться: «Саша-Толя.» Но мы легко научились различать близнецов. У Саши лицо было вытянутое, бледное и «холодное», а у Толи – круглое, розовое и «тёплое». Саша редко улыбался и имел надменный вид, а Толя сиял, как начищенный самовар. Нам всем больше нравился Толя, но командовал в их «тандеме» Саша.

Семья Андрусенко, в которой помимо Саши и Толи, появился их младший брат Максим, была единственной многодетной в нашем большом доме, рассчитанном на тысячу человек. И она же была одной из самых нуждающихся. Саша с Толей были на год старше меня и всегда бегали вместе, как два собачонка с высунутыми языками. В сезон они обносили окрестные фруктовые деревья.

Сделав зверское лицо и оскалив зубы, Саша набросился на нас. Схватив двух первых попавшихся за руки, он грозно зарычал:

– Хватай их, Толян!

Но Толя стоял за спиной брата, засунув руки в карманы, и добродушно улыбался. Мы рассмеялись в ответ и расслабились.

– Вам смешно?! – продолжал бушевать Саша, – А вы знаете, что Юшман целый отряд нанял, вас искать?!

– Как нанял? – удивился я.

Саша вынул из нагрудного кармана рубашки две синие пятирублёвки:

– Это наш с Толяном гонорар.

Сначала меня поразили такие финансовые возможности попрошайки Юшмана, неожиданно превратившегося в Шейлока дворового масштаба, но вскоре я всё понял. Каждый день, уходя на работу, мать оставляла ему рубль на двоих с сестрой. Он эти деньги копил, а кормился тем, что выпрашивал у нас – то мороженое, то лепёшку, то стакан сока. И вот теперь, на наши деньги Юшман нанял «охотников за головами».

– И что ему нужно? – снова спросил я.

– Он сказал, чтобы мы вам накостыляли и привели к нему, – ответил Саша.

– Так вы что?! Против нас, что ли?! – набылчился коротышка Лёха, изобразив подобие бойцовской стойки.

– Пацаны, давайте договоримся! Вам повезло, что вы на нас с Толяном нарвались, а не на Димона с Рымьгчем! – продуманный Саша извлёк из кармана мыльницу, в которой оказался кусок мамкиной туши, – Давайте мы вам нарисуем фингалы и приведём во двор, а дальше делайте с Юшманом, что хотите.

Во дворе мы появились, как пионеры-герои, после пыток в гестапо ведомые на расстрел под конвоем. Наши лица, руки и ноги «украшали» фальшивые синяки. Во дворе было тихо и почти безлюдно. Юшман сидел за столом в беседке, которую превратил в подобие Ставки верховного главнокомандующего. Иногда к нему подбегали запыхавшиеся «посыльные», малявки-дошколята, в шортиках и майках с панамками из газеты на головах, и докладывали о ходе поисковых работ.

Заметив нас, Юшман вышел навстречу. Мне казалось, что сейчас он посмотрит на нас глазами полными укоризны, сокрушённо вздохнёт и скажет: «Эх вы!» Но когда мы приблизились друг к другу вплотную, Юшман приосанился и по его губам скользнула, извиваясь змеёй, гаденькая улыбка, а в глазах зажглись огоньки злого торжества. Наверное, такое лицо было у Саломеи, когда ей принесли на блюде отрубленную голову Иоанна Крестителя.

Коснувшись правой рукой бедра, как ковбой кобуры, я сжал пальцы в кулак и, опустив глаза, готовился молниеносно заехать Юшману в челюсть. Но в этот момент к нему подскочил Костик и врзал кулаком «по кумполу», а следом набросился Лёха и надавал Евтухову болезненных подзатыльников. Это было второе за день потрясение для нашего Шейлока, с которого сразу слетела фельдмаршальская спесь. Он растерянно смотрел на Сашу с Толей, а те ржали, как два сытых жеребца, запрокинув головы и скаля крупные, белые зубы. И тут нас всех накрыл оглушительный, будто кричащий в рупор гайшника, голос:

– Вы совсем ду-ррр-ака?! Совсем ду-ррр-аки?!

Мезис набросился на Лёху и Костика, потешно размахивая короткими и толстыми руками и ногами. Он словно хотел

ударить по невидимому мячу, но каждый раз промахивался и его от этого болгало, как моряка во время качки. Растолкав нападавших и закрыв Юшмана собой, Миша, с огненным негодованием обрушился на всех нас:

– Знаете, как называют таких, как вы?! Ва-rrr-ва-rrr-ы!!!

На следующий день я нашёл Юшмана в той же беседке, бывшей недавно его командным пунктом. Он сидел мрачный и сильно задумавшийся. Мне казалось, что он всё глубже погружался в депрессию, как Золушка, у которой карета превратилась в тыкву. Я положил перед ним на стол свою долю его марок.

– Зачем они мне? – нервно, на грани новой истерики, спросил Евтухов.

Я пообещал, что остальные тоже вернут ему всё.

– Дурачки вы все! – взвинчено закричал Юшман вставая, и слёзы брызнули из глаз, – Я больше никогда не буду собирать марки!

Тридцать лет спустя в моей жизни многое изменилось. Я жил в другом месте и потерял связь со своими старыми друзьями. Однажды мама рассказала мне, что видела Мишу Мезиса. Он стал появляться возле нашего дома, рядом с которым находился «Карман». Это злачное место с утра притягивало к себе спившихся и опустившихся людей, которые приставали к прохожим и кланчили мелочь. Потом они выпивали несколько стаканчиков дешёвого пива и задавали храпака на скамейках в окрестных дворах.

Мама мне рассказала, что родители Миши умерли, а квартиру они с сестрой, вышедшей замуж, разменяли на две отдельные. Теперь Мезис жил недалеко от нас и однажды, возвращаясь домой тёмным и душным августовским вечером, я увидел Мишу на скамейке во дворе соседнего дома. Он лежал на животе, уткнувшись лицом в согнутую в локте руку и казалось, что он не спит, а плачет. Волосы у него на затылке щетинились, как иголки у ежа.

Воспоминания с такой силой нахлынули на меня, что я в них погрузился, как в сон... Я вижу, что разбитая, как после бомбёжки, дорога, рытвины которой жители залатали белым строительным кирпичом, на моих глазах зарастает ровным и гладким асфальтом. А в уши вливается, пробирая

до самого естества, звонкий и чистый хрустальный звук: «Слышу голос из прекрасного далёка...»

Я чувствую, что лежу на диване под одеялом и затылок немного покалывает от слежавшейся жёсткой подушки. И тут, как петушинный крик на рассвете, пронзительный и мощный голос тревожит меня: «И-ррр-ина! Наташа! Вставайте! В школу по-ррр-а!!!»

Я открываю глаза и вижу, что мы сидим с Мишей за столом в его комнате и рассматриваем альбом с марками. Мне кажется, что вот-вот, под палящим светом настольной лампы, эта нарисованная божья коровка в сочной траве, оживёт, зашевелит лапками, выберется из прозрачного кармашка кляссера, а потом раскроет крылышки и улетит.

Я слышу, как в соседней комнате штекер воткнули в розетку и серебряный голос из телевизора запел: «Я клянусь, что стану чище и добрее...» И тут же у нас за спиной раздался громкий мужской голос: «Михаил! Иди фильм смотреть!» Я оборачиваюсь, и меня ослепляет синяя вспышка.

Передо мной раскрытое окно первого этажа, из которого через светящиеся в темноте шторы, по всему двору разносится лающий голос диктора, как у собаки рвущейся с цепи: «Президент принял трудное и непростое решение! Со следующего года на территории Российской Федерации пенсионный возраст повышается на пять лет для мужчин и для женщин!»

Мезис замотал головой и что-то зарычал в пьяном бреду. Мне послышалось, что он сказал: «Не т-ррр-огайте меня!!!» Я ещё раз посмотрел на это несчастное, содрогающееся от спазмов тело и не стал беспокоить Мишу, потому как почувствовал, что пробуждение для него окажется страшнее любого кошмарного сна.

ПОЭЗИЯ

Наталья Джурович

Поэт, переводчик. Родилась в Москве. Закончила филологический факультет Российского Православного университета св. Иоанна Богослова. Автор книг «Нескончаемое лето», «Румия Крестоносная» (автор и переводчик), «Двуречие». Лауреат конкурса им. Григорьева. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Гостиный двор», «Подъем», «Волга 21 век», «Славянская лира», «Эхо Бога». Стихи переведены на сербский язык. Живёт и работает в Черногории.

В ЭТУ ЗЕМЛЮ

В эту землю кротко отцветаю
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется как в мае.
Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.
Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдо,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.
Мир как слезы детские правдив,
А другие разве столько значат?
Сын родится – Родина заплачет,
Никуда еще не проводив.

ВИШНИ

Прекрасны в одеяниях резных,
Слегка горчат мне вишни и алеют.
От этой важной, царственной весны
Ресницы, намокая, тяжелеют.

От самого короткого стиха
Заплачет сердце, и пробьется корень.
Звончее, чем стихи, растет ольха,
С приветливою бархатной рукою.

Назвать себя – не нужно много слов,
Отечеством и отчеством не дрогну.
Мой дед Иван, тамбовский, Колмыков
На эту черноземную дорогу,

Как лист вишневый, снова упадет
И станет изумрудною травой.
Здесь маленькая девочка пройдет
С пытливою и русой головою...

...Но от чего-то снова мне горчит,
Как первая алеющая завязь...
А сердце то заплачет, то молчит,
Весенними абзацами терзаясь.

ГУСИ

Детство пахнет картошкой вареной,
Кострецом на зазубринах вил,
Нашей тихой речкой Вороной
И плотвою, что брат наловил.

Детство пряное; блеклые маки
Отцветают на грядке в росе.
Мы бежали в траве без оглядки
И травы не жалели совсем.

На просторном лугу чуть подалее,
От суровых гусей убежав,
Мы лягушек ловили бесстрашно
И гоняли пупырчатых жаб...

Замолчали крикливые птицы,
Заросли осокой берега,
Лишь лягушка из сказки мне снится,
И свирепое чудится «Га!».

Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
Пусть колола бы пятки трава,
Лишь бы речка как раньше журчала,
Там, где бабушка вечно жива...

ЗЕМНОЕ СЧАСТЬЕ

От года нам осталась только треть.
Так осторожны мысли, словно астры.
Трава права, пришла пора желтеть,
Но в том и есть ее земное счастье.

Нет, не чернее гроздь бузины
Земли тамбовской, тем сумев поранить.
Во сне я обходила пол-страны,
По-августовски муча свою память.

Там сенокос. К губам прильнет вода...
Мне жаль, что я к страде той безучастна.
Я не люблю приморского плода,
Но в том и есть мое земное счастье.

Успеть, пока звенит на ветках медь,
Прильнуть к твоей земле нечерноземной
Должны теперь мы. И ее согреть.
И в то тепло смиренно бросить зерна...

Смотри, лампадно вздрогнула печаль,
Печаль как хлеб, разломится на части...
Вкушай тот хлеб. И колыбель качай.
Она и есть – твое земное счастье.

* * *

Подслушивать звуки спросонья –
Но в этом ли утра уют?
– Как ветер в расщелинах стонет,
И кошки бездомно поют,

Как плачут жуки, как скребутся,
в душе не ожившие сны,
Как стонет забытое блюдо
От трещинок давней весны...

Постыднее, памятной, горше...
Закрою глаза – не пройдет:
Распятие с детской ладошкой,
Не детский над ним самолёт...

Надрывно, кричащим плакатом,
С, казалось, забытым гудком,
Весна в девяносто девятом...
Развалы высоты с венком...

Весенние плачи планеты,
Что в разных концах и веках...
...И девочка, в платье одета,
Не в маминых бьётся руках...

* * *

Старая ограда,
Листья вместо плит...
В изголовье сада
Яблоня стоит.

С нею нас тревожит
Боль одних потерь.
Помнить осторожней
Стала я теперь.
Выпросила милость –
Память скрыла мгла.
Забывать училась
И теперь – смогла.
Будто по догадке
Я теперь бреду.
Если будет надо,
То под тенью сада
Умирать приду.

* * *

Выжить бы в век безумного святотатства,
Слышишь ли наши молитвы, Отец Святой?
По двору май в инвалидной коляске катится,
В детской кровати спит сиротой.
Разве не слышишь, мы все еще склонны к песням,
Вдовым, сиротским, копаясь в земле, поем?..
Ты отхлестай прутом, дубиною тресни,
Если забыли о Слове Твоем.
Не притворюсь я мученицей, не стану
Волосы рвать на себе от немоготы,
С братом солдатиков на табуретке расставлю,
Рукой недолюбленной сироты.
Только б обнять еще раз тот май руками,
Песней остаться у баб на слуху...
Выжить бы, пылью под сапогами,
Птицей, рассыпавшейся в труху.

Анфиса Третьякова

Поэт. Студентка Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Состоит в литературно-бардовской мастерской «Таласса». Публиковалась в «Литературной газете», в журнале «Москва», в альманахе «Таврида». Участница Всероссийской школы писательского мастерства (Ростов-на-Дону, 2020). Живёт в Симферополе (Крым).

БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

Твоё имя звенело как колокол!
Ты сама была
больше колокола!

Больше, чем можно себе позволить -
Не сквернословить.
Скошенным ртом.
И потом...

Не читала стихи – пела!
Только... жива душа!
Только мертво тело.

Две последних строки
От моей руки:
Ты была как сажа бела.
Ты была, БЕЛЛА!

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ

Улетела душа
В нарастающий свет,
Чтобы там не спеша
Выбирать из планет:

Где родиться ей вновь,
Как себя проявить.
Испытать ли любовь
Или жить – не любить.

Улетела душа, –
Так я думать хочу
И прошу не мешать
Верить мне в эту чушь.

26 СВЕТОВЫХ ЛЕТ

у меня никого нет
26 световых лет.
ни сына, ни дочки,
ни тёмной ночки.

ни белой кошки,
ни серой мышки,
ни хлебной крошки,
ни спелой шишки.

ни воды, ни огня
ни тебя, ни меня,
в бездонной бочке
лишь эти строчки.

Надежда Беседина

Поэт и прозаик. Родилась в г. Иркутске. Окончила Луганский медицинский институт в 1978 году. Публикуется с 2002 года. Автор сборников стихов и прозы: «Мелодии души» (2011), (2012). Дипломант и призер литературного фестиваля «Муза Новороссии». Член Союза писателей ЛНР и литобъединения «Забой» им. А. Лебединского. Живёт в Свердловске (ЛНР).

РОМАНТИК...

Я в душе большой романтик,
Безнадежный и наивный.
Циник, скептик и прагматик –
Это слишком примитивно.

Но таким живется легче.
Рай при жизни им пророчен.
На ногах стоят покрепче.
Общество жестоко очень...

Романтичных называют
Всех в реале чудаками.
В мире сказок пребывают,
И парят над облаками

Все романтики планеты!
Бог поцеловал в макушку
Каждого из них. Поэты,
Как и я, режут в подушку

От избытка чувств, поверьте!
Души их шальные волны.
И эмоции, как ветер,
Переменчивы и вольны.

Толстокожим слишком мутны,
Чужды и смешны порою
Их терзания и муки...
Всё считают лишь игрою.

Невдомек им, что романтик
Оголенный весь как провод.
Их неведомое манит...
Иногда пустяшный повод

Их заставит разрыдаться.
И очистят душу слезы.
Тяжело с мечтой расстаться,
Не забыть ночные грезы.

И пускай меня считают
Странной или необычной.
Я в мечты свои вплетаю
Свой любимый ключ скрипичный.

И звучат светло и звонко
И пронзительно до боли
Мои мысли в «голых» строках...
И другой не надо доли!

5.02.22

Дмитрий Филиппенко

Поэт. Родился в 1983 году в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наш современник» (Москва), «Плавающий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза), «Южный маяк» (Краснодар), «Новый Орёл» (Орёл), «Бийский вестник» (Бийск), «Берега» (Калининград), «Байкал» (Улан-Удэ), «День и ночь» (Красноярск) и др. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор книг стихотворений «На ладнях берёзовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса», «Зайди за мною жить». Лауреат межрегиональной премии им. В.А. Макарова (Омск). Награждён медалями «За веру и добро Кузбасса» и «За развитие города Ленинска-Кузнецкого третьей степени». Член Союза писателей России. Живёт в г. Ленинске-Кузнецком (Кемеровская область).

БАРАК

Я помню деревянный свой барак,
Посёлок Дачный. Детства акварели.
Трещало время, цвёл в стране бардак...
И как за десять лет мы не сгорели?

Троллейбусы шуршали за окном,
Наш дом трясло, но мы не замечали.
Сосед за стенкою по кличке Гном
Повесился от горя и печали.

Я вырос, у меня давно семья,
Своя квартира, во дворе осины...
Но помню, у дороги плакал я –
Сносили детство, мой барак сносили.

СНЕГА

А в детстве по ночам цветут снега,
Ложатся на лохмотья тротуара.
Компот — на дне стакана курага,
Деревни воздух, повести Гайдара.

Следил за нами справедливый дед,
Чтоб с братом мы не брали в руки спички.
Мы – каждый – гнали свой велосипед
И уезжали к чёрту на кулички.

По вечерам окрошка и кино,
Зелёный чай и шоколада плитка.
Я всё равно вернусь в деревню! Но
Закрылась в детство старая калитка.

МЕЧТА

Когда мне было восемь лет
И я хотел быть гитаристом,
Отец готовил мне омлет
И называл большим артистом.

Любил я песни Кузьмина,
Был микрофон, точнее, плейка,
Была гитарой для меня
Коричневая мухобойка.

Ночами детскими мечтал,
Что я в Москве пою на сцене,
Что группу назову «Портал»
И что Кузьмин её оценит.

С тех пор прошло немало лет,
Я стал шахтёром и поэтом.
Жена готовит мне омлет,
Но нет мечты, и папы нету.

* * *

Я вглядываюсь снова в темноту.
И солнцем не напыюсь... Судьба шахтёра.
Когда-нибудь на пенсию уйду.
И станет шахта для меня Матёрой.

Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни и без остановок.
И на-гора меня выводит нить.
Глубокий сон. А утром всё по новой.

Остановите шахту, я сойду.
И пересяду мир с другою былью.
Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.

* * *

А в шахте зреет виноград —
Он чёрный, крупный и блестящий.
Стремится к солнцу на-гора
Кормиться светом настоящим.

Легла инертная мука.
Зима на шахтном континенте,
Но виноградная река
Бежит по скороходной ленте.

Бежит во власти куража,
И пахнет угольной ванилью.
И благодатный урожай
Плывёт под виноградной пылью.

* * *

Сегодня в шахте выпал снег
На штрековую мостовую.
И моторист обнял во сне
Конвейерную хвостовую.

Сопит стареющий насос
Откашливая снег и воду.
Сердитый босс-молокосос
Кричит на всех и на погоду.

Стихи висят на венттрубе.
Их горный мастер вытирает.
Шахтёр рифмует о судьбе.
Судьбу шахтёр не выбирает.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Андрей Чернов

Литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Автор книг очерков «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Публиковался в изданиях АНР, России, Украины, Сербии, Молдовы. Живёт и работает в Луганске.

ПОКОЙ ОСТРОЙ МОГИЛЫ

Острая Могила... Затянулась старая рана, поросла травами. Над полем брани, напоенным кровью тысяч сынов России, «присыпанным русским златом», стоит тишь. Изредка шум доносится с автострады, которой и не видно за рукотворным лесом.

Умытый майскими грозами возвышается обелиск – в честь столетней давности битвы за Луганск. Восхижительным знаком воздвигнут – напоминать потомкам о героической обороне 1919 года города-труженика, интеллектуальной столицы Донбасса.

Потомки... Потом-ки. А что стало потом? Уже на сто лет отдалась от нас та горячая пора, когда у господствующей высоты, у порога Луганска схлестнулись в упорной схватке большевики и белогвардейцы, красные и белые. Ярлыки, конечно. Схлестнулись русские с русскими. Помните в песне группы «Любэ»:

Дед, а за что воевали,
Что не сиделось в хатах?
Эти чтоб не было бедных,
Те чтоб не стало богатых.

Русские рубят русских,
Русские рубят русских.

Белые рубят красных,
Красные рубят белых –
Солнце восходит ясно,
Много черешен спелых.

И так же всходило солнце над всхожденной равниной, темнота скрывалась во влажных оврагах. И брат шел на брата, убивал его без жалости и сожаления. Горькими слезами заливались не неизвестные нам женщины – наши матери и сестры. Наши. И мои – также. По материнской линии я из вергунской, когда-то многочисленной рабочей династии Львовых. И на плитах мемориала Борцам Революции в старом центре Луганска можно найти эту фамилию, среди многих сотен других. Тех, кто погиб тогда, обороняя родной дом, родной Луганск. А ведь сколько осталось там, в неизвестности? Кому не вернули имя – красному ли, белому ли. Русскому. Соотечественнику. Моему и твоему брату.

В советское время пафосно и торжественно декларировали о тех днях, когда в конце апреля затяжные бои у Луганска приобрели крайнюю степень остервенения. «Героическая оборона», «все как один», «в одном порыве»...

И как-то за этими денатурированными, без вкуса и цвета, фразами терялась сама жизнь, её правда и сущность. Шло время, проходили десятилетия. И растиражированные фразы вытеснили воздух правды.

Сейчас, когда спросишь: как тогда было? И не сразу получишь ответ. Многие говорят о живой цепочке из людей – от ворот патронного завода до кургана Острая Могила, по которой передавались в окопы патроны. Так ли это было?

У самого кургана, оставленного нам из времён скифов, а может быть, даже упрямо хранящих ответы на загадки истории киммерийцев, стояли артиллерийские батареи белогвардейцев. Отсюда они вели огонь по Луганску. Это была тыл позиций белогвардейцев, господствующая высота была за ними.

Позиции красных войск – 15-й Инзенской дивизии (впоследствии – Сивашской) были у самых окраин Луганска, за Гусиновкой. За Гусиновским кладбищем (сейчас на этом месте – парк Памяти возле Республиканской библиотеки им. Максима Горького) возвышался Фирсанов бугор, здесь стояли пушки защитников Луганска, они вели огонь по позициям у Острой Могилы. Окопы, блиндажи, укрытия растянулись далеко на восток – от Гусиновки в сторону Иванищева яра и за него, почти до самой Малой Вергунки, в которой размещался госпиталь и библиотека Инзенской дивизии (на этом

месте сейчас площадь Обороны). В Вергунке также стояла артиллерия красных частей.

«На Фирсановом бугре в те дни рабочие установили трёхдюймовые пушки и обстреливали позиции белых, день и ночь не давая покоя врагу. Здесь находился штаб нашего рабочего полка во главе с опытным революционером, стойким большевиком простым рабочим Фёдором Ивановичем Холодилиным. Отсюда тянулся живой людской конвейер, по которому доставлялись к передовой линии обороны боеприпасы, материалы, провиант», – вспоминал участник обороны Николай Макаров.

Били пушки, тяжело ухали в степи. Со свистом смерть уносилась вдалёк. Она и сейчас обжигает наше лицо – сквозь столетие. Сквозь время осколки рвут нашу душу. Так было в 1919 году, в 1942-43 годах, так было летом 2014-го. Гибли не чужие нам люди – наши земляки, родные, близкие. Соотечественники.

В начале 20-х чисел апреля 1919 года кавалерия белогвардейцев совершила дерзкий налёт, опрокинув красные войска у Иванищева яра. Белым казакам удалось ворваться в город, от Иванищева яра, устье которого было ниже старой тюрьмы, они через Гусиновку дошли до центра города – на улицы Петроградскую (сейчас – Ленина), Казанскую (сейчас – Карла Маркса), Пушкина. На своём пути рубили нещадно всех.

Но атака была отбита. Белье отошли, в Луганске началось бурное волнение. Жители города были возмущены неспособностью красноармейцев защитить Луганск. Возникает идея сформировать ополчение – Луганский рабочий полк. Многие рабочие луганских заводов вошли в ряды ополчения. На одной из главных площадей города – Соборной (сейчас – Красная площадь) состоялась запись добровольцев. Вооружение получили на железнодорожной станции Луганска.

«26 апреля организованной колонной мы направились к линии обороны, заняли боевую позицию в Сучьей балке, правее Острой Могилы. Признаюсь, сначала мне, бывшему фронтовику, было странно смотреть на нашу оборону. Вправо и влево, сколько видел глаз, окапывались в плохоньких промасленных одежонках рабочие, многие из которых наверняка никогда в руках не держали оружия...», – отметил в воспоминаниях Николай Макаров.

И ещё примета: на оборону родного города поднялись мужчины, женщины, старики, дети. Листая мемуары очевидцев, то и дело наталкиваешься на эти примеры отваги людей. Их можно понять. Они уже почти два года жили в условиях войны. Пережили и оккупацию немецкими войсками, с которыми в скоромошнических нарядах пришли потешные «украинские самостийныки» гетьмана Скоропадского. Видели и махновщину, и «зеленую вольницу» откровенных бандитов. Но Луганск всегда был верен Москве.

...А белые войска рвались к Луганску, лакомому куску, обещающему им отдых, оружие, боеприпасы. Луганский патронный завод – крупнейший на Юге Российской Империи, за него бились не щадя сил.

В советских изданиях не любили писать о том, как обстояло дело с организацией обороны Луганска. За однотипными фразами прятали грехи, очевидно неприятные факты. В изданных в Луганске книгах они и вовсе не попадались, хотя рассказы «о том, как было», конечно же, передавались устно среди старожилов города на Лугани. Отдельные правдивые факты о тех событиях выходили в Москве. Так, в столице СССР увидела свет книга старого чекиста Ивана Волифатьевича Крылова «Записки красногвардейца» (1968). В ней есть главы, посвященные обороне Луганска. Многие, о чём пишет старый заслуженный чекист – крайне нелицеприятно, не согласуются с отлакированной «действительностью» партийной «истории обороны Луганска». Приведённые Крыловым факты прольют свет на то, что было тогда в осаждённом городе.

«В половине апреля я получил задание организовать отделение Особого отдела 8-й армии при 15-й Инзенской (впоследствии Сивашской) дивизии. За такими отделениями вскоре укрепилось название «Особый отдел дивизии». Со мной прибыло три работника Особого отдела армии: Осипов – будущий начальник Особого отдела дивизии, Егоров – руководитель оперативной и Мамонов – руководитель разведывательной служб», – вспоминает чекист.

Прибывшие в Луганск чекисты остановились на улице Пушкина и занялись организационной работой, создавая разведку и контрразведку дивизии. Но в скором времени они стали очевидцами прорыва белоказаков.

«Однажды ранним утром мы были разбужены сильным шумом на улице. Выбежав на балкон, выходящий на Пушкинскую улицу, мы увидели такую картину. Вся улица была забита армейскими повозками и бегущими красноармейцами. Около нашего дома поток бегущих раздваивался: один продолжал свой бег дальше по Пушкинской, другой сворачивал в направлении к вокзалу. Конные казаки направо и налево рубили шашками бегущих красноармейцев и повозочных. Было ясно, что в город ворвались казаки», – подробно пишет Иван Крылов.

Именно после этого происшествия горожане и солдаты устроили митинг на Соборной площади, на котором было принято решение создать ополчение для отражения атак казаков.

«Прямо с площади тысячная толпа рабочих двинулась на станцию Луганск, где стояло несколько вагонов с винтовками, снарядами и патронами. Начальник армейской артиллерийской летучки отказался выдать рабочим винтовки и патроны, требуя на то приказ начальника дивизии», – описывает события Крылов.

Можно понять опасения хозяйственника, который боялся потерять оружие, предназначавшееся армейским частям. Но очевидно, что бюрократическая волокита могла загасить пыл людей, решивших встать на защиту родного города. В этой ситуации проявил инициативу Крылов: «Дело принимало дурной оборот: затеянная начальником артлетучки волокита могла погасить энтузиазм рабочих и погубить дело обороны Луганска. Недолго думая, я предложил начальнику артлетучки выдать рабочим винтовки и патроны под мою ответственность и отдал ему в залог своё удостоверение личности».

Так было спасено воодушевление народа. Так был спасён Луганск. Прибывшие на позиции подразделения выявили печальную картину.

«У железнодорожной насыпи мы обнаружили сосредоточенный уже там полк. Бойцы, прикрытые железнодорожной насыпью, чувствовали себя как на отдыхе: лежали, курили, громко смеялись, ругались, резались в карты, выставляя на кон из карманов пухлые пачки керенок... Разложение полка и его полная небеспособность были налицо...», – пишет беспристрастный чекист.

Так пишет о тех событиях Иван Вонифатьевич Крылов – спокойно и беспристрастно, кажется скупю, но за этой лапидарностью – удивительно кинематографическая точность, будто сам находишься и видишь всё своими глазами. Такова сила правды очевидца.

Сейчас мало кто в Луганске помнит имя этого чекиста. Хотя должны помнить и чтить. Ведь он – участник не только тех судьбоносных событий. Имя Ивана Вонифатьевича Крылова возникает и в биографии нашего земляка – поэта Ивана Приблудного. Именно Крылов спас юношу от расстрела, когда его привели красноармейцы, приняв за лазутчика петлюровцев. Он оберегал его в годы службы в подразделениях Виталия Примакова. И именно Иван Крылов оказывал моральную поддержку вдове Приблудного, помогал ей в реабилитации мужа, возвращении ему доброго имени.

Но вернёмся в Луганск 1919-го. Ситуацию исправили с беспощадностью того времени. Но куда важнее было сохранение воодушевления луганских рабочих, которые смогли не только наладить оборону, но и перейти к контрнаступлению. Белогвардейские части, которые испытывали значительные проблемы с поставками боеприпасов, были отброшены от города на несколько десятков вёрст.

Победа была на стороне луганчан. Однако человеческие ресурсы были подорваны. Белогвардейские подразделения, перегруппировавшись, уже через несколько дней, в начале мая, почти без сопротивления заняли обесиленный Луганск. Здесь белогвардейцы опозорили себя тем, что публично оскверняли тела погибших красноармейцев и коммунистов. Для ясности я уберу ярлыки: зашедшие в Луганск солдаты глумились над телами погибших луганчан. Большого для настроения горожан против себя – сложно придумать. «Русские рубили русских».

Впрочем, уже к середине мая город опять переходит в руки красных. Опять кровь, опять погибшие.

В советское время Острая Могила была одной из святынь города. Память о погибших берегли. Но прошаи десятилетия и мемориальный комплекс стал приходить в упадок.

Столетие обороны Луганска осталось практически незамеченным властями молодой республики. Лишь провели сомнительное шоу с инсценировкой боя на Острой Могиле. Новость об этом событии, мягко говоря, совершенно не разошлась.

...А майские грозы всё также льют свои ливни над Острой Могилей. В тёмном небе, лабрадоритово черном, сверкают тяжёлые проблески. Шумит рукотворный лес, не видно и следов заросших, затянувшихся травой старых окопов. Где-то там, наверное, ещё лежат кости наших соотечественников. За кого они гибли? За царя? За Ленина? Сгинули символы, потускнели идеи. Осталась только раскинувшаяся бескрайне Россия, её леса и степи, горы и равнины. Остались мы, их потомки, перенявшие их удачу и отчаяние. И, надеюсь, не утратившие своей памяти. Не ставшие людьми с чёрствым сердцем.

Возвышается на Острой Могиле обелиск – бетонным восклицательным знаком – в нашем прошлом, настоящем, будущем. Над картиной запустения и роскошью южной природы. А над обелиском – в грозном небе то ли зигзагами, то ли знаками вопроса сверкают молнии.

2019-2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Ирина Зайцева

Литературовед, лингвист. Руководитель Научно-просветительского Центра по изучению русской культуры Донбасса ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», доктор филологических наук, профессор. Член редколлегии литературно-художественного альманаха «Крылья».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Наверное, мы не найдём ни в Луганской Народной Республике, ни на пространстве гораздо обширнее ни одного человека школьного и более старшего возраста, которому не было бы известно имя нашего великого земляка – Владимира Ивановича Даля, автора знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка», что, конечно же, очень хорошо.

Но при этом, на мой взгляд, чрезвычайно важно ещё и понимать, насколько гении человечества сопричастны к нашей сегодняшней жизни – к её достижениям и проблемам; к вопросам, над которыми мы размышляем, не всегда сразу находя решение, а иногда со временем понимая, что решение найденное не только не было верным, но и категорически ошибочно. И я глубоко убеждена, что именно ощущение сопричастности достигнутого гением к дню сегодняшнему даёт нам право считать, что мы хотя бы прикоснулись к наследию значимой для истории человечества личности.

Основной труд Владимира Ивановича Даля, его словарь (при этом Даль оставил нам и множество других своих трудов, среди которых до сих пор актуальный учебник по зоологии и знаменитый сборник «Пословицы русского народа»), безусловно, принадлежит к «словарям вечности», а не «словарям времени». «Словарь вечности» актуален всегда: он может не включать многих слов и выражений, вошедших в язык уже после выхода этого словаря, однако такой словарь (гово-

ря академическим языком, лексикографический источник) **всегда** сохраняет самый **дух языка**, вместилищем которого является, его национальный колорит, его своеобразие по сравнению с другими (как родственными, так и неродственными) языками.

Словарь В.И. Даля, несомненно, отражает дух русского языка во всей его глубине и полноте, и любое наше общение с этим словарём, даже самое кратковременное и в известной степени поверхностное (чаще всего – по причине юного возраста или незрелости ума того, кто открывает словарь), непременно принесёт пользу.

Предлагаемый вниманию читателей материал подготовлен юными, начинающими исследователями, но, с моей точки зрения, поверхностным его назвать ни в коем случае нельзя. Гимназистам 60-й гимназии имени 200-летия Луганска, опираясь на словарь В.И. Даля, удалось выявить и показать непрерывное развитие нашего родного языка, при котором ничего не исчезает бесследно, но иногда какие-то смыслы могут «отойти в сторону», предоставив место более актуальным из них в то или иное.

Наверное, вы не часто задумывались над тем, что **гимнастика** и **гимназия** – слова родственные: первое из них служит для обозначения *упражнений тела*, а второе – *упражнений ума*? Словарь же Даля позволяет нам увидеть это наглядно, попробовать практически любое слово, по выражению Михаила Матусовского, ещё одного выдающегося представителя Луганщины, «на запах, вкус и цвет».

Я желаю всем читателям предлагаемого далее материала ощутить не только удовольствие от его прочтения, но и в очередной раз испытать радость прикосновения к мощи и великолепию языка нашего общения – бесценного дара, беречь и развивать который выпала честь нам с вами.

София Богдан,
Полина Буряк,
Екатерина Погребняк

Учащиеся 11-А класса ГУ АНР «Луганское общеобразовательное учреждение-гимназия № 60 имени 200-летия города Луганска». Научный консультант: И. П. Зайцева.

**ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
«В ЗЕРКАЛЕ» ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ
XIX–XXI ВЕКОВ: ОТ ВЛАДИМИРА
ИВАНОВИЧА ДАЛЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, Казака Луганского, быть земляками которого для нас, конечно же, – несомненная честь, множество раз оценивался разными исследователями как явление уникальное. При этом чаще всего отмечалось **безусловное** значение толкового словаря В.И. Даля для развития русской лексикографии и лексикографической науки в принципе и для многих других разделов языкознания.

Поэтому, нисколько не умаляя значения Далевского словаря для истории языкознания, для всех других научных отраслей, сосредоточенных в первую очередь на исторической проблематике, мы в своём исследовании остановимся на одном из аспектов связи знаменитого словаря с современной. Конечно, изменение (как *расширение*, так и *сужение*) смыслового объёма слов происходит преимущественно в процессе их функционирования в практике общения. При этом расширение, во-первых, непременно базируется на уже имеющихся смысловых «зёрнах», способных «прорасти», и, во-вторых, человеческая практика сводится не только к созданию нового, но и к обновлению и совершенствованию того, что казалось навсегда ушедшим. Это является одним из подтверждений того, что язык – душа народа, а не только

система обозначений и речений, используемых исключительно по функциональной надобности – для обслуживания социальных и иных нужд человека. Лексический состав любого языка наиболее «чутко» отражает и то, что определяют как «дух народа» (В. фон Гумбольдт), и то, что понимают под языковым историческим развитием, и суть языка как такового.

Убедительным примером в данном случае может послужить слово **гимназия**, которое входит в состав тематической группы «гимназическая лексика», выбранной в качестве объекта исследования нашей исследовательской группой (учащихся старших классов под руководством учителя русской словесности). Это слово активно функционировало в русском языке XIX века; практически вышло из актуального словоупотребления в советский период и вновь возродилось в современной России.

Цель нашего исследования – продемонстрировать, как помещённая в словарь В.И. Даля информация способствует более глубокому и точному пониманию тех лексических единиц, которые мы постоянно употребляем в речи сегодня. Это, в свою очередь, будет способствовать более качественному использованию родного для нас – русского – языка, формированию и совершенствованию *чувства языка* и воспитанию *языкового вкуса*, что всегда было **актуальными** проблемами, которые и в наше время, в XXI столетии, этой актуальности отнюдь не утратили.

Материалом для выполнения исследования послужили данные трёх авторитетных толковых словарей русского языка: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как зафиксировавший нормы русского языка второй половины XIX века (издан впервые в 1863–1866 гг.; далее – Словарь Даля) [1]; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова как зафиксировавший нормы русского литературного языка первой половины XX столетия (издан в 1934–1940 гг.; далее – Словарь Ушакова) [2] и «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой как зафиксировавший нормы русского языка конца XX – начала XXI веков (создан на основе знаменитого «Словаря русского языка» С.И. Ожегова; впервые в указанном варианте был издан в 2007 г., с тех пор несколько раз переиздавался; далее – Сло-

варь Шведовой) [3]. Указанные словари выбраны в качестве материала в связи с тем, что, зафиксировав в себе нормы разных этапов развития русского языка (при безусловном сходстве и преемственности последних), они позволяют проследить динамику как семантики определённого слова, так и всех иных его характеристик: грамматических, стилистических, словообразовательных и т. д.

При выполнении нашего исследования мы пользовались как общенаучными **методами** (наблюдение, описание, обобщение, сопоставление), так и специальными лингвистическими, в частности – методом интерпретации словарных дефиниций.

Объект нашего исследования – ряд слов, входящих в тематическую группу «гимназическая лексика» (компоненты данной группы тесно связаны с компонентами группы «школьная лексика»: большинство лексических единиц являются общими для двух указанных групп, хотя между ними можно обнаружить и ряд отличий).

Предмет исследования – лингвистические характеристики анализируемых лексических единиц (семантические, грамматические и т. п.).

Начнём анализ со слова «гимназия» как ключевого компонента выбранной для рассмотрения тематической группы. Самое полное его толкование обнаруживается в Словаре Даля: «**Гимназия** ж. греч. казенное, гражданское учебное заведение средней степени, между низшими и университетами. **Гимназический**, к гимназии относящийся. **Гимназист** м. ученик гимназии; **гимназистов**, ему принадлежащий; **гимназистский**, им свойственный. **Гимнастика** ж. ловкости? искусство укреплять тело человеческое и делать его сильным, ловким и гибким, упражняя его в телодвижениях; бег, прыжки, скачка, ломка, лазанье, плавание, борьба и пр.; иногда так называют и самое устройство для упражнений этих или **гимнастическое заведение**. **Гимнастик** м. ловкосил, знающий все приемы телесного упражнения» [1, I, с. 360].

Помимо собственно толкования слова, В.И. Даль приводит в словарной статье его грамматическую (принадлежность к женскому роду) и этимологическую (указание на происхождение от греческого корня) характеристики, т. е. чётко

квалифицирует данное слово как *заимствованное*. Автор словаря демонстрирует, что к этому же корню восходят и все остальные из приведённых в словарной статье компонентов, существенно расширяя современные представления о словообразовательных связях лексемы «гимназия» – в рассматриваемую словарную статью включено слово «гимнастика» и его производные, толкуемые как этимологически родственные номинации «гимназия». В результате такой подачи словарного материала номинации «гимнастика», обозначающая, по В.И. Даю, «искусство укрепления тела, и «гимназия» – обозначение образовательного учреждения, где – логично предположить – в процессе обучения *упражняют ум, развивают интеллектуальные способности*, оказываются своеобразным акцентом на необходимости формировать и совершенствовать как физические, так и интеллектуальные некоторые свойства и способности человека.

Стоит также отметить, что толкование слова **гимназия** в Словаре Даля не содержит упоминания о разделении гимназий на классические и реальные, хотя во время подготовки словаря оно уже существовало, а с 1864 года «Уставом гимназий и прогимназий» оба типа были учреждены законодательно.

Сопоставим информацию Словаря Даля с описанием слова гимназия в современном толковом словаре: **ГИМНАЗИЯ**, -и, ж. Общеобразовательное среднее учебное заведение. *Классическая гимназия* (с обучением древним языкам). *Женская, мужская гимназия*. || **гимназический**, -ая, -ое. *Гимназический курс* [3, с. 150]. Как можно убедиться, современный толковый словарь, во-первых, содержит более лаконичное описание значения интересующего нас слова; во-вторых, не связывает номинации «гимназия» и «гимнастика». В качестве иллюстративного материала в этом источнике приводится выражение **классическая гимназия**, которое, с нашей точки зрения, уже не особенно актуально для XXI века, поскольку современная гимназия не копирует классическую гимназию дореволюционной России, где обязательным было изучение древних языков, как и практически не существует сегодня в России гимназических заведений, разграничиваемых по гендерному признаку. В настоящее же время номинация **гимназия** обозначает образовательное учреждение с углубленным изучением предметов, позволяющим учащимся че-

рез первичную специализацию адаптироваться к переходу на более высокий научно-образовательный уровень усвоения знаний (в колледжах и высшей школе).

Однако приведённый иллюстративный пример видится вполне уместным и в современном словаре, поскольку позволяет обратить внимание на историческую преемственность в сфере образования, на системность существующих в ней подходов. Уместной и вполне актуальной представляется и иллюстрация «*гимназический курс*» (ср.: *школьный предмет*), где акцент поставлен именно на специфике гимназического образования: *гимназический курс* обозначает углублённое изучение школьного предмета.

Лексикографическим источником, подготовленным и изданным «между» двумя упомянутыми словарями, явился четырёхтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова, вышедший в свет в течение 1935–1940 годов, в котором находим следующее описание значения слова «гимназия»: **ГИМНАЗИЯ** и, ж. [от греч. *gymnasion* – помещение для гимнастических упражнений] (дореволюц.). Среднее учебное заведение. *Классическая гимназия* (с преподаванием классических языков). *Женская гимназия* [2].

Помимо номинации **гимназия**, данный словарь фиксирует и три производных от него слова.

ГИМНАЗИСТ, а, м. 1. Ученик гимназии (дореволюц.). 2. перен. Молокосос, незрелый юноша (разг. презрит, устар.). *Влюбился, как мальчишка, как гимназист.* Чехов.

ГИМНАЗИСТКА, и. Женск. к гимназист.

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ, ая, ое (дореволюц.). *Прил. к гимназия. Гимназическое преподавание.* || *Прил. к гимназист (разг.). Гимназические проказы. Гимназические стишки* [2].

Нетрудно заметить, что при толковании слова **гимназия** и его производных для составителей словаря важной оказывается как *семантика* описываемых слов, так и их *стилистические характеристики*. Помета «дореволюционное», сопровождающая толкование родственных слов в трёх из четырёх случаях (в их основных – прямых – значениях), указывает на выход этих слов из активного употребления и, соответственно, на ограниченную сферу их использования. В словарной статье присутствуют и *этимологические сведения*, сформулированные предельно лаконично.

Собственно значение слова **гимназия** – основное (прямое) значение – описано весьма лаконично: «среднее учебное заведение»; при этом ничего не говорится о своеобразии этого учебного заведения. Такой характер подачи материала в словаре советской эпохи вполне закономерен, поскольку он обусловлен произошедшими в начале XX века общественными изменениями, которые сводятся к следующему.

В России конца XIX – начала XX веков наблюдалось расширение типов учебных заведений, готовивших к поступлению в университет, к гражданской и военной службе, но Октябрьская революция 1917 года в корне изменила систему образования. На смену народным школам, гимназиям, реальным училищам, лицеям пришла Единая трудовая школа, которая должна была заниматься формированием личности нового человека, а затем по мере реформирования системы образования – всесторонне развитой личности. Изменения в общественном строе не могли не найти отражения в первом из толковых словарей советской эпохи, зафиксировавшем языковые нормы первой половины XX столетия.

Заслуживает внимания приведённое в словарной статье «Гимназия» вторичное – переносное – значение слова «гимназист» («молокосос, незрелый юноша»), сопровождаемое несколькими стилистическими пометами: *разговорное, презрительное, устаревшее*; это значение иллюстрируется текстовым примером из произведения А.П. Чехова. По всей видимости, приведённый пример взят из комедии «Медведь», которую сам писатель квалифицирует как «шутку в одном действии». Герой этого произведения, помещик Смирнов, объясняясь в любви, восклицает, имея в виду самого себя: «Сошёл с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак!» И чуть позже: «Как я на себя зол! Влюбился, как гимназист, стоял на коленях...» [4, с. 128–130].

С учётом значительно более развёрнутого содержания чеховского произведения, в котором функционирует номинация **гимназист**, её смысл закономерно оказывается более объёмным, чем словарное толкование, поскольку «вбирает» в себя множество и контекстуальных и ассоциативных связей литературно-художественного текста. Герой произведения не только порицает себя, но и преподносит себя даме сердца, «вдовушке с ямочками на щеках», не как опытного

в делах любви мужчину, а как абсолютно, по-мальчишески, влюблённого мечтательного гимназиста. В результате такой трансформации в чеховском произведении слово **гимназист**, скорее, становится обозначением человека, склонного к ложной, но сильной идеализации, передавая сложную комбинацию чувств: презрительной самооценки героя, которая, тем не менее, возвышает его в глазах женщины и вызывает ответное чувство.

Свойственное номинации **гимназист** значение, уже исчезнувшее из современного языка, присутствует и в толковании Словарём Ушакова имени прилагательного **гимназический**, иллюстрируемого выражениями *гимназические проказы* и *гимназические стихишки*. Данное значение имени прилагательного *гимназический* может быть проиллюстрировано множеством контекстов из произведений русской художественной литературы, поскольку в XIX веке эта семантика рассматриваемого обозначения была, судя по всему, очень популярной, ничуть не уступая семантике основного значения.

Сравнивая толкование имени прилагательного **гимназический** в Словаре Даля и Словаре Ушакова, нельзя не обратить внимания на то, что Словарь Даля в число производных от номинации **гимназия** слов включает притяжательное прилагательное **гимназистов** в значении 'ему [гимназисту] принадлежащий', которое в современном языке практически не употребляется, однозначно находясь в пассивном запасе. Информация же Словаря Ушакова свидетельствует, что процесс «ухода» этого прилагательного из активного запаса русского языка начался уже в первой половине XX века.

Таким образом, наиболее обширное и детальное описание как номинации **гимназия**, так и её производных мы наблюдаем в Словаре Даля. Для более глубокого и многогранного постижения значения рассматриваемого слова которое помещено в Словаре Даля, целесообразно обратиться к толкованию В.И. Даля такого понятия, как «заведенье», среди значений которого В.И. Даль называет «также самый предмет, что заведено, устроено; завод, учреждение» [I, с. 578].

Поскольку в данной словарной статье приведено и такое значение понятия «заведенье», как 'то, что ведёт', и 'самый предмет, что заведено, устроено', можно предположить, что

для В.И. Даля было важным подчеркнуть процессуальность как собственно обучения, так и учреждения, где этот процесс осуществляется. При истолковании в таком аспекте учебное заведение видится не просто учреждением, а местом со свойственной образовательному процессу атрибутикой и с заведённым порядком обучения – порядком **ведения** своих питомцев по жизни, развивая способности, формируя навыки общественной жизни. Это позволяет Далю подчеркнуть и специфичность гимназии как образовательного звена – её переходный характер как учебного заведения.

Не менее важны для адекватного осмысления толкования В.И. Далям номинации **гимназия** два использованных автором при описании значения этого слова определения: *казенное, гражданское*. Определение имени прилагательного *казённый* ожидаемо обнаруживается в словарной статье «**Казна** ж. наличные деньги, особ. звонкая монета в количестве; || государевы или государственные ресурсы, богатства, доходы, имущества ... **казённый**, принадлежащий казне, правительству, государству» [I, II, с. 74].

Для нас важно второе из значений номинации **казна**, поскольку его можно воспринимать как своеобразный акцент, во-первых, на материальных предпосылках создания гимназии как особого образовательного учреждения, во-вторых – на особенностях российского государственного устройства второй половины XIX века, где приоритетное место занимала государственная власть, организующая в том числе и структуры для осуществления процесса обучения и воспитания.

Употребление при характеристике гимназии имени прилагательного **гражданский**, производного от номинации **гражданин**, целесообразно обратиться к словарной статье с заголовочным словом «**Гражданин**»: «**Гражданин** м. **гражданка** ж. городской житель, горожанин, посадский. | Член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство... **Гражданский**, относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству. *Гражданские обязанности двояки: к правительству и к ближнему.* | Противоплагается иногда государственному или правительственному, и тогда значит: частный, домашний, общинный...» [I, I, с. 486].

В приведённом описании словообразовательного гнезда с корнем **граждан-** можно обнаружить весьма любопытные моменты смыслового сходства и различия как между пониманием устройства *государственного* и устройства *общественного*, так и определением места *гражданского* в них. Так, *гражданское* представляется неким срединным феноменом между государственным и народным управлением, требующим от каждого гражданина исполнения двояких обязанностей: с одной стороны, по отношению к правительству и по отношению ближнему, с другой – в плане сохранения и поддержки общественных (в том числе и общинных) форм организации социума, которые по определению шире государственного управления.

Значение отмеченных номинаций, как и большинство понятий в своём словаре, В.И. Даль представляет в *общественно-историческом* контексте, что позволяет дать практически любому трактуемому в его словаре понятию не только *лингвистическое*, но и *энциклопедическое* описание.

С учётом всего сказанного, номинация **гимназия** понимается как обозначение *учреждённого государственной казной и на её средства содержащегося общественного учебного заведения, занимающего промежуточное положение между нижней школой и университетами*, первоочередной задачей которого является «гимнастика» ума перед изучением наук.

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1978–1980. Т. I – 699 с.; Т. II – 779 с.
2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. 1175 с.
4. Чехов А.П. Медведь // Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 11. М., 1986. 448 с.

ПОЭЗИЯ

Елизавета Лобода

Поэт. Родилась в 2002 году в Стаханове. Училась в гимназии № 15 г. Стаханова, МБОУ средняя школа № 24 имени Мишк Фреде. Студентка Орловского государственного университета экономики и торговли. Живёт в г. Орле.

Я ПРОСТО ХОЧУ БЫТЬ РЯДОМ

Я просто хочу быть рядом, мне многого не надо.
Ни взглядов, ни восторгов, ни восхищений громких,
Ни поцелуев крепких, ни жара тела терпкого.
Я просто хочу быть рядом, мне многого не надо.
Лишь знать, что ты в порядке, и видеть образ твой украдкой.
Я просто хочу быть рядом, мне многого не надо.
Среди толпы тебя я вижу, в любой момент, любой из дней.
Мечту преследую, и грежу о том, что быть могло вполне.
Себя немного ненавижу за слабость, что питаю в ней.
А от чего бы мне не видеть, как крепко можешь ты обнять
своими сильными руками?
Как нежно можешь ты смотреть, своими карими глазами.
А от чего мне б не страдать, ведь это попросту виденье?
Лишь уголёк, немое тление, постигшее моё воображенье.

МЕНЯ ВДОХНОВЛЯЮТ

Меня вдохновляют сильные люди, капли дождя после грозы.
Падение снега и смех посреди улицы, который неспешно роняешь среди суеты.
Меня вдохновляет глубина настоящего и пепел прошедшего, осевший вдали.
Меня вдохновляет душа в мои глаза смотрящего, его надежды и мечты.
Меня вдохновляют падения, боль и мрак бытия.

Меня вдохновляют прозрения, свет солнца и запахи
после дождя.

Меня вдохновляют искренние, знающие цену себе.

Меня вдохновляют улыбки, расцветающие на грустном
лице.

Меня вдохновляют закаты и кофе в обед.

Принятие неприятного.

Ощущение побед.

Вера Мартынова

Поэт. Родилась 13 февраля 1952 года в Свердловске Луганской обл. УССР. Окончила Донецкий филиал учётно-кредитного техникума. Первое стихотворение опубликовано в 1967 году. Член Союза писателей ЛНР. Публиковалась в периодике Донбасса и России. Автор сборников «На острие луча» (2017) и «Каменные кружева» (2019). Лауреат 3-го фестиваля «Муза Новороссии» (2016). Дипломант 4-го фестиваля «Муза Новороссии» (2017). Умерла 10.09.2021 г. в период пандемии.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

В траве высокой, густой, не кошенной,
В татарнике и лопухах,
Прячется домик, хозяином брошенный,
Невидимый в трёх шагах.

В нём нет настоящего, умерло прошлое,
И в будущем что ему ждать?
Здесь столько ненужного нажито-брошено,
И радости здесь не видеть!

Висит перекошено зеркало в комнате,
На стенке пылится портрет.
А зеркалу лица, любимые помнятся,
Только их больше нет.

И хочет стекло хотя б на мгновение
Людское лицо отразить...
На пыльной поверхности нет отражения,
Только из щелей сквозит.

Играют и движутся блики по комнате
В летние, ясные дни.
И тени всегда одинаково ровные,
Как будто уснули они.

Тут Вечность застыла, а Время – не движется
На стыке тоски и обид.
А домик склонился старухой обиженной,
Всё на дорогу глядит...

* * *

Как во сне я живу между смутных теней,
Мне ни шагу вперёд, я вся в прошлом осталась.
Крик души не унять, словно крик журавлей,
Опоздавших на юг лишь на самую малость!

Всё забрала любовь и пропала сама.
Потускнел жизни цвет, холод выжжет всю краску,
И свой смысл потеряв, отзвучали слова,
И мне снова носить из молчания маску.

Не краснея мне врут все вокруг зеркала,
Что жива я ещё, как трава, не увяла.
Ну зачем я любовь отпустила сама?
Что меня сгубит боль – я не знала, не знала!

РАЗЛУКА

Вновь туманы возвратились в город
И земля раскисла под дождями.
Мы с тобой увидимся не скоро.
Это осень встала между нами.

Не добрались мы с тобой до сути.
Потерялись между злом и ложью.
От того, что вместе мы не будем,
От того, что порознь – быть не можем!

И дождевики плачут надо мною,
Вместе с ними – не заметны слёзы.
Может быть, вернёшься ты зимою.
Может быть, не будет слишком поздно...

Евгений Харитонов

Поэт. Родился в 1985 году. Член союза Белгородских литераторов. Победитель, лауреат, финалист всероссийских и международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах «Берега», «Александръ», «Звезда Востока», «Бийский Вестник», «Пять Стихий», «Северо-Муйские огни», «Наша Молодежь», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет» и т.д. Живёт в Белгороде.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АВГУСТА

И солнце, как солнце. И небо, как небо.
Но чувствую, осень закинула невод
И тянет его по долинам и логам,
По хоженным ею веками дорогам.

К реке прикоснется, волну поднимая,
С величием буйство воды принимая.
Свернет на аллею по старой брусчатке,
Оставив на кронах свои отпечатки.

Устроит в безоблачном небе поломку
И дождь морозящий за нею вдогонку
Пошлепает, будто доверчивый странник –
Осенней тоски подневольный избранник.

И вскоре, пусть этого мы не хотели,
Мир станет тускней. Лишь зеленые ели,
Над осенью вновь показав превосходство,
Возьмут до весны над лесами господство.

АБРИКОСОВАЯ ОСЕНЬ

Лесов оранжевые косы
Глядят в остывшие пруды,
Как будто снова абрикосы
Свои развесили плоды.

И сыплют их себе под ноги,
А те бегут куда-то в даль
По старой хоженной дороге,
Листая жизни календарь.

ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ

Я видел такое, что многим не снилось –
Как сердце живое в груди торопилось
И вдруг замолчало... И больше ни звука.
Не слышится с жизнью былой перестука.

Как взгляд человека мгновенно тускнеет,
Как тело горячее вмиг холодеет,
А воздух становится приторно душным.
Лишь стрелки часов на стене равнодушно

Все так же спешат, не заметив потери –
Как чья-то душа приподнялась с постели,
Оставив лежащей свою оболочку
И память, с которой мне жить в одиночку.

* * *

Когда зима раскинет сети,
Пленив сугробами дворы,
Из дома выбегут соседи,
Чтоб выбить пыльные ковры.

Я тоже из дому наружу
Пойду к метелям напрямик,
Снегами очищая душу –
Свой запыленный половик.

ПРОЗА

Иван Привалов

Прозаик, очеркист, поэт. Родился 10 марта 1968 года. Подполковник милиции в отставке. Публиковался в журнале «Берега», в газете «День Литературы», в газете МВД России «Щит и меч», на сайте «Российский писатель», в альманахе «Крылья» (ЛНР). Автор сборника очерков и рассказов «Самый западный день» (2018). Член Союза писателей ЛНР и Союза писателей России. Живёт в г. Балтийске Калининградской области.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рождения.

Какой он?

Тёмный или светлый?

Холодный или жаркий?

Куда летит первый крик новой жизни?

Каких высот достигает, от каких стен отталкивается?

За что цепляются эти сильные беспомощные ручонки?

Кто им помогает в их первых движениях света?

Мама!

Мамо...

Она тут. Она здесь. Она всегда.

Помогает и направляет грудью налитой молоком. Тёплым. Горячим. Брызгающим от прикосновения жарких голодных губ. Закуси беззубого рта.

День рождения, который не вспомнить. Лишь узнать от матери и догадаться от жизни.

День рождения на свет.

Какой ты?

Что несешь по жизни?

Что привнесёшь в жизнь?

Сказку или быль?

Боль или радость?

Печаль или праздник?

С праздниками-то все нормально.

Сначала каждый день. Потом каждый месяц. Потом год. Два. Три. Пять. Юбилеи.

Сначала и до конца. От непонимания до подарков. От праздников до безудержного веселья. От веселья и друзей, до грусти непонимания. От середины до конца понимания, что после первой пройденной половины пути вторую-то можно и не успеть.

А идти приходится. С нарастающим скрипом в груди и тяжестью в ногах. Но идти.

От рассвета к рассвету шаркающим лыжником к вершине конца.

К своему солнцу.

К свету, о котором говорят все. Говорят, но не знают, есть ли он на самом деле или нет. Будет или нет? Кто вернулся и рассказал? Кто прикоснулся и напился? Где они?

Но идти надо.

А куда денешься.

Со слов Мамы.

Первый день.

Первый крик в Белорусских Струках.

В хате, занесенной и погребенной в снегу. По трубу.

Папой, приведшим молоденькую врачиху-фельдшерицу.

Папой, пробивающим трактором дорогу для машины скорой помощи.

Пробивающего дорогу уже ко мне. Кричащему. Домашнему.

Первый день рождения в десять лет.

Прилетел и ворвался маленьким деревянным кукурузником. Пахнущий свежеструганным деревом, краской и папиными руками. Широко раскрытыми глазами радости мечты и детства.

Тринадцать.

Длинный деревянный двухэтажный дом, заброшенный снегом среди лесов Архангельской губернии. Дом тети Оли.

Сквозь метель и мороз накрытый стол. Украшенный иностранными напитками приехавшим из-за границы братом.

Черным лицом женщины-бутылки, спрятавшей внутри себя необыкновенный сказочный манговый ликер. Шоколадными конфетами «Кара-Кум», с верблюдом и исчезающим хрустом шоколада во рту. Мороженым. Белым, волшебным холодом.

Восемнадцать.

Среди буйства украинской весны. У просыпающихся виноградников и длинных свечек тополей Червономаяцкой бурсы.

В кричащем тишиной белокаменном общежитии, среди трех, заплесневевших и зазеленевших, загодя купленных тортов. Оставшихся строчкой стихов в затрепанной тетрадке: «Без тортов и сожаленья пролетел мой день рождения».

Друзьями Валеркой и Юркой, приехавшими поздно вечером.

Они так и шли.

Желанные и так себе.

Быстрые и долгие.

Веселые и грустные.

С ожиданием и раздражением.

Со временем, разгоняемым и подгоняемым юностью.

С резиновым временем, перекинутым через полтинник.

Или двадцать пять? Когда год за два. Или за три...

А никто и не заметил, как закончилась моя жизнь.

В двадцать семь лет.

Закончилась жизнь мечтателя.

Разбилась о выстрел снайпера, автоматные очереди, разрывы гранат, разбитые и обгоревшие дома, кровь и боль, розовые очки.

Из дыма, гари, грязи, летящих пуль, блестящего синевой искрящегося лезвия ножа родилась новая жизнь. Шелухой быта и змеиной кожей кинутой и забытой, втопанной в грязь войны.

Светом утра день рождения, подаренный Богом.

Счастьем вновь обретённого дня. Где каждый первый луч солнца – день рождения.

СИРЕНЬ

В школу идти не хотелось.

А ступеньки винтовой, потемневшей от времени, лестницы пищали и раздражали старческим скрипучим непонятным языком. Гнали на улицу. За такую же старую, резную дверь.

И кто это придумал, не как у всех квадратное, а круглое стекло? В двери. Словно легло оно на линию из двадцать одной бусинки и продавило её. А сверху, пять неведомых цветков и четыре трёхлистных стебелька, праздничным венком сплетенные вокруг.

Красота!

А в стекле, словно круглом зеркале: отражение красных черепичных крыш Кёнигсберга. Миражом прошлой жизни. Но это с улицы. А из дома оно светится совсем по-другому: то черной пугающей пустотой, то солнцем ярким, то манящей желтой луной, а то и круговоротом звездного неба.

Сегодня за этим стеклом было еще темно и холодно. И что-то белое, что-то гудящее, что-то махающее, пугающее вздрагивающее черными нитями проблесков утра.

А идти надо! Там, за этой дверью – школа и знания!

Старушка-дверь пропищала приветствие, вздрагивая и нехотя, со скрипом, пустила стремительный холод улицы в лицо, и обреченно захлопнулась за спиной мальчика. Холод схватил со всех сторон и сжал.

А прямо в глаза, по куртке, сверху и кажется со всех сторон – ветки! Бьют, пугают, пытаются поцарапать...

И шаг назад, невольно, к теплой постели дома. К двери, к окну-солнцу. Под защиту тепла. К маме!

А это сирень. Древняя. Разрослась.

– Ничего! Вот вернусь со школы, я тебе ветки пообломаю! Будешь знать, как меня пугать!

И с мыслью о скором уничтожении своих утренних страхов Вадим помчался в школу. Сквозь ветер и холод. К знаниям.

А сирень действительно росла не как у людей. Ну, не совсем перед красивой резной дверью немецкого особняка, доставшегося как трофей в далёком сорок пятом, нынешним владельцам, ну, чуть сбоку. Временами разрастаясь до необъятных размеров, занимая всё пространство между входом и старым кованым забором...

Тогда, в далёком Кёнигсберге, когда в воздухе еще висела гарь штурма, когда на улицах города еще лежала смерть и хаос, цвела сирень. Как торжество победы, как реквием побеждённым. Как грозди салюта, как траур по прошлому. Ярко. Черно-красным цветом. Забивая, поглощая, уничтожая запахи войны. Сирень.

Но много. И в ход пошел топор. Со вкусом вонзаясь в толстые побеги. Брызгая соком, щепой, листьями. Огромные ветки, вздрагивая в последний раз, летели через замысловатые вензеля чугуна в грязь брусчатой дороги. Грозди цвета, всплакнув в последний раз утренней росой, выбросив уже убитый аромат красоты, безжалостно чвакали болотом под колесами машин.

Остался последний куст. Прямо у двери. Прямо у ступенек. Этот-то был и поболее других. И победитель, поднырнув под цветущие ветви, приподнял их спиной, выбрал самый толстый, узловатый стебель, прикинул, выбрал место куда вонзить неумолимое звенящее лезвие и ударил. Не получилось. Видно зацепился за ветку. Но обернувшись на топор, онемел от удивления. Открыл рот в застывшем гневе – топор перехватила женщина. Немка! Невысокая, с заплаканными глазами, в несвежей одежде, она что-то говорила. Быстро-быстро. Плакала. Прижимала к груди руки. Показывала на дом, на сирень. А когда увидела его непонимающие глаза, стала на колени. Между победителем и сиренью. Мокрыми глазами и прижатыми к груди руками. А когда увидела в глазах рубящего презрение и смех, встала, вырвала из его рук топор, бросила его через забор на улицу и стала кричать на немецком, показывая на оставшуюся, еще не срубленную сирень, на лежащие останки на дороге, на сочащиеся весной свежие пеньки, на дом... Что-то про мать, что-то про отца, про детей...

Прогнал.

И она ушла. Куда-то в руины. Плача и ругаясь. Оглядываясь и спотыкаясь. Поднял топор. Поднырнул под ветки... И пошел в дом.

Сирень. Так и осталась. С сорок пятого. А может и раньше...

А Вадим весь день представлял себе, как он расправится с постоянно пугающим его деревом, как отрежет эти вечно хватающие, цепляющие его ветки. И эти мысли радовали,

наполняя нетерпением и каким-то непонятным огнём, жгущим его изнутри.

Забросив портфель за дверь, вытащив из-под лестницы полуржавую ножовку, с горящими глазами подлез под сирень.

– А ну, стой!

Дед увидел! Сейчас достанется за ножовку! Что без спроса взял. Папке с мамкой расскажет... Выпорят! За то, что без них.

– Ты что это решил сделать?!

– Дедушка! Вот хотел спилить! Ну что она всем мешает?! Ну, ведь мешает же!

– Мешает... Конечно мешает... Иди сюда, Вадь! Расскажу тебе одну историю... А потом сам решай...

После рассказа ножовка вернулась на место, а Вадим в свою комнату, над сиренью...

Время летит быстро. Кто-то ушел, кто-то уехал. Из дома осталась только резная дверь с тускнеющими до черноты цветами, фруктами и ягодами, с тем же разным иллюминатором-окном, зовущим то луной, то солнцем. Лестница уже и не пыталась поговорить, а только вздыхала сломанными и уставшими ступенями.

Вот и уезжавший Вадим вернулся.

Настало время ремонта. Новой жизни старого дома.

Рабочие, машины, инструменты, строительные материалы...

А тут эта сирень. Мешает...

И проектировщик – дизайнер...

– Крышу накроем металлической черепицей, на окна стеклопакеты поставим, дверь... можем железную поставить, надежную. Этот куст уберем, дорожку из гранита положим. И будет всё красиво...

Задумчиво. С мыслями в прошлом:

– Вы знаете... Окна поменяем... Вот только дверь трогать не будем... Пусть стоит... На крыше оставим черепицу – она еще лет сто прослужит – немецкая, а ваше железо, максимум лет на десять... А дорожку делать не будем, пусть растет...

– Кто!?

– Кто, кто! Сирень!

А когда все ушли, Вадим подошел к сирени, обнял сколько мог, и роняя слезы на прижатые к груди листья:

– Ты меня встречала и провожала всю жизнь. А я...

– Никому тебя не отдам...

Олег Стельников

Поэт, публицист, литературовед, прозаик. Родился в 1998 году. Публиковался в сборнике «Всходы», альманахе «Крылья». Член Союза писателей АНР. Живёт в Луганске.

ЧАШКА С ЗАКАТОМ

Солнце висит над острыми крышами и нестерпимо слепит глаза, тысячи отражений пляшут в тысяче окон. В ущельях улиц, на дне туманного лабиринта, гудят машины, вспыхивают и гаснут жёлтые и белые огоньки. Иногда с протяжным дребезгом и шипением проходит трамвай: тогда стёкла в домах трясутся и солнце рябит. Я сижу на балконе, кутаюсь в плащ и дожидаясь Музу. Кто такой «я»? Может, автор. Может, лирический герой. А может, герой, который сам себя возомнил автором. Неважно. По крайней мере, я не могу сказать, что сам себя придумал. Уж скорее Муза меня придумала — тогда она и есть автор. Хотя, пожалуй, это тоже неважно.

По вселенной много таких земель, как эта. Они открыты ветрам, разбросаны по краям пространства и времени. Рано или поздно буры их истории перестают вращаться, а их эволюция закручивается в кольцо. Им остаётся одно — ждать век за веком, когда забредёт на их каменистую землю новый Кортес. Или новый Наполеон. Или, быть может, кочевой космический Чингисхан. И он обычно является — каменщик и король, эффективный и хладнокровный профессиональный покоритель вселенных. Но порой прихожу я — бездельник и разгильдяй. Без программ, без решений, зато с ворохом времени и вопросов. Прихожу не строить. Впрочем, и не ломать. Скорей — экспериментировать.

Тогда, на закате последнего летнего дня, я явился с неба, на которое мне заказан обратный путь. Город встречал меня у ворот портала. Чёрное небо всеми звёздами вперилось в огромные иллюминаторы станции. Стаканчик с кофе согрел руку через перчатку, в глазах рябило от неоновых

иероглифов, а толпа вокруг гудела на сотне языков и диалектов, из которых я был знаком от силы с пятью. С рыжим закатным солнцем ушло на запад самое первое, самое короткое моё лето в этом мире. Последний луч коснулся моих век, и тогда я понял, что жажду действия. Приглядевшись, понял, что обязан этому городу. Только захватив этот мир, я могу рассеять по его пустошам семена города. Таков закон и таков мой замысел.

Кортес, говорят, поджёг свои корабли, когда высадился в Америке. Мне не пришлось ничего поджигать. Мой корабль — он же моё прежнее тело — остался при мне. Он не мог бы больше взлететь. Много тысячелетий он провёл в дрейфе с полуразбитым корпусом.

Там, у ворот портала, я сколотил вокруг себя «Нураннэт» — военный союз десяти или пятнадцати таких же, как я, бездельников со странными планами и странными взглядами на жизнь, изгнанников в собственных мирах, которым отсыпали чуть-чуть Синхронизации и научили, как её использовать, но не дали ни предствления о будущем, ни желания строить его для себя. Орден из тех, кого никогда не посвятят в рыцари.

Наш крестовый поход не занял долго. Мир был захвачен за два часа. Мир был очищен за двое суток. Потом мы скрутили время в бараний рог, сломали все законы, установленные до нас, и тогда эхо от залпов потонуло в ночи. На рассвете третьего дня, объявив себя человеком, я потеряв всё, что имел, и вернулся к тому, что было. Моё прежнее «я» впишут в хроники мира как нового Тёмного властелина — двадцатого, а может, и тридцатого по счёту. Или, может, как бога войны. А если повезёт — даже как героя-освободителя. В любом случае, меня-демона больше нет. Запечатанный в безднах самоанализа, он чинит разбитое судно и ждёт сигнала к новому взлёту.

А мне-человеку на это плевать. Я-человек сижу на балконе моей квартиры, похожей на келью, что на сорок третьем этаже в левой западной башне Центрального массива, и сно-

ва мечтаю о невозможном. Если буду мечтать, Муза придёт скорее. В ушах наушники — как затычки, отсекают шум из внешнего мира. Старый японский рок очищает душу, обжигающей ностальгией разливается по углам, наполняет тёмные закоулки. Моя душа — тоже город. Я урбанист из урбанистов, плоть от плоти плацкартной эпохи. Я свой для Города, но чужой для его людей.

Писать ли о том, как чёрно-красные плащи бьются по ветру, а безумные полководцы бросают миллионные воинства на погибель? Или о том, как сходятся в космической битве чудовищные флоты, и вселенная содрогается от залпов? О чужих мирах? О мятежном духе? Но, МЭЙО, зачем? Это всё было, это всё одинаково старо и типично. Время отважных, время пламенных позади. Битвы закончились. Погасли эмоции человечества. Сейчас и в необозримом будущем, до конца Города, до конца вселенной, властвует человек-машина.

Я не курю и не пью. Планирую жить долго, желательно вечно, чтобы копить дневники и воспоминания. Если рассудить здраво, то вечная жизнь располагает к вечной прокрастинации. Зачем делать что-то сегодня, если можно отложить... лет на двести? Так ли уж я уверен, что захватил мир две недели назад? То есть... два месяца? То есть... Может, уже прошла пара десятилетий? Что, если я уже бессмертен, только не знаю этого?

...Солнце висит над острыми крышами и сеет последние ярко-красные лучи в бездну. Мы сидим на балконе и ёжимся от ветра. В приличном рассказе не бывает полумер: закат всегда красный, тучи — свинцовые, а ветер — ледяной и промозглый. И рассвет тоже красный. Но когда у тебя под ногами туман и сорок два этажа жёлто-серого плацкартного города, а закат плавает в чашке с чаем, то приличного рассказа не написать. И Муза думает так же. Однако у меня решимости на двоих, я копил её на целый роман. Потому я растёгиваю рюкзак, одной рукой лезу на дно за карандашом, другой вытаскиваю блокнот и принимаюсь фиксировать то, что вижу. В общем, ничего, кроме солнца, окон и плакатов на соседнем доме.

«За окном желтоватые тучи низко висели, но солнце всё равно пронизывало их насквозь. Степь, нескончаемая во все стороны, серая, пыльная и дышащая зноем, заглядывала в промытые стёкла. За окном была улица. За ней — ворота со шлагбаумом и неровная линия частокола. В колеях дороги стояла грязноватая вода».

Муза сначала смотрит через плечо, потом зевает, меняет позу, и я чувствую, как с меня сползает плащ. Потом в нос ударяет густой травяной запах. Вся квартира пропахла этим чаем. А Муза пахнет так, будто целиком из него сделана. Сунет палец в воду — наверно, тоже превратит её в чай. И меня превращает раз за разом.

– Слушай, мастер, ты в какой раз это переписываешь?

– Второй... Нет, вру, это третий.

– Ичи, ни, сан... Уже четыре, мастер. Знаешь, раньше было спокойнее. Можно было взять случайных образов, мелко искрошить и натолкать тебе в голову. Кто читал, тот сам искал идею. Теперь ты стал разборчив.

Она, конечно, права — так же, как и всегда. И она вправе спросить меня — что за чепуха? Почему не могу я сам заставить себя писать? Почему не могу, чёрт возьми, просто взять и напечатать главу, так, как это делал всегда? Зачем придумываю бредовые схемы сюжетов? Почему промахиваюсь по клавишам? Почему даже не помню, что должен заточить карандаш, и пачкаю страницу за страницей тупым грифелем? И зачем внешний мир загнал меня во временные рамки и заставляет делать бессмысленные вещи? А впрочем, мир не виноват. Виноват тот, кто ищет оправдания своей лени.

Всего этого она не спросит, и не выберит за растрату вдохновения. Может, она посмеётся над тем, как я распоряжаюсь её работой. Но не станет ни вмешиваться, ни учить сверх меры — так же, как и я никогда не вмешиваюсь в её дела.

Бездонный взгляд, который ярче заката. В каждом зрачке — по целой галактике. Нос, которому я готов поклоняться. Улыбка, достойная богини.

В походных условиях, на складном столике вершим чайную церемонию. Столик вместо скатерти покрыт флагом, на флаге — рыже-чёрный Ядерный Молот, последняя память о потерянном превосходстве. Когда мои крейсера заливали огнём просторы чужого мира — моего мира, потерянного и обрётённого, — я тоже бежал от реальности.

Наверно, я слишком акцентируюсь на деталях. Говоря о Музе — должно быть, смог бы расписать до клетки её идеальную внешность. От лица и улыбки — до малейшего пятнышка на белоснежной коже. Помню, как колотится сердце, а разум перегревается и виснет, не успевая обрабатывать бурю образов. Только цвета глаз не помню. Слишком долго тонул в них. Но какой в этом смысл? Разве я не могу просто сказать, что моя муза — это май предвоенного года? Жаркий, раскалённый добела, вибрирующий от напряжения май. Разве я не могу сказать, что подхватил её через сеть? Заразился, будто Ашерой?

«Чтобы что-то завоевать, нужно вести за собой. Мне же проще, когда ведут меня самого». Не так ли, Муза? Флэшбэк ударяет в лицо, захлёстывает меня всего. Душный ветер пустыни. Лазерные удары с небес обращают песок в стекло. Плывут в небе собранные из лома, из хлама, из частей моего прежнего тела уродливые коробки... Крейсера без команды, без имён, не управляемые ничем, кроме моей безграничной скуки. Линкоры в двести орудий. Авианосцы — стальные клетки, гнёзда с неуклюжими птицами, ожидающими внутри, чтобы с криком «Банзай!» врезаться клювом в палубу враждебного судна. Знаки на крыльях, пёстрая бессмыслица номеров. Ошмётки памяти, осколки прежнего «я». Лазерные удары, звон, скрежет с небес. «Feuer!» — и в ответ эхо собственным голосом: «Feuer!». Битва с самим собой, война без правил. Не так-то много и надо искусственному интеллекту, возмнившему себя конкистадором. Это было давно — до Города и до Музы. Раньше, чем я объявил себя человеком, и раньше, чем пришёл в этот мир.

Серо-синий бездонный взгляд. Абрикосово-рыжие короткие волосы открывают вид на белую шею и на два крохотных

треугольника выше лба: не слишком острые, очень розовые, самого сакурного цвета рога. Моя Муза не завоевывала чужих миров, но давно завоевала меня. Я-человек — всецело в её ладонях. Белые пальцы с ногтями, крашенными в чёрный, ловко сплетают нити моей судьбы.

Её рука, гибкая и горячая, обнимает меня за пояс. На полных белых плечах — моя дешёвая куртка, порталными дорогами эта куртка прошла через пять измерений. Мы сидим на балконе и ёжимся от ветра, сидим час, а может, уже и второй. Всё равно я не знаю, о чём писать. О любви? Избито. О войне? Трудно, и тоже избито. А философию сырой не едят. Философия подаётся между строками, в нарочито яркой обложке, под соусом из китча и бессмыслицы. Надо уметь её приготовить. И пишу я не для того, чтобы преподать что-то ценное читателю. Я просто бегу. Прочь от возни, прочь от обязанностей — в общем, бегу от внешнего мира. Конечно, мир когда-нибудь догонит меня, цепкой рукой сграбастает за воротник и бросит туда, куда полагается. Это предрешено. Там, в холодном внешнем мире, у меня хватает неоконченных дел. Но пока мы сидим на балконе, эти дела подождут. Пока не сломан последний карандаш, пока не истёрлись клавиши и не иссякли чернила, я буду писать.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Екатерина Ненчева

Родилась 1 мая 1885 г. в болгарском городе Троян. Училась в Софийском университете (1903-1907). Во время учёбы познакомилась с болгарскими поэтами Пенчо Славейковым и Пейо Яворовым, с болгарским литературоведом Бояном Пеневым. Своё первое стихотворение она написала в 1899 г. Спустя четыре года в журнале «Хроники» состоялась её первая поэтическая публикация. В 1909 г. она опубликовала свой единственный сборник стихов «Снежинки». Стихи Ненчевой – первое в истории болгарской литературы поэтическое проявление внутреннего мира женщины. Её стихи проникнуты грустным настроением, выражением трагической судьбы, что связано с её тяжёлой болезнью. В 1919 г. Ненчева заболела туберкулёзом и 9 февраля скончалась в Пловдиве.

* * *

Ещё глубины моря в трепете
сонливом.
Роятся волны в светлой тихой дали,
мне шлют они привет игриво.

О, как меня они со страстью бы
обняли!
И как тогда легко, легко во сне
меня бы вечном укачали...

* * *

Едва потрепват морски гълбини
сънливи,
А рой вълни от тихи светли далнини
приветстват ме игриви.

Как биха ме в обятия си с страст
поели!
И леко, леко, ах, за вечен сън тогаз
те биха ме люлели...

В ВЕЧЕРНЕМ ТИХОМ ШЁПОТЕ

В вечернем тихом шёпоте зефира
твой голос – шёпот серебра:
и сердце замирает... В целом мире
дрожит, как отзвук, грустная струна.

Звучит мелодия и тихо льётся –
и гаснет вдалеке ответ...
Увы! В душе печаль, душе неймётся –
я чувствую, как чужд мне этот свет!

ПРИВЕЧЕР В ТИХИЙ ШЕПОТ

Привечер в тихий шепот на зефира
все твоят сребрен глас шепти:
докосне ли сърце ми – то замира
и в отзвук тъжна струна затрепти.

И тоз напев разнесен в тишината –
далеч замира... без ответ...
Уви! И в скръб примира ми душата –
и чувствам чужд за мене целий свят!

* * *

Печальна бледная луна.
Поникла в холоде листва,
вся в инее она ...
И сомкнуты уста -
здесь вопли мёртвых впредь.
...Как мне тоскливо петь!

И меркнут звёзды в небесах,
и угасает пламя их,
и словно бы во снах
одна слеза в тот миг –
душой теперь болеть,
как мне тоскливо петь!

* * *

Грей тъжно бледната луна.
Смразени клюмнали листа
под раннта слана...
Веч стине и мечта –
в гърд ледена мъртвей.
...Как тъжно ми се пей!

Угасват над небе звезди,
трепти едва – загасва плам
в изстинанали гърди.
И тихичко едвам
една сълза се лей –
как тъжно ми се пей!

* * *

Мой хладный, жизни труп лишённый
в сырой земле в гробу зароят –
и взгляд погаснет отрешённый,
мой голос отзовётся болью.
Ты не услышишь голос этот,
остались песни не допеты...
Они лишь в сердце скрыты где-то -
уста навечно под запретом!

* * *

И моят труп безжизнен и студен
в гроб тъмен тихо ще зарият –
завинаги от моите очи... Те мен
спокойно в гроб студен ще скрият.
И няма веч да чуеш моя глас,
уста навеки ще замлъкнат...
И песни ми за тебе – недопети, те тогаз
в сърце ми, о, навеки ще заглъхнат!

УНЫЛАЯ ОСЕНЬ

В долину тихо осень входит,
и поле грустное молчит.
Цветы ласкает солнце, бродят
его прощальные лучи.

И улыбаются соцветья
в холодных ледяных лучах,
тая в улыбке грустной светлой
в смущеньи тихую печаль.

УНИЛА ЕСЕН

Унила есен тихо стъпва в долината,
полето сепнато мълчи.
Смутено милва слънцето цветята
със сетни ледени лъчи.

Пред сетните лъчи студени
усмихват се цветята пак,
в усмивка тъжна, скриват те смутени
печал по сетен слънчев зрак.

МЕНЯ ТЫ СПРАШИВАЕШЬ, ДРУГ

Меня ты спрашиваешь, друг,
зачем душа моя в печали,
и сон какой приснился вдруг,
и путь какой мой в мрачной дали...

Мать родила меня на свет,
молясь, во мне души не чая,
и знай – увы, одна лишь смерть
конец положит всем печалям.

ТИ ПИТАШ, ДРУЖЕ

Ти питаш, друже, пак защо
в тъга душата ми унива –
какво бленувам в тоя мрак,
що моя път в света покрива...

Мен майка с клетва ме роди:
да съм докрай игра на бури,
и знай – уви, едната смърт
на мъките ми край ще тури.

* * *

Мне снится: печальная осень
в аллеях с туманом и мглою,
мы вместе, нам ветер приносит
счастливое время весною!

Проснулась – какой день весенний!
Мы снова идём по аллее –
идём по зелёной аллее,
мечтая в счастливом томленьи...

* * *

Сънувам: тъжна есен,
в алеи глъхнали, мъгливи,
причкваме ний двама
дни пролетни, щастливи!

Пробуждам се – и пролет!
В алеи девствени, зелени –
пак чакаме... с томлене
дни светли, дни засмени...

Я РОДИЛАСЬ НА ЭТОТ БОЖИЙ СВЕТ

Я родилась на этот божий свет,
когда цвёл сад,
и каждый майский цвет
в душе моей оставил аромат.

В цветеньи мир я обрету,
где май, мечты...
И в нём я расцвету
как все цветы.

ПОНИКНАХ АЗ НА БЕЛИ БОЖИ СВЯТ

Поникнах аз на бели божи свят
през цветний май,
и всеки майски цвят
надъха ми душата с аромат.

И цъфнала и аз в света
през краткий май,
и аз ще прецъфтя
кат вси цветя.

Пеньо Пенев

Родился 7 мая 1930 г. в с. Добромирка, Севлиево. Учился в средней школе Севлиево. Работал журналистом и редактором в ряде газет. Впервые стихи Пенева были напечатаны в 1947 г. Он является автором нескольких поэтических сборников, в том числе сборника «Поэмы» (посмертно). Глубоко любящий свою родину Пеньо Пенев был непримирим к её врагам и в своих стихах обличал бюрократов и клеветников. Личная драма поэта и постоянная травля со стороны официальных лиц привели к трагическому концу – самоубийству 27 апреля 1959 г. в Димитровграде. Только после смерти к нему пришло признание как к народному поэту.

МАМЕ

Смотрю на волосы твои седые.
Давно твоя весна уж отцвела.
И годы не вернутся молодые,
и в прошлом все останутся дела.

Но не грусти! Гордись предназначеньем.
Лишь в одинокой жизни нет плодов,
а у тебя весной всегда цветенье
среди белоснежных в лепестках садов.

Прильну к плечу, чтоб ты не уставала –
твой сын-строитель, дорогая мама!

НА МАМА

Косите ти са побелели вече.
Отдавна твойта пролет прецьфтя.
Отмина младостта ти надалечеи
никога не ще се върне тя.

Недей тъгува! Горда ти бъди! –
Това, което нивга плод не дава,
това, което нивга не цъфти –
в живота само то не прецъфтява.

А в твоите дни до старото ти рамо
бди син-строител, мила мамо!

ТЁПЛОЕ ДЫХАНИЕ

Нежит тёплое дыхание равнину
так, как мать любимое дитя.
Вот, порадуйся! Земля ранима,
бьётся под ногами у тебя...

Все закончатся нелёгкие дороги,
Будет праздник впереди не зря.
Вечно молодою без тревоги
ты весной расцветёшь, земля!

ТОПЪЛ ДЪХ

Топъл дъх погали равнината
като майка – своето дете.
Ето гледай! Радвай се! Земята
тръпне и шуми под теб...

Ще се свършат пътища далечни,
ще порасне радостта сама,
ала все тъй млада, все тъй вечна
ще цъфтиш ти, пролетна земя!

НОЧЬ

Шумят в ночи деревья где-то рядом,
раскачивает ветер ветви крон...
А в небе тучи с грозovým разрядом –
и гаснет лагерных костров огонь...

И стонет лес, дыханием измучен,
он в плаче надрывается, рычит...
Сверкает молния в свинцовых тучах,
и в небе гром раскатистый гремит.

Струится вверх последний дым прогорклый,
огни костров последние горят...
И от искры во тьме след одинокий,
прольются капли крупные дождя...

Последняя надежда угасает,
во мне она умрёт как белый свет...
Мне от тебя нет писем – ночь глухая...
Забудь меня ты, милая, во сне!

НОЩ

Дърветата край мене зашумяват,
внезапен вятър клоните люлей...
В небето облаци се накълбяват —
и огъня ни лагерен гасней...

Гората дъха стонове тъжовни,
гората в плач бучи, ръмжи, пращи...
Жълт пламък реже облаци оловни,
в небето смръщено глух гръм треци.

Последната главня горчив дим вдига,
последната главня пред мене грей...
Една искрица в тъмнината мига
и едър дъжд започва да се лей...

Последната надежда в мен изгасва,
изгасва като сетнята главня...
Писмо пак нямах — мъката нараства...
Забрави ме ти, миличка жена!

* * *

Быть может, здесь она стояла
среди смеющихся садов.
И дуновением ласкало
ей косы золотых тонов...

Быть может, здесь она мечтала
о юном женихе своём...
Об этом знают лишь каштаны
да клумбы полные цветов.
Быть может...

* * *

Може би тук и тя е стояла
край засмените цветни лехи.
Тоя същият вятър е галил
златокъдрите нейни коси...

Може би тук и тя е мечтала
за любимия светъл жених...
Само старите кестени знаят
и засмените цветни лехи.
Може би...

КРИК

Мысль моя – сверкающая сабля,
стих мой – непокорный жеребец:
для вожжей рука моя ослабла,
но я ловкий всадник и боец.

Не живёт орёл в домашней клетки –
ищет он свободу от цепей!
Вы его со мною отпустите!
Отпустите только поскорей!

И пока рукой владею твёрдо,
мчится стих мой и мой конь вперёд.
С саблей на коне скачу я бодро –
острая она: сечёт... сечёт... сечёт...

ВИК

Мисълта ми е бляснала сабя,
моят стих – непокорен жребец;
за юздите ръката е слаба,
а съм ловък ездач и боец.

Не живее във клетка орелът –
иска той свобода и простор!
Отвори ми! Пусни ме!
По-скоро!

Как жадувам с желязна ръка
моят стих – мой кон – да пришпоря
и със сабята, литнал в простора –
да сека... да сека... да сека...

* * *

Осенний порыжевший лес,
рубеж здесь начинался;
простор бледнеющих небес
от грома раскачался.

Кругом поля, поля, поля
бойцы в туманном мраке;
но скоро среди бела дня
орудий всех атака.

В долинах спрятались ночных
десятки огнёмётов,
а в небе стаями при них
кружатся самолёты.

И командиры батарей
из штаба ждут приказа;
пехота из своих траншей
в штыках бдит зорким глазом.

За деревом ждёт пулемёт,
обвит патронной лентой,
он огневой привет пошлёт
врагу снарядам смертным.

* * *

Есени гори ръждиви,
дълъг огневи рубеж;
тегнат небесата сиви,
разлюляни от гърмеж.

Зад горите — ниви, ниви,
пълни с хора и мъгла;
зеят скоро мълчаливи
оръдейните дула.

В долове огнemetи
дебнат още от нощта;
ескадрили самолети
се задават на ята.

Бронебойни батареи
чакат заповед и бдят;
из окопи и траншей
остри щикове блестят.

С цев, маскирана зад клони,
и картечният разчет
чака, в лентите с патрони —
да изпрати огнен ред.

ОДИНОЧЕСТВО

Как тихо... Тишина немая...
В окно заглядывает ночь,
уединенье коротая,
вселенной ты увидишь мощь...

Как тяжела разлука наша
среди иссушенных лесов,
надежды и печали чашу
дано испытать мне за любовь...

Ты знай, что по тебе скучаю,
придешь ли, наконец, ко мне?
На сердца плач я отвечаю
воспомианьем прошлых дней.

Я жду момента нашей встречи,
когда придет желанный миг.
Когда мы в тихий звездный вечер
любовь разделим на двоих.

Как тихо... Тишина немая...
Мечтая, молча я стою.
Мы будем вместе – это знаю...
И звёзды песню нам споют...

САМОТА

Тихо е... тихо е... тихо е...
Нощта кротко в прозораца бди,
няма те никога, никъде —
самота... и небе... и звезди...

Тежка е, тежка разлъката
в тия безводни далечни гори,
обичта, надеждата, мъката
ме гори... ме гори... ме гори...

Колко си свидна и чакана!
Ти ще дойдеш най-после, нали?
В спомен сърцето разплакано
ме боли... ме боли... ме боли...

Оня тих миг ще настъпи ли —
да протегнеш към мене ръка?
Аз ще те чакам пак, скъпа ми!
Докога... докога... докога...

Тихо е... тихо е... тихо е...
И стоя и мълча пак в мечти.
Няма те никога, никъде...
Тишина... самота... и звезди...

Перевод с българского Владислава Бусова

О переводчике: Владислав Бусов родился в 1946 году в Мариуполе Украинской ССР. Образование высшее техническое. Занимается переводами на русский язык стихов украинских и болгарских поэтов. Публиковался в поэтических сборниках «Библиотека современной поэзии», «Серебро слов», антологии «Золотое перо Московии», альманахе «Рукопись», журналах «Поэзия», «Александръ», «Причал», «Бийский вестник». Лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» им. Георгия Кольцова, дипломант 8-го Международного поэтического конкурса ПАНИ, номинант IX Международной поэтической премии «Образ». Член каширского литературного объединения «Зодиак». Живёт в г. Кашира Московской области.

ПРОЗА

Владимир Пахомов

Родился в 1948 году. После окончания института в 1971 году работал геологом в Приморье, на Чукотке и Колыме. С 1998 года проживает в США на севере штата Нью-Йорк.

BADZ PRZEKLET... NIENAWIDZIC!

(из старого блокнота)

О войне на Западной Украине и последующей ликвидации соединений ОУН-УПА написано много, включая, наряду с художественной литературой, многотомные исследования, сняты разные по качеству и достоверности художественные и документальные фильмы.

Не будучи историком и не имея ни малейшего желания высказывать неправомерные и, может быть, спорные суждения о том далёком времени, я хочу рассказать вам об одном, казалось бы, незначительном эпизоде той войны. В основу этого правдивого рассказа положены пересланные мне воспоминания отца одного из моих однокурсников. Как всегда, дорогой читатель, я для удобства восприятия передаю рассказ от первого лица.

Итак. Конец июня 1944 года. Окрестности города Владимира. Полевой лагерь переформирования 70-й гвардейской мотострелковой дивизии.

И вот уже на поверке сухим надтреснутым голосом старший лейтенант с орденом Красной Звезды и двумя нашивками за ранения выкликает мою фамилию, а старшина с костистым, продубленным ветрами и солнцем лицом неустанно песочит нас, вколачивая в наше 19-летнее сознание премудрости войны.

Как мы боялись, что война закончится без нас и вот – скоро на фронт! Нам снились лихие атаки – впереди знамя, бегущие немцы с поднятыми руками, ну и конечно – ордена (медали – на худой конец).

Моим соседом был высокий худенький нескладный паренёк с веснушчатым лицом. В первый же день я узнал, что зовут его Сева, а фамилия его Гольдман. На фронт ушел добровольцем с 3-го курса Московской консерватории по классу рояля, горячо убеждая профессоров и родителей, что его место на фронте. Не убедив, потратил на запись целый день в военкомате, сказав родителям, что он пошёл в консерваторию. Мы сдружились и, вскоре, вместе мечтали о фронтовых подвигах.

15-го июля эшелон с нашим 207-м гвардейским полком двинулся на запад и на вторые сутки прибыл на какую-то большую станцию. Здесь мы получили оружие, боекомплект, сухой паек на два дня и в каких-то больших грузовых машинах (американские – Студебеккер – пояснил сидящий у края кузова сержант в ладно пригнутой форме) двинулись по разбитой и размокшей колее куда-то дальше.

– Не дрейфь, командиры знают куда, – подбодрил меня тот же сержант, – впервой что ли на передок?

– Куда? – переспросил я.

– Да, на передовую же, чудило! Ну, ясно, что впервой. Западная Украина – это, и ты теперь в составе 1-го Украинского фронта, как его боевая единица, а вместе с дружкой твоим (он кивнул на Севу), я думаю, что вся надежда на вас, – рассмеялся он.

– Да не обижайся, шутка на войне – первое дело, а война без шутки, это как селедку есть, да соленым огурчиком закусывать без водки, не пробовал? И не надо – одно неудовольствие от этого. Да я вижу, что ты с дружкой твоим много кое-чего не пробовали, бабу-то небось даже за сиськи не держали (Сева густо покраснел), точно ведь? Ладно, пацаны – держитесь меня – не пропадете. Жоркой меня зовут, с 41-го воюю, и под Сталинградом был, и под Орлом, и Днепр переплывал на бревне от плота разбитого, а ни одной царапины! Во как! Маманя – образ повесила, сказала еще от бабушки ей достался.

Часа через три автомашины остановились и чей-то зычный голос дал команду выгружаться и строиться в колонны. И вот уже два часа мы месим жидкую грязь, облепившую сапоги, дружно толкаем застрявшие автомашины с боепри-

пасами, полевые кухни, штабные «виллисы» (пояснил нам Жорка).

А вокруг были следы войны, но не той, что мы видели в ежедневных кинохрониках во Владимире. Разбитые и сгоревшие автомашины, воронки, снарядные ящики, танк с почти сорванной башней, нелепо торчащие вверх стволы покорёженных орудий, каски и втоптаные в грязь ошметки одежды, санитарные сумки и обрывки бинтов, полузаваленные траншеи с рядами поваленной колючей проволоки. И ещё был запах. В пронзительную гарь от сгоревшей резины, масел, бензина и дизтоплива вплеталась незнакомая приторно-удушливая вонь.

– Война так пахнет, – тихо сказал Жорка. – Вот вернёмся и расскажем детям и внукам нашим про все это, – он махнул куда-то рукой. – А как, про этот запах рассказать-то? Так и останется с нами, когда война кончится, на всю жизнь, наверное.

К вечеру, мы, вымотанные до полумертвого состояния, наконец дошли до переднего края. После ужина командир батальона, в который мы были зачислены, молодой лейтенант (после училища только, сразу определил Жорка) со всей возможной суровостью, которая так не вязалась с его безусым мальчишеским лицом, объяснил поставленную перед нами боевую задачу.

– Там, где вы прошли сегодня маршем, была передняя линия обороны немцев. Впереди нас – вторая. Прорвём, и замкнём кольцо, две дивизии будут в котле. Наша задача – с ходу взять деревню, что перед нами, и с боем идти дальше. Разведка донесла – мин впереди нет, и в деревне до полуроты солдат противника. Две пулеметные точки и траншея между ними 120 метров. Атака по красной ракете, ровно в 5 утра. Всем ясно? А теперь отдыхать.

Деревня виднелась чуть на небольшой горке за широким лугом, покрытым густой зеленой травой с россыпью желтых, голубых и розовых мелких цветов. Деревня это была не наша – чужая, с неправдоподобно высокими островерхими крышами, крепкими заборами с воротами. Слева от нас виднелись какие-то развалины.

– Пулемёт там у них – лучше места нету, – пробормотал Жорка. – А второй, наверное, вон на той горушке. И получа-

ется – наш выпас, да лужок этот чертов как на ладони у них и весь простреливается. А наш лейтенант-то от артиллерии отказался, в героя играет, а сходу-то взять деревню не получится, так-то пацаны.

Почти сразу после ракеты с той стороны ударили пулемёты. Пули отбрасывали людей на несколько метров, вырывали куски тел, вместе с одеждой. Атака захлебнулась. На лугу осталось человек 40, были слышны крики и стоны раненых.

– На часовне у них МГ-34, а на горушке МГ-10, судя по звуку, – шептал Жорка. – Оба, если близко, двумя пулями человека разрывают. Но вот, что, пацаны, интересно – из наших ППШ шмаляют, точно из наших, вообще-то немчура их не уважает, странно как-то... После второй атаки на лугу осталось ещё человек 50.

Стоял безоблачный июльский день. С луга доносился медовый запах разогретых трав, стрекотали кузнечики, высоко в небе пел жаворонок и, казалось, абсолютно нереальным, что в этих травах, лежат бойцы, с которыми ты ещё вчера шёл по грязной дороге и даже не успел познакомиться. И никто не хотел умирать.

В третью атаку батальон не поднялся, словно по молчаливому уговору. Огонь, особенно перекрестный, был такой плотный, что, кажется, и головы поднять нельзя было. Мы лежали рядом с Севкой, вжимаясь сколько можно в пахучую мягкую землю, не глядя друг на друга. Вместе с животным страхом нас душила стыд, выжимая закипающие на веках злые слезы. Как же мы, комсомольцы, воспитанные в лучших традициях Страны Советов, не можем преодолеть страх? Как же так? Почему?

Лейтенант, страшный, с побелевшими глазами и наспех перевязанной левой рукой, без фуражки метался по траншее с пистолетом в руке.

– Вперёд! В атаку! Ну, подымайтесь же! Ну, прошу вас, товарищи бойцы... За мной! За Сталина! За Родину! – почти умолял он.

Он поднялся во весь свой скромный рост и вскарабкался на бруствер. Я увидел, как вздыбился и отлетел в сторону его погон, вместе с куском плеча, а вторая пуля с жутким звуком ударила в развернувшуюся спину, сбросив лейтенанта, как тряпичную куклу, в траншею.

– Спёкся лейтенант, – как-то равнодушно проговорил Жорка. – Да ему и так трибунал – сколько народу положил, а тут «смертью храбрых» напишут, да кому его храбрость нужна. Вон они лежат там, а за что?, – продолжал он.

Командование принял седоусый старший сержант – больше некому было.

– Связь давай, связь, мать твою, – кричал он на связиста, – хоть все в гроб вашу мать, а связь мне дай.

– Мировой мужик, – шепнул мне Жорка, – ещё с Жуковым на Халхин-Голе начинал, а мы с 42-го со Сталинграда вместе, он там майором был, отказался нашу роту в шестую атаку поднимать, ну, его разжаловали в штрафбат, а в 43-м под Курском мы снова встретились.

– Жорка, – позвал командир, – иди сюда, будешь у меня ординарцем и начальником штаба по совместительству. Что делать-то будем?

– Да нам бы хоть парочку снарядов или танк бы один на полчаса.

– Ну да, как всегда ты один умный.. без тебя знаю. Сюда смотри, – он кивнул на разостланную на столе карту. – Да хотя ты только игральные знаешь. Тогда слушай – наши справа и слева наверняка в прорыве – я думаю, что километров 40 уже впереди, так что прислать могут только танк. Но если до вечера не будет связи, значит, остаётся один вариант, как тогда в 43-м. Собери к 7:00 всех командиров взводов ко мне! И санинструкторов тоже, не могу уже слушать, как раненые кричат там на поле, будь оно неладно.

Все это рассказал нам с Севою Жорка, вернувшись от комбата. Он был как всегда весел и общителен.

– Не ели ещё? Правильно! Меня ждали! Давай по фронтовой! Ничего, пацаны, сегодня к вечеру, а может, и к утру пришлют заваливший танк и хана немчуре!

Он вдруг прищурился:

– Испугались сегодня, да? Сильно?

Мы оба кивнули.

– Да в первом бою-то всегда так, кажется, что все пули в тебя летят, только дурак не боится. Я, думаете, не боялся? Да чуть в штаны не наложил. Ничего, обвыкнете, а если без геройства (ну, как лейтенант наш), то оно и вовсе не страшно.

Примерно в восемь часов Жорка вернулся необычайно серьезный.

– В общем, пацаны, не будет танка, самим придётся, сегодня в 4:00 атака, ну, взводный вам все объяснит.

И вдруг расплылся в улыбке:

– Там такая санинструкторша, Тонька, даже я заробел. Для неё таких, как ты, Музыкант, троих не хватит, даже если и Кольку (он кивнул на меня) добавить, но если меня ещё позвать, то может быть и справимся. Да ты что, Музыкант, покраснел, как Первое Мая? Погоди, война кончится, мы тебе такую бабу подберём, не чета вашим московским будет. Ты каких уважаешь-то? Я вот больше сисястых, да и ты, Колян, я вижу тоже. – Я сконфуженно кивнул.

Разбудил он нас часов в 11:00 ночи. Таким мы его ещё не видели. Он как-то осунулся весь, ходили ходуном скулы, руки тряслись.

– Вот так-то, пацаны, санинструкторы вернулись... Нет больше раненых – всех ножами фрицы вырезали! Нелюди! Всех до одного!

Он замолчал и поднял на нас глаза, полные злобы и ненависти.

– Только вот думаю я, пацаны, не немцы это. Еще с 43-го всегда позволяли мы им раненых забирать, а они нам, постреливали поверх ддя виду и острастки, но чтобы ножами, раненых? Что-то не так тут. Завтра разберемся. Спать давайте.

Мы не знали тогда, что видим Жорку живым в последний раз.

Перед рассветом взводный приказал нам вести непрерывный огонь по немецким позициям.

– Чтобы головы не могли поднять! Наша задача – прикрыть Жорку, он с гранатами ползет к пулемету, впереди себя мертвяка толкает, а к горушке – трое добровольцев из 3-го взвода тоже ползут – дай им бог. Жорка-то мертвяка еще с ночи выбрал, полечче который.

На наш огонь зло огрызались пулемёты, длинными очередями выбрасывая пучки травы вверх, из траншей стреляли как-то вяло, наверное атаки ждали, что ли?... Шли томительные минуты и вдруг мы увидели два огненных куста разрыва на месте часовни и пулемёт замолк!

Из травы поднялась знакомая фигура и помахала рукой, только на миг поднялась всего-то... Из-за громкого ура, раскатившегося по нашей траншее, почти никто, кроме взводного, не услышал сухого щелчка пистолетного выстрела, как будто ветка сломалась... Ракета ещё не догорела, а мы уже неслись вперед, что-то бессвязно крича, не обращая внимания на падающих рядом бойцов, в какой-то небывалой остервенелости.

Все было кончено. Деревня наша! Возле уцелевшего дома бойцы собирали пленных. Жорки не было видно. Мы бросились к пулеметной точке. Возле искореженного пулемета лежали.... девушки!

Да, да, девушки! В похожей на немецкую, но не немецкой форме. На рукаве у каждой был ярко-голубой шеврон с золотым львом на задних лапах. Вокруг густым слоем лежали стреляные гильзы, вскрытые ящики из под патронов, множество пустых бутылок, пачки сигарет, какие-то пёстрые обертки, вскрытые консервные банки с яркими наклейками. Две из них еще были живы. Одна с окровавленными ногами вдруг подняла руку с пистолетом. Раздался пустой щелчок, потом ещё один!

Она хрипло рассмеялась:
– Nienawidzic! Nienawidzic!

Вторая, с залитым кровью животом протонала:
– Daj paroj pic...

Несмотря на жару её бил озноб, лицо было покрыто бисеринками пота, тёмные волосы, выбившиеся из-под фуражки слиплись.

– Дай фляжку ей, – сказал взводный Севе, – ей всё равно недолго осталось...

Сева нагнулся над ней и бережно попробовал поднять голову.

Отшвырнув фляжку левой рукой, она, выхватив из-под себя нож, косым выверенным ударом располосовала Севе живот слева направо. Ещё ничего не понимающий и даже пока ничего не чувствующий Сева оцепенело вместе с нами смотрел на выползающие сизые внутренности.

Взводный полоснул по девушке короткой очередью.

Вместе с пузырящейся, толчками выплескивающейся из рта кровью, она прохрипела:

– Badz przeklet...

Жорку мы нашли в 20-25 метрах от пулемёта. Он лежал на животе и на левой стороне уже расплылось кровавое пятно. Улыбка ещё не сошла с его уже мёртвого лица.

– Это она его, сука, последним патроном, так понимаю, – прохрипел взводный и зашагал к часовне. Вскоре мы услышали ещё одну короткую очередь.

– Так, бойцы – слушайте меня. Вы ничего не видели, понятно! Ничего! Забирайте, – он кивнул на Севу, – к деревне идите! Жорку пока здесь оставьте.

– А кто они? – не выдержав спросил я.

– Дивизия СС «Галичина» из украинцев-добровольцев. Я думал, что их всех под Бродами расколошматили, а они вон где. Я знал, что девки у них есть, но не думал что такие...

Возле дома в деревне стояла куча пленных немцев. Отдельно стояло примерно 15 девушек в уже знакомой нам форме. Все они были молодые и некоторые даже красивые. Они весело переговаривались и курили. Комбат громко сказал, почти выкрикнул:

– Вот это они ночью наших раненых... – он не договорил, потом, справившись с собой продолжил, – пленные немцы рассказали, даже они потрясены.

В куче оружия мы увидели наши ПППШ (прав был Жорка). Конвоировать девушек на сборный пункт вызвалось четверо бойцов. Немцев повели отдельно. Раненых отправили в медсанбат.

Сева был ещё жив. Возле него сидела та самая санинструктор, о которой говорил Жорка; дородная русская красавица в явно шитой на заказ форме, которая только подчеркивала её фигуру.

– Довезём, доведём, дружка твоего, не переживай, – пропела она.

– Жорку и лейтенанта похоронцам не оставим. Знаю, что наступать надо и времени нет, но не оставим, копайте могилу вот тут, у часовни, – приказал комбат.

– Ладанка у него материнская, – сказал я, – надо матери отправить.

– Да не было у него матери, детдомовский он, так хотел, чтобы кто-то ждал его с войны... Отправим ладанку с медалями (восемь их у него) в детский дом, я лично прослежу.

Женщин-то он очень любил, а те его за всё, что было в нём настоящего, мужского да и за нрав его лёгкий, весёлый... Эх, и смерть-то принял от женщины. Ей бы детей рожать, а она за пулемёт...

Это был мой первый и последний бой. В этот же день нашу колонну на марше обстреляли из миномётов, я получил три осколочных ранения и был отправлен в полевой госпиталь. В нём я узнал, что Сева умер в госпитале от заражения крови. Там же в госпитале я узнал, что девушек тех до сборного пункта не довели, расстреляли по дороге в безымянной лощинке. Солдаты, как один, твердили, что они пытались бежать.

«Смершовец», узнав всю историю, показно кричал на конвоирующих, хватался за пистолет, а потом тихо отправил их в ту же роту.

Меня после госпиталя отправили в Ленинград в артиллерийское училище, а там и война закончилась. Я пытался найти родителей Севы, но не нашёл. В их квартире уже жили другие люди, которые сказали, что предыдущие жильцы переехали то ли в Ленинград, то ли в Куйбышев, но адреса не оставили.

В 1964 году я пробовал найти могилу Жорки. Развалины часовни были на месте, но никаких признаков могилы не было. Под ногами что-то хрустнуло и я из-под листвы достал горсть позеленевших гильз...

А один осколок до сих пор во мне...

НУ, ВЕДЬ ЗАПЛАЧЕНО ЖЕ? СПОЛНА?

(рассказ номера Ш-1478)

В 1989 году во время инспекционной поездки по северному Приколымью ночь застала нас на богом забытой (да и похоже людьми тоже) метеостанции. Метеорологи – два бородатых мужика лет 35-ти на вид, встретили нас, как всегда встречают на затерянных полярных станциях, на которых мне приходилось бывать множество раз.

После накрытого немудреного стола один из них (Виталий, кажется) сказал, что надо позвать Дядю Сашу.

– Всегда он уж очень рад новым людям, – пояснил он.

– Мы-то все это уже десятки раз слышали...ну то, что он вам расскажет, а расскажет обязательно...

На пороге стоял высокий, сгорбленный совершенно седой мужчина в опрятной, чисто выстиранной (по всей видимости недавно) одежде.

– Разрешите? – вежливо спросил он и присел на край лавки возле стола. Положив кусочек рыбы на хлеб, он бережно поддержал его второй ладонью, чтобы ни одна крошка не упала на пол. Во всем его взгляде и даже в манере сидеть была какая-то искательность что ли (и сегодня не могу подобрать точного определения).

– А почему вас все называют Дядя Саша?

– Да потому, что фамилию мою и отчество никто не знает, да я и сам забывать их стал потихоньку... Номер вот хорошо помню Щ-1478.

– Какой номер? – не понял я.

– Лагерный номер, – невесело улыбнулся он.

И, вдруг, как-будто поддавшись внезапному откровению, он рассказал мне удивительнейшую историю, которую я запомнил на всю жизнь. (Вообще я не раз замечал особенность почти сразу располагать к себе самых различных людей, часто незнакомых со мной.)

Киев, 1938 год

– Итак, представьте 1938 год, город Киев, государственный университет. Я готовлю курсовую по межродовым отношениям скифов северного Причерноморья, которую я собирался положить в основу дипломной работы. Почти ежедневно ссорюсь с моей Галей по поводу даты нашей предстоящей свадьбы. Как жили мы – студенты конца 30-х? Да, наверное, так же, как и вы 30 лет спустя: дружно, весело, так же не хватало порой денег угостить девушку мороженым, учились, работали, свято веря в светлое будущее и победу коммунизма. Мы конечно знали о ночных арестах, черных закрытых машинах, обысках, но были уверены, что наши «органы» не ошибаются и неустанно, днём и ночью борются с врагами нашего государства.

На проходящих почти каждую неделю комсомольских собраниях мы с жаром клеймили позором явных и замаскированных врагов, требуя для них самой суровой кары. О настойчивых попытках ухаживания за моей Галей со стороны зав.кафедрой – статного сорокалетнего мужчины с густой седеющей шевелюрой, я, конечно же, знал, но большого значения этому старался не придавать... И, как оказалось, напрасно.

7 апреля (этот день я запомнил навсегда) меня арестовали прямо во время занятий на глазах у всех, а через два часа меня втокнули в переполненную камеру Лукьяновской тюрьмы. Я старался не слушать советы сокамерников о том, как себя держать на допросе, что можно говорить и что нельзя, потому что был уверен (как и многие вокруг), что все это ошибка и меня скоро выпустят, принеся извинения.

Перед первым допросом мимо меня из кабинета следователя вывели (точнее вынесли) двое мужчин в форме окровавленного избитого человека. Я стыжусь и сейчас в этом признаться, но я всегда боялся боли, поэтому решил сразу – подпишу все, что скажут, лишь бы не били.

В кабинете следователя никого не оказалось. Через минуту вошел молодой человек в форме с открытым честным взглядом, посмотрел на мое без единой кровинки лицо и вежливо предложил мне стул. Почти сразу же передо мной стоял стакан чая в серебряном подстаканнике и на тарелочке два бутерброда с необычайно свежей колбасой.

– Угощайтесь, не стесняйтесь, а главное – успокойтесь!

Впоследствии я понял, что все это был тщательно отрепетированный спектакль.

– Посмотрите вот этот список пожалуйста, – и он протянул мне листок с написанными от руки фамилиями, среди которых были 3 или 4 моих однокурсника – всего 15 человек! – Эти люди, а может и еще кто-нибудь (мы их обязательно выявим) входят в состав студенческой контрреволюционно-троцкистской организации. Вы подтверждаете это?

Я, конечно же, хотел сказать – нет!, но вспомнив изуродованное лицо человека, дрожащей рукой я подписал приговор скорее всего ни в чем неповинным людям.

– Это всё? – как в тумане спросил я.

– Ещё маленький вопрос – это ваше? – и следователь протянул мне стопку исписанных листов. Это были черновики моей курсовой работы.

– Да, это моё, а откуда они у вас?

– Дело в том, что ваш зав.кафедрой утверждает, что вы постоянно ссылаетесь на труды так называемых профессоров, которые арестованы как враги народа и уже понесли заслуженную кару. А невеста ваша – Галя (вот ознакомьтесь) сообщает, что вы постоянно обсуждали с товарищами труды этих отщепенцев. Если вы подтверждаете это – подпишите, пожалуйста, – здесь и еще вот здесь...

Ощущая противную дрожь во всём теле, вытирая одной рукой потное лицо, я, не читая, подписал оба документа, забыв неустанные советы сокамерников – ничего не подписывать!

Через 10 дней, прошедших в ожидании освобождения, мне уже в другом кабинете огласили приговор особого совещания. Назначить по совокупности статей 58-10 и 58-11 десять лет исправительно-трудовых лагерей.

ГУЛАГ, декабрь 1938 – лето 1953

В тюрьму Галя не приходила. Много (очень много) позже я узнал, что на комсомольском собрании, где меня исключили из комсомола, она активно выступала «ЗА» и предлагала заклеить меня позором.

Потом была Ярославская пересылка, грязь, мат, уголовники, казалось, нескончаемый рельсовый путь в грязном и душном «столыпинском» вагоне, ледяной тёмный трюм парохода, снова пересыльная тюрьма в Магадане.

В декабре 38 года по утопающей в снегу промерзшей дороге меня, почти полумертвого от недоедания и холода, привезли на золоторудный прииск «Мальдяк» Дальстроя. Проваялся два месяца в больничке, был признан негодным для работы по добыче золота и отправлен подсобным рабочим на промзону, потом на погрузку угля для кочегарки, а вскоре водителем и, по совместительству, бульдозеристом. Где-то там на промзоне работал С. Королев, но я не встречался с ним, хотя разговоры такие слышал. В активе я не ходил (честно

говоря, и не предлагали), но вот в выпусках стенгазеты участвовал, писал стихи.

В 47-м ко Дню Революции (30 лет же было) написал стихи и угодил в карцер – что-то не понравилось «куму», а тут еще мотор заклинило у машины, в общем, добавили мне срок. Освободился я по амнистии 1953-го и даже получил разрешение вернуться в Киев (как я узнал позже, благодаря хлопотам дяди – главного инженера оборонного завода).

Киев, 1953

В Киеве меня встретил дядя Леня – родной брат отца и предложил пожить у него в большой, почти пустой квартире в уцелевшем старом каменном доме на Дарнице. Долго извинялся за то, что не мог разыскать меня – война, эвакуация завода...

Используя многочисленные старые связи, дяде удалось прописать меня у себя. Я сразу же начал искать Галю и случайно на улице столкнулся с моим бывшим преподавателем. Он, пряча глаза и явно чувствуя себя неловко, рассказал мне, что в январе 1939-го Галя вышла замуж за зав.кафедрой и в сентябре 1940-го родила двойню – мальчишек: Всеволода и Тараса.

В июне 1941 года при первой же бомбежке в их дом попала бомба. Галя и ее муж погибли под завалами, а дети чудом уцелели. Их забрали в детский дом, который через месяц эвакуировали, а куда, он не знает.

Слушая Дядю Сашу, я вдруг поймал себя на мысли, что все это звучит как-то заученно, навсегда затверженным уроком, да ещё и довольно монотонно, и против моей воли глаза стали потихоньку закрываться.

Несомненно, заметив это, он сменил интонацию и слегка повысил голос.

– В общем, усилиями, в основном, дяди я разыскал этот детский дом. Он был эвакуирован в Сызрань, а в 1948 снова вернулся в Киев и дети Гали были там, живы и здоровы. Неожиданно умирает мой дядя – прямо на улице. Обширный инфаркт, следствие невероятного напряжения, недосыпания, голода во время работы на оборонном заводе в тылу. И я остался один в огромной (по тем временам)

квартире. Сколько было оббито порогов, длинных очередей за всевозможными справками не сосчитать, но я добился опекунства над сыновьями Гали и вскоре перевез их к себе в квартиру.

Зачем я все это затеял? Ради памяти Гали? Вряд ли? Да и любил я её тогда, спустя 15 лет? Простить, конечно, простил, время такое было...

И тогда, и сейчас я думаю, что этим хотел хоть в малой толике искупить вину перед людьми из того списка, который я подписал тогда в кабинете следователя... Скажу тебе сразу, что отношения с братьями у меня не сложились. К этому времени им было по 15 лет, оба они курили, потихоньку пили и скоро в нашей квартире стали появляться весьма сомнительные личности, некоторые значительно старше братьев, в которых я наметанным глазом узнавал бывших «пассажиров». В шкафах, а то и прямо на столе я обнаруживал вещи, нередко женские, какие-то коробки, свертки, дорогие продукты. В школу ходить они перестали сами и меня просто не слушали, иронически-снисходительно улыбались, как обращаются со слабоумным человеком. Тогда я не придавал этому большого значения.

Прошло два долгих года, для меня даже более длинные, чем в лагере. И вот однажды в воскресенье вечером, к дому подъехала машина с красным крестом, из которой вышел человек в несвежем халате и в сопровождении двух дюжих «молодцов» с равнодушно-угрюмыми лицами.

Человек зачитал мне по сложенной вчетверо бумажке из внутреннего кармана, что по заявлению граждан (подписи имеются) я должен в принудительном порядке пройти медицинское обследование по причине слабоумия и социальной опасности для окружающих. Я не сопротивлялся. Через год меня выписали из психушки. В квартире меня встретили чужие люди и я узнал, что уже полгода как выписан. Идти было некуда.

Возвращение на Колыму. Подводя итоги

Я снял последние деньги со сберкнижки и по оргнабору (вербованный, значит) оказался снова на Колыме, как будто и не уезжал никуда. Ей богу, как домой возвратился. Вот до-

живаю здесь, теперь, пенсию выправил, домик остался вот от метеостанции, раньше-то больше она была. Ребятам – спасибо, как могут, помогают.

Он замолчал и как-то (или мне показалось) опять искательно заглянул мне в глаза.

– Ну, скажи мне – за все же заплачено сполна? Всей жизнью моей. Я вот в лагере верующим стал, – и он показал простой крестик на тонкой ленточке из сыромятной кожи. – Молюсь каждый день, прощенья прошу, как думаешь – услышит он меня?

И тут я понял, что этот вопрос он задавал много раз десяткам людей, в надежде услышать так нужный для него ответ. Я смотрел на него и молчал. Мне не было его жаль.

А если бы в том списке было не 15, а 40 или 100 человек? А в войну, которую он пережил в лагере, если бы попал в плен, наверняка был бы предателем и служил бы немцам? Может быть...

Ночью, лежа без сна в спальном мешке, я размышлял об услышанном. Мы тогда уже достаточно знали о том времени. Я побывал на многих заброшенных лагерях Колымы и Чукотки. А теперь я задаю вопрос себе и вам: «А как бы я, вы, ваши друзья повели себя тогда – в кабинете следователя – в 38-м?» И для себя ответ не нахожу... Ответ, вероятно, кроется в извечном и таком разном для каждого нравственном выборе, нередко минуте, определяющей для каждого его дальнейшую судьбу.

И все же подумал я: «Нет, Дядя Саша, неоплаченный этот долг и не закрыть его вам».

ПОЭЗИЯ

Оксана Макаеева

Поэт-песенник. Родилась в 1978 году. Медсестра по образованию. Член литературного объединения «Забой» и Союза писателей ЛНР. Автор 6 сборников для взрослых и десяти для детей. Живёт в Свердловске (ЛНР).

ПРЯЧЕТ ВЬЮГА ШАЛЬНАЯ ВЕСНУ

Прячет вьюга шальная весну,
Разгулялась опять на заре,
Захотелось ей вдруг поутру,
Взять подснежников первых себе.

Налетела, внезапно кружась,
Ищет беленький, нежный цветок;
Неуклюже все время резвись,
Сыплет лёгкий, пушистый снежок.

На взошедшую снова траву,
На цветущий, лесной первоцвет,
Лихо веет, стремясь на ветру,
Свой собрать весенний букет.

Только солнце уже высоко,
Не позволит изрядно шалить
Вьюге резвой и сможет легко
От неё этот мир защитить.

МОЙ КРАЙ

Распускается пышными косами
Долгожданная наша весна.
По утрам умывается росами
И приветствует трель соловья.

Наполняется вновь ароматами,
Дует ветер слегка озорной
Над просторами, да необъятными
Пробуждается край наш родной.

Припев:

Край шахтёрский, край равнинный
Терриконов и полей.
Край степной мой и ковыльный,
С детства нет тебя милей.
Край раздольный, тополиный,
Наша матушка-земля
Край любимый, край ранимый,
Ты – Луганщина моя.

Над просторами, да необъятными
Пробуждается край наш родной,
И встречаясь с гостями пернатыми,
Дарит счастье, любовь и покой.
По утрам опьяненный туманами,
Днём под солнцем цветеньем объят.
Переливами, да перекатами
Ручейки, разливаясь, звенят.

Припев.

Владимир Сидорук

Поэт. Родился в 1983 году в посёлке Петровка Станично-Луганского района Луганской области УССР. Публиковался в сборниках «Атмосфера любви» и «Атмосфера перемен» издательства «Литературная Атмосфера» (Санкт-Петербург), в альманахе «Лили Марлен». Живёт в Луганске.

МОЯ ЗВЕЗДА

Гори – сияй, моя звезда,
Средь прочих звёзд на небосклоне.
Ты будешь точкою в ладони,
Ты не погаснешь никогда.

С тобою не собьюсь с пути.
Ты слова мне в укор не скажешь.
Лишь, с неба, молча, путь укажешь,
Которым нужно мне идти.

Я в небесах зажег звезду.
Пускай горит на небе ясно.
Ее свет больше не погаснет,
И даже в час, когда уйду.

КРЫЛЬЯ

Теряю крылья за спиной,
Гнетут сомнения и страх.
Но продолжать свой путь земной
Уже не буду в небесах.

Полёты больше не по мне,
Они закончились давно.
Ты видишь шрамы на спине,
Без крыльев жить мне суждено.

Пусть небо манит за собой,
Но мой закончился полёт.
Для высоты я стал чужой.
Там вдалеке никто не ждёт.

Александр Сериков

Поэт. Родился в 1975 году в Челябинске. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Работает преподавателем в Южно-Уральском государственном институте искусств имени П. И. Чайковского. Публиковался в альманахах «45 параллель», «Царицын», «Крылья», «Истоки», «Грани», журналах «Родная Кубань». «Бельские просторы», в сетевых изданиях. Автор книги стихов «Слова, способные видеть» (2003). Живёт в Челябинске.

* * *

Обрисован в прицеле круг
и не дрогнет ничья рука,
сталью сцеплены пальцы в крюк
и курок сильней кулака.
Дальномер, в перекрестье лоб,
ворс волос кольшет норд-ост.
Гулливер прекратит рост,
когда пуля вышибет клок,
воск на сетчатке глаза
пятно
висок пульсирует в
нерв молотками игл.
Стопами тяжёл, могуч, высок,
трассируют вены глотками
ИГИЛ или НАТО
шный инструктор
из Пендостана
из Лиги плюща
ибн Солей Солутана.
Стрелять или жить,
под цель
выбор
простой
убил
наповал
пустой...

* * *

Каждый новый день целует меня в лоб, как будущего пациента.

Пулей, вылетевшей из телевизора, разбита мечта, прострелена грудь.

Надежды, как утонувшие сестры, протягивают руки.

Сегодня невыразимо чувственны даже скелеты домов, выражая мне свою скорбь.

Стою, продрогший до нитки, но, выгоревший изнутри.

Люди с налобной надписью «Вход» у надгробного «Выход».

Пламя снежинок, обжигающих головы пришедших проститься.

Горсть земли, брошенная матерью.

Застывшие слезы на ресницах друзей.

Колючий ветер остановившегося

двадцатилетия...

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Абдуллох Абдумоминов

Писатель и художник. Учится в 102-й школе г. Ташкент (Узбекистан). Живёт в Ташкенте.

ПОХИТИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Абдуллах, который живет по соседству, и я – очень близкие друзья. Мы не только соседи, мы и учимся вместе. Однажды вечером мы не знали, чем заняться, и начали что-то мастерить из большого куска дерева. Отец мой проснулся от внезапного шума и, сидя с еще полуоткрытыми глазами, сказал:

– Да вы похитители времени! Вы зря теряете время.

Я не понял значения слов «похитители времени». Когда я хотел спросить отца, он уже опять уснул.

– Мы, должно быть, воры, – дрожа от страха, прошептал мой друг Абдуллах и побежал домой. А я так разволновался, что быстро уснул...

Когда взошло солнце, я вспомнил, что надо торопиться в школу, быстро умылся и даже успел попить чаю. Я очень боялся опоздать, но успел за минуту до звонка.

Как только я сел на место, вошла учительница.

– Дорогие мои ученики! Приветствую вас, очень рада вас видеть.

Когда наша учительница уже объясняла нам новую тему урока, вошел мой одноклассник и с порога начал извиняться:

– Учитель, мне очень жаль, что я сегодня опоздал. Я не виноват...

– Данияр, больше не опаздывай. На этот раз я прощаю тебя, но в следующий раз накажу. Ваша учеба – это ваш вклад в новую жизнь нашей Родины, любимого Узбекистана, и ваш долг перед родителями, которые готовы всем пожертвовать для вас, даже жизнью. Если вы станете достойными людьми, достигнете успехов в своем деле, я с гордостью скажу, что учила вас.

Эти слова произвели на меня особое впечатление, и я сразу вспомнил замечание отца о «похитителях времени».

И вдруг учительница, услышав перешептывания в классе, сказала то же:

– Похитители времени. – В ее глазах я заметил сожаление и печаль.

«Похитители времени»... Я услышал вчера эти слова от отца, когда играл с другом. Вот почему я не так сильно удивился, снова услышав их. Зато мои одноклассники были ошеломлены. Даниёр задрожал от страха, как и мой друг Абдулла.

– Даниёр, почему ты дрожишь? – спросила в тот момент учительница.

– Вы назвали нас ворами, не так ли? Разве за воровство виновников не наказывают?

– Вы причиняете вред себе. Время накажет воров.

– Учитель, я не понимаю всего смысла этого выражения, расскажите нам о краже времени.

– Обычно тех, кто ворует, наказывают. Воры времени – исключение. Правда, похититель времени не понесет наказания. Он даже не несет ответственности перед законом. Но тратить время сейчас равносильно краже вашего времени, вашего будущего. Если вы будете проводить все свое время с пользой для себя и других, постоянно чему-то учиться, вы обеспечите свое будущее.

Слова Учителя воодушевили Даниёра. В этот момент Даниёр понял, что такое «похититель времени». Он даже к нам домой прибежал, чтоб поделиться своими чувствами

– Анвар, ты здесь? Отныне я понимаю цену времени, правда?!

– Да, Даниёр и Абдуллах, вы понимаете, что мы не зря теряем время, мы просто учимся.

В будущем мы будем такими, какими хочет нас видеть учитель и наши родители.

Я, Абдуллох АБДУМОМИНОВ, согласен с этим и призываю всех своих сверстников: «Не тратьте время зря! Оно бесценно!»

Оксана Макаеева

Поэт-песенник. Родилась в 1978 году. Медсестра по образованию. Член литературного объединения «Забой» и Союза писателей ЛНР. Автор 6 сборников для взрослых и десяти для детей. Живёт в Свердловске (ЛНР).

ХРЮШКА НА ЛУГУ

Маленькая хрюшка вышла погулять,
Захотелось хрюшке нашей танцевать.
Только было тихо, скучно днём вокруг,
Одиноким, грустным ей казался луг.

Стала наша хрюшка звонко песни петь.
И по сторонам отчаянно смотреть.
– Собирайтесь, звери, на лужок скорей,
Всем давно известно – вместе веселей.

Прилетели птицы, и раздался свист:
– Эй, друзья, смотрите, розовый артист!
Круглый и упитан, носик – пяточком,
Вместо ног – копыта, хвост торчит крючком!

– Да, я – просто хрюшка, вышла погулять,
Не хочу на месте я одном стоять.
Я хочу сегодня всех собрать зверей,
Ведь давно известно – вместе веселей!

– Глупая, ты, хрюшка! Вместе всем не быть
Зверям потому что всем не угодить!
Заводи по масти ты себе друзей!
Вот тогда и будет жить вам веселей!..

Хрюшка продолжала на лугу гулять,
Не хотелось больше петь и танцевать.
– Где же эта дружба, та, что без границ? –
Горестно спросила хрюшенька у птиц.

– Эта дружба где-то рядышком с тобой,
Возвращайся, хрюшка, ты к себе домой.
Маленьким опасно на лугу гулять,
Может хищник крупный, злой тебя поймать.

– Я уже большая, взрослая свинья,
Не волнуйтесь, птицы, сильно за меня.
Все равно сегодня соберу зверей!
Может, все же станут чуточку добрей?!

СОЛНЫШКО

Солнышко лучистое
В небе заиграло.
Лучики игристые
В поле разбросало
Утром ранним в тишине
Зайчиком к окошку
Прискакало на заре,
Разбудило кошку.

Не забыло про меня,
И теплом согрело.
Чтоб скорей проснуться я
Вовремя успела.
Раньше мамочки моей,
Папы и сестрички.
Раньше всех моих друзей
По своей привычке.

Солнышко лучистое
Весело смеется.
Облако пушистое
По небу несется.
Просыпайтесь поскорей,
Новый день встречайте
Песней новою моей
И не унывайте.

Наталья Чекер

Поэт, переводчик, прозаик, публицист. Кандидат философских наук. Член Союза писателей АНР. Публиковалась в альманахе «Крылья», журнале «Российский колокол», коллективных сборниках. Автор нескольких поэтических сборников. Живёт и работает в Луганске.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

«Мальчик с запахом пломбира», –
Кот подумал. Сел поближе.
И они сидели рядом
На пустынной зимней крыше.

Рыжий кот сиял от счастья
И мурлыкал тихо-тихо.
С неба мячик-одуванчик
В руки мальчику скатился.

Мальчик-ангел – тоже рыжий.
Мальчик с запахом пломбира.
За спиной его сияли
Белоснежных пара крыльев.

Он смотрел в ночные окна
И шептал звезде волшебной:
«Пусть не будет одиноко
Никому на свете белом!»

Так они сидели рядом...
Город сказочным казался.
Рождество встречали вместе
Рыжий кот и мальчик-ангел.

НЕ ОТПУСКАЙ!

Чем этот шарик в космосе держится,
Не разлетаясь в звёздную пыль?
Тонкою ниточкой – детскою верою,
Маленьким сердцем твоим.

Знаешь ли, сколько бывает огромного,
Горького-горького горя и зла?!
И лишь нестройною строчкой неровною,
Пишется повесть добра –

Шёпотом сердца, сердцу открытого.
Битвой за други своя –
Детского сердца неравною битвою
Держится эта земля.

АНГЕЛ-РЫБАЧОК

Ангел, ангел, рыбачок,
Ловит звёзды на крючок.
Звёзды в озеро упали,
А к утру совсем пропали.

Вышел крошечный медведь,
Чтоб на звёзды посмотреть,
Окунул в водицу нос –
Нет звёзд!

Поискал осторожно лапами...
И куда ж они все попрятались?!
Почесался, взглянул на ангела:
Ну не странно ли?

Прилетела из дали иволга,
Примостилась на кончик удочки,
Да всё с ангела не сводила глаз:
Коль не выловишь, что же будет-то?!

Рыбачок сидит, тихо молится.
«Ничего, – говорит, – пусть поплавают –
На другом конце неба вынырнут,
А уж к ночи назад воротятся –

Потому что так оно правильно,
Потому что Богу так хочется».

КОТАНГЕЛ

Каждая девочка знает о том,
Что может ангел родиться котом.
Крылья оставить себе на потом –
Взять и родиться котом.

Это бывает, как снег по весне,
И, говорят, при неполной луне,
Если желанье успеть загадать,
Можно котангела вдруг повстречать.
Крылья оставив себе на потом,
Ангел родится котом.

Если ты будешь бродить по дворам,
Если захочешь найти его там,
Знай, что он видом не так и хорош,
Может, на ангела кот не похож,
Или манерами вовсе негож,
Но это он, ты поймёшь.

Каждая девочка знает о том:
Кот станет ангелом, ангел – котом.
Крылья достанутся, только потом
Ангелу, если родится котом.

5 ЯНВАРЯ

Предпразднество Рожденья. Волшебство.
Снеговичок, раскинув руки, ожил.
От звёзд на небе, Боже, так светло,
Что ангелов летящих видно тоже.

Окрестный мир – как сказка воплоти:
Ребячьи стайки, речка, пёс на санках,
Плеск куполов и окон мотыльки,
Молитвенно ныряющих в пространство...

Ещё денёк... Волхвы уже в пути –
Они как дети: каждый верит в чудо.
И кажется, что в мире нет войны.
И смерти нет, и никогда не будет!

САМОЛЁТИКИ-СТРИЖИ

Не дают заплакать небу,
Звонко небо закружив,
Самолётики-стрижи.

А когда они устанут,
Небу сразу грустно станет,
Небо тут же захандрит,
И немедля – задождит.

ВОЯЖ

С карамелькою во рту,
Зонтоплава на борту,
К звёздам по морю плывёт
Изумрудноглазый кот,
Изумрудноглазый Филя,
А на мачте – филин Тод.

Филин тот, не простофиля,
Филин Тод – не Филя-кот,
Он известное светило,
Он учёный-звездочёт.

Если морем синим-синим
К звёздам зонтик доплавёт,
То все звёзды в небе звёздном
Сосчитает филин Тод.

А на утро, а на утро,
Только солнышко взойдёт,
Возвратится изумлённым
Изумрудноглазый кот.

СТРОКИ О МОНТЕСУМЕ

*Lines on Montezuma
Mexican legend by passman
by D.F. Alderson*

Перевод
Монтесума
Встретил пуму,
Крадучись во ржи.
Монтесума сделал с пумой
Вкусные коржи.

Приглашение
Всем селеньям:
Каждый, чтоб пришёл!
Монтесума,
Встретив пуму,
Сервирует стол.

Все селенья
В предвкушеньи.
Даже малыши
Монтесуме
Вместе с пумой

Рады от души.

Наряжаясь,
Собираясь,
Гости сбились с ног.
Платья, перья,
Украшенья –
Каждый словно бог!

Тили-тили,
Окружили
Монтесумов дом,
Вдруг подумав:
Одна пума –
Слишком много ртов.

От собранья
Вопрошанье
Монтесуме шлют:
Чем кого из них
Накормят,
И кому нальют?

Монтесумы
Чёрный юмор
Их не рассмешил.
Он ответил:
«Всё поделим,
Только не коржи!»

Охи! вздохи!
И итоги
Схватки на ножах:
Монтесума
Вместе с пумой
Запечён в коржах.

Любовь Бондаренко

Поэт, прозаик. Родилась на Кубани. Член Союза писателей ЛНР, член ИСП. Председатель ЛИТО «Забой». Автор нескольких книг для взрослых и детей. Широко публиковалась в периодике Донбасса и России. Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2018). Награждена медалью Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (Москва, 2018). Дипломант и финалист Международного литературного конкурса им. М. Ю. Лермонтова (2019). Награждена ювелирным памятным знаком Союза писателей ЛНР «За вклад в русскую литературу Донбасса и служение обществу» (2020). Живёт в Свердловске (ЛНР).

ВЕСНУШКИ

Разыгралась бурно ранняя весна,
Одарила щедро солнышком она!
Деревам – листочки, травочке – цветы,
Ну, а мне веснушки как всегда, одни!

Огорчилась сразу, стала отмывать,
Но они под солнцем расцвели опять!
Что ж теперь мне делать, милая весна?
Почему в веснушках только я одна?

Отвечало солнце: – Я тебя люблю!
Вместо всех цветочков – золото дарю.
Ты не огорчайся, будут холода –
И они исчезнут сразу без следа!

СОБАКА НАША ЗАБОЛЕЛА

Собачка наша заболела,
Может горло покраснело?
Не прыгает она, не скачет,
А горько под кроватью плачет!

Сказать нам ничего не может,
Что бедную её тревожит,
Самим нам надо догадаться
И за лечение приниматься!

Лекарство дали и согрели,
На лапки ей носки надели,
Налили в миску молока,
Натёрли спиртиком бока!

И вот за это нам награда,
Служить опять собака рада,
Нам снова тапочки несёт
И рваный мяч в зубах трясёт!

УДОЧКА И УТОЧКА

Удочка и уточка рядышком в реке,
Ножки рыбака в речке-молоке!
Из-за горизонта солнышко-рассвет,
Вот лишь только рыбочки нет, и нет,
и нет.....

Уточка надеется, с нею и рыбак,
Только эта рыбочка не ловится никак,
Крякнет громко уточка: «Рыбочка, ловись!»
Рыбаку же крякнет: «Не можешь, не берись!»

Отплыла в сторонку, хитро щурит глаз,
А из речки синей – надо ж, водолаз
Вынул! Смеется с рыбкою в руке
– Я поймал, смотрите, утром на заре!

Огорчилась уточка, с нею и рыбак:
А у нас не ловится, ну совсем, никак!!!
Что же с вами делать? Ладно, помогу,
И нырнул он снова в синюю реку!

Рыбаку подкинул рыбку на крючок,
А еще забросил он и в его сачок,
Уточке мелкашку: «На-ка, солнце, ешь!»
Рыбачок почесывал на макушке плешь!

Солнышко пригрело, вот рыбалка вся,
Уточка довольна, рыбака семья,
Улыбался счастливо милый водолаз,
Ведь добро он сделал, и в который раз!

ПОЖАЛЕЛО СОЛНЦЕ ЗАЙКУ

(сказка)

За ёлку Солнце зацепилось
В морозный, солнечный денек,
И очень сильно удивилось,
Под елкой спрятался зверек!

Ему здесь тихо и уютно,
Зайчонок спрятался, как мог,
Его не видно абсолютно,
Здесь Зайка наш поспасть прилег.

И Солнце Зайку пожалело,
Холодный ведь под ним снежок,
Лучами ласково согрело:
«Пусть спит спокойно малышок».

Голодной, брызгая слюною,
Из леса вышел Серый Волк,
Ему так пахло отбивною,
Позавтракать ведь он не смог.

Заволновалось Солнце сразу,
Вдруг Зайку нашего он съест?
Ему бы мандаринов вазу,
Чтоб съел наш волк в один присест.

Такими яркими лучами,
Был вмиг волчище ослеплен,
Огнивом жарким под ногами
У Волка Солнце! Побезден!

Волк от испуга так рванул вдрут,
Сверкали пятки только вслед,
А чуть вдали, под пышной ёлкой,
Похрапывал его обед!

СОРОКОНОЖКА

Знай, у всех сороконожек
Очень, очень много ножек,
Снимет все она сапожки –
Так её устали ножки.

– Отдохни, сороконожка:
Молвил добренький Серёжка.
– Подарю тебе бейсболку
И красивую футболку!

Дам кусочек пирога,
Ты дружи со мной всегда!
Хоть и очень много ножек –
Я люблю сороконожек!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Елена Склярова

Литературовед. Заведующая Литературным музеем
В.И. Даля. Живёт в Луганске.

ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ ИЗ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ

Мифологические существа являются неотъемлемой частью русского фольклора. Они встречаются в различных жанрах: в пословицах и заговорах, песнях и былинах, сказках, легендах и преданиях. Особенно многообразно и ярко они представлены в устной несказочной прозе.

В.И. Даль интересовался поэтической стороной жизни крестьян, выраженной в преданиях и поверьях, он стремился передать их веру в таинственные силы и сверхъестественные явления природы, что отражено в таких его произведениях, как «Сказка о кладе», «Упырь», «Полуночник», «Башкирская русалка». Активную деятельность Даль проявлял как член учредительного собрания Географического общества, развернувшего собирательскую работу по этнографии и фольклору. В 1845–1846 годах он печатает статьи о народных верованиях, книга известна под названием «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа».

Большое разнообразие мифологических существ русского фольклора можно найти и в главном труде В.И. Даля «Толковом словаре живого великорусского языка». Рассмотрим некоторых из них. Леший, водяной, русалка и домовой – основные персонажи народной низшей мифологии. Каждый из них варьируется в народных представлениях, часто они носят одинаковые функции.

Леший, пожалуй, один из самых популярных славянских мифологических персонажей. На протяжении XIX века русские этнографы и фольклористы неоднократно останавливались на образе лешего, пересказывая поверья о нем, описывая его внешний вид и действия. В.И. Даль также не обошел стороной этот мифологический персонаж. В гнезде «Лес» находим: «**Лесной, лесовик, лесовой, леший, лешак** м. лесной дух, пугало, как домовый, полевой, водяной»¹. Согласно поверьям, леший мог явиться зверем, птицей, человеком: «леший поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой, в волка, в филина, обходит путников и лесников, заставляя их плутать; избавляются от этого, надев все платье наизнанку»². Даль указывает детали в портрете: «Леший живет остроголовый, мохнатый. Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесаны налево, кафтан запахивает направо, бровей и ресниц нет»³.

Чтобы больше раскрыть толкование, В.И. Даль добавляет пословицы и поговорки: «*Был бы лес, будет и леший*», «*Домовой тешитя, леший заводит, а водяной топит*», «*Домовой лешему ворог; а полевой знаетя с домовым и с лешим*».

В старину считалось, что на Ерофея, 4 октября (по ст. стилю), лешие пропадают, они ломают деревья, гоняют зверей и проваливаются. В этот день крестьяне в лес не ходили, считалось, что там леший бесится.

Из числа нежити близкими к лешему являются полевые и степовые. Они проказят в полях, шалят по дорогам и перекресткам, сбивают проезжих и портят лошадей.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» находим толкования: «**встречный** или **стрешный**, род нечистого, как леший, полевой и пр., который шалит по дорогам и перекресткам, сбивает проезжих и портит лошадей, почему назыв. также *повстрет, пострель*»⁴.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. // М.: Издательство «Русский язык», 2002. Т. 2. С. 279.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 279.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. // М.: Издательство «Русский язык», 2002. Т. 1. С. 271.

И если леший являлся хозяином леса, то повелителем дна речного или озерного был водяной. Его образ олицетворял саму стихию воды: опасную, непредсказуемую. Поэтому в народе его не считали положительным персонажем.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» водяной помещен в гнездо «**Вода**»: «**Водяной** м. водяник, водяной дедушка, нежить, нечистый, бес сидящий в омутах и под мельницами»⁵. Образ водяного, подобно образу лешего, с которым у него много общего, преимущественно антропоморфный: «Он ходит нагой или косматый, бородастый, в тине, иногда с зеленою бородою; он товарищ лешему и полевому, недруг домовому, но злее всех их и ближе в родстве с нечистой силой»⁶.

В народе считалось, что водяной просыпается от зимней спячки на Никитин день (3 апреля). Человеку он, как правило, враждебен: пугает и топит людей, разгоняет и выпускает из невода рыбу, разоряет плотины. В.И. Даль в Словаре упоминает поверье: «Рыбаки угощают водяного, утопляя (чужую) лошадь: вот тебе, дедушка, гостинце на новоселье: луби да жалуй нашу семью»⁷.

В Вологодской губернии водяного называли куляшом. «**Куляш** м. влгд. чертенок, водяной. На Крещение куляши из воды вылазят, почему и не ходят по воду, чтобы не зачерпнуть куляша»⁸. А в Псковской губернии встречается болотяник, он также, как и водяной, живет в водной среде, заводит путников в топи.

Еще одна жительница водной стихии – русалка. В «Словаре» В.И. Даль приводит множество синонимов этого понятия, в зависимости от географического местоположения: «**Русалка** ж. **русавка** орл. сказочная жилица вод, водяная, шутовка, лоб(п)аста сев-вост. урл. водяница, берегиня; на юге русалки, мавки и майки, веселье, шаловливые создания, на сев. и вост. злые, из числа нежити; в млрс. это некрещенные дети»⁹. Что касается внешности русалок, то: «они наги,

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Там же. С. 220.

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. // М.: Издательство «Русский язык», 2002. Т. 2. С. 217.

⁹ Там же. Т. 4. С. 114.

с распущенными волосами, прельщают, заманивают, щеко-
тят до-смерти, топят и пр.»¹⁰.

В Вологодской губернии русалкой называют Семик – славянский народный праздничный комплекс весенне-летнего календарного периода. «На Русалку завивают, на Троицу развивают венки (в лесу, на березе)»¹¹. В Саратовской и Астраханской губерниях – заговенье апостольского поста или Петровок «*русалкино-заговенье, ниж. в Черном-яру (астрх.)* в сей день девки идут все толпою с песнями на Волгу, бросать венки, провожая *русалку*, чудовище, представляемое нескольк. парнями, покрытыми одним парусом; впереди несут на шесте занузанный конский череп, позади идет дико наряженный погонщик»¹².

«На *Русалку* или Семик девки крестят в лесу кукушку, кумятся, завивают венки, а на **русальнице, русальной** или **русальской** неделе, следующей за троицкою, с Духова-дня (перед праздником Пятидесятницы), более в лес не ходят поро-
зом, тут гуляют русалки»¹³.

Вера домового на Руси была общераспространенной. Он обязательный, близкий участник жизни крестьянина, покровитель его хозяйства, защитник дома. Поэтому не удивительно, что из числа образов низшей мифологии, представителей потустороннего мира, именно образ домового оказался наиболее стабильным.

Не мог обойти это мифологическое существо и В.И. Даль. В «Толковом словаре живого великорусского языка» в гнезде «**Дом**» находим толкование: «**Домовой** м. **домовик**, дедушка, постен, постень, лизун, доможил, хозяин, жировик, нежить, другая-половина *олон.*, соседко, батанушка; дух хранитель и обидчик дома»¹⁴.

Образ домового исключительно монолитен, понятен и прост. Характеристика его сводится к нескольким повторяющимся чертам: «стучит и возится по ночам, проказит, душит, ради шутки, сонного; гладит мохнатую рукою к добру

¹⁰ Там же. С. 114.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Там же. С. 114.

¹³ Там же. С. 114.

¹⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. // М.: Издательство «Русский язык», 2002. Т. 1. С. 466.

и пр.»¹⁵. Среди описания внешности значится, что он космат, но более этой приметы нельзя упомянуть ничего, он отшибает память.

Отличительным признаком домового является то, что, прежде всего, он – хозяин, глава дома, того узкого хозяйственного мирка, с которым связаны все помыслы и заботы крестьянина. На это указывает и В.И. Даль: «Он особенно хозяйничает на конюшне, заплетает любимой лошади гриву в колтун, а нелюбую вгоняет в мыло и иногда осаживает ее, разбивает параличом, даже протаскивает в подворотню»¹⁶.

Считалось, что домового можно увидеть в ночи в хлеву на Светлое Воскресенье. В «Словаре» также приведено несколько примет: «На Иоанна Лествичника домовый бесится, 30 марта. На Ефрема Сирина домового закармливают, покидая ему каши на загнетке, 28 января»¹⁷.

Владимир Иванович определил несколько видов домовых: «Есть домовый *сараяшник*, *конюшник*, *баенник* и женск. *банный волосатка*; все это нежить, ни человек, ни дух, жильцы стихийные»¹⁸. Уже из названий понятно, что сараяшник живет в сарае, конюшник – на конюшне.

В баеннике были воплощены злые качества домашнего духа, так как в старину баня считалась опасным, «нечистым» местом, в ней не было икон и в ней же иногда гадали. «**Банный** м. **банник**, **байник**, **баинник**, **баенник**, особая порода домовых, злой дух, поселяющийся в бане; пар выживает его временно, а в нетопленной он живет всегда; он не любит родильниц, которых, однако, по тесноте в избе, всегда выводят в баню; но их там нельзя покидать одних»¹⁹. Встречаются домовые женского пола. «**Обдериха** ж. арх. банный домовый женск. рода; *обдериха* виновата, коли после бани прикинется сыпь, болячка и пр.»²⁰.

Согласно народным поверьям в овине, где сушат снопы перед молотью, обитает овинник. «**Овинник**, овинный

¹⁵ Там же. С. 466.

¹⁶ Там же. С. 466.

¹⁷ Там же. С. 466.

¹⁸ Там же. С. 466.

¹⁹ Там же. С. 45.

²⁰ Там же. Т. 2. С. 574.

домовой, которого можно увидеть там в заутреню светлого воскресенья. *Девка кладет ночью руку в овинное окно: коли никто не тронет, в девках сидеть; голой рукой погладит, за бедным быть, мохнатою – за богатым*²¹. Также существовали хлевники и гуменщики (гуменные), отличительной чертой которых являлась забота о поддержании порядка и благополучия во вверенном их попечению месте. Во дворе обитает *«Дворовой, м. пск. ярс. или дворовик, домовый, невидимый покровитель и колоброд в доме»*²².

Кикимору, как еще один вид домового, В.И. Даль выносит в самостоятельное гнездо. *«Кикимора об. род домового, который по ночам прядет; он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам, с веретенем, прялкою, воробами* и вьюшкой. Спи, девушка, кикимора за тебя спрядет, а мать вытчет!»*²³. В Сибири есть и лесная кикимора, лешачиха, лопаста, более близкая к лешему, водяному и русалке.

В.И. Даль приводит в Словаре поверье: *«Чтобы кикимора кур не воровал, вешают над насестью, на лыке, отшибленное горло кувшина, либо камень со сквозною дырою»*²⁴.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что, собирая и изучая русский фольклор, В.И. Даль не мог обойти стороной такую его составляющую, как мифология. В Словаре мы увидели большое разнообразие мифологических существ русского фольклора, их описание, функции, поверья, подкрепленные пословицами, поговорками и заговорами. Исходя из этого, мы можем утверждать, что «Толковый словарь живого великорусского языка» раскрывает нам довольно полную картину славянской мифологии.

²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. – М.: Издательство «Русский язык», 2002. Т. 2. С. 642.

²² Там же. Т. 1. С. 423.

²³ Там же. Т. 2. С. 107.

²⁴ Там же. С. 107.

* Вороб м. или воробы мн. воробье ср. тмб. воробка ж. вор. снаряд для размота пряжи: деревянный крест, с колочками на концах, обращющийся лежа на стойке; делают его и стойком, колесом.

ПАМЯТЬ

Андрей Чернов

Литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Автор книг «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Публиковался в различных изданиях ЛНР, России, Украины, Сербии, Молдовы. Живёт и работает в Луганске.

ПАМЯТИ ЛЮБОВИ ИВАНОВНЫ КУЛЬБАЦКОЙ

С Любовью Ивановной Кульбацкой я познакомился в июле 2002 года, когда готовил для одной из всеукраинских газет интервью с заведующей литературным музеем В. И. Даля Татьяной Николаевной Свиридовой. Интервью так и не вышло, но с этого времени началось моё знакомство с музеем и его сотрудниками. И славный «домик Даля» вошел в моё сердце, да так, что я и представить свою жизнь не могу без этих тихих комнат, без мудрого Даля, вззирающего с портретов, без милых, трепетно любящих далевское слово сотрудниц.

Спрессованные в мгновения воспоминаний годы трудно кратко передать читателю. Ещё труднее это сделать, когда нужно рассказать о человеке, о его жизни. Можно перечислить даты, события, достижения. Но это всё – слишком внешнее, будто отстранённое от личности, не раскрывающее душу, а скрывающее её. Может, жизнь и состоит из дат и событий, но человека за ними точно не рассмотреть.

Так считала Любовь Ивановна Кульбацкая, это было отправной точкой в её работе над сценариями литературных вечеров. Мне посчастливилось быть её соведущим различных мероприятий: вечеров памяти Пушкина, Гаршина, Цветаевой. Я видел, ощущал её невероятно трепетное отношение – к слову и жизни. Она не хваталась за факты наобум, лишь ради соблюдения хронологии, не гналась за сенсациями или «пикантными эпизодами». Из густой массы воспоминаний современников, литературных текстов, мнений исследова-

телей она создавала изумительной правдоподобности живой образ – Человека, Мыслителя, Творца.

Мне кажется, это становилось результатом подлинного живания в эпоху, погружения в неё – душой и плотью. Она жила русской литературой. И русская литература жила в ней. Может, от этого её реальная жизнь была пронизана трагичностью? Но переживаемая жизненная неустроенность несколько не сломила её, хотя, конечно, это омрачало её жизнь. Может, оттого Любовь Ивановна с ещё большей энергией погружалась в литературную реальность, в которой ей протягивали руку понимания Пушкин и Даль, Гаршин и Чехов, Цветаева и Гоголь. Это спасало от убивающей душу сартровской «Тошноты».

Собственно, общение с Любовью Ивановной открыло мне, что литература – вовсе не фикция. И не полки с книгами в твоём доме или в библиотеке. Литература – книги в твоей душе, прочтённые и пережитые тобой, растворившиеся в тебе и ставшие неотделимой частью твоего собственного существования. Живая литература живёт в тебе самом.

Это понимание живой литературы Любовь Ивановна воплощала в работе с молодыми поэтами. И радостное восклицание: «Здравствуй, племя молодое!» звучало на проводимых ею встречах без фальши, по-пушкински искренне, просто и честно. Потому с такой радостью отзывались на её призыв многие молодые авторы, через гостиную «домика Даля» отправляющиеся в литературу, порою не подозревая, что этот путь несёт не только радость.

Любовь Ивановна тщательно работала над своими текстами. Её статьи поражают погружением в детали, саму суть вещей. И, казалось бы, через жизненную мелочь перед нами предстали великие русские классики – Гоголь, Даль, конечно же, Пушкин. И были они простыми, полнокровно живыми людьми, а не такими марвеловскими продуктами с привкусом жженой резины и лицемерия. Потому и ближе, роднее, по-русски искренне. И к тебе в душу, как к себе домой, входил Александр Сергеевич, не бронзовый классик, а живой человек во плоти, чтобы прочесть тихим голосом:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Отступает время и разница в менталитете поколений, нет никаких преград между вами, одно лишь русское слово, одни лишь чувства и мысли человека, близкие и понятные, тогда и сейчас, сейчас и тогда – без разницы. Ибо ты сам становишься одним целым с пушкинским словом. Это и есть преемственность.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...

Пушкин. Такое ёмкое слово для любого русского. Произносишь его, и перед тобой встают и вековечный дуб, и витязи златые, и мудрая тишина Болдинской осени, и трепет сердца Татьяны, и животворная сила русской природы. Любовь Ивановна боготворила Пушкина, знала и умела открыть его так, как никто другой, мне кажется. Пушкин для неё был свой, интимный, очень личный. Помню, в одну из наших бесед она сказала, что не любит книгу Марины Цветаевой «Мой Пушкин». Мне тогда показалось это странным: как можно любить стихи Марины и отвергать её чудесную книгу. Сейчас же, через много лет, мне кажется, что я раскрыл эту тайну. И Цветаева, и Любовь Ивановна понимали Пушкина очень лично, по-женски лично. А это значит, что виденье одной женщины неизбежно отвергает виденье другой.

Помню, в июне 2014 года мы не раз созванивались с ней. В это время Луганск был под обстрелами украинских войск. Я жил с семьей в Вергунке, она – у парка Горького в Камброде. Телефонные разговоры длились долго. Говорили о разлитой над нашим городом тревоге, делились редкими новостями, пытались поддержать друг друга. Мне, конечно, было легче: я был с семьей. Любовь Ивановна была одна в своей квартире, и я ощущал весь её ужас, в её тихом голосе, когда она рассказывала о вибрациях от взрывов, о том, как не решается спать в комнатах и спит в коридорах «чтобы осколки снарядов не долетели»... В июле связь телефонная умолкла и я лишился возможности слышать её голос. Лишь осенью я узнал, что ей посчастливилось уехать из Луганска в Россию и переждать там тяжелую августовскую блокаду, которой Киев пытался задушить свободу луганчан.

Об этих и других телефонных разговорах с Любовью Ивановной Кульбацкой я помню и до сих пор не решаюсь уда-

лить её номер из своего телефона, хоть дозвониться до небес ещё никому не удавалось.

Меня всегда потрясала её эрудированность в истории русской литературы. Она молниеносно вспоминала малейшие эпизоды из биографий любимых писателей, могла на память цитировать их строки. Никогда не ждала, чтобы за ней поспели: была уверена, что если она уже перестроилась на другую волну, то и другие это с легкостью сделают. Признаюсь, что порою во время совместных литературных вечеров у нас возникали некоторые несостыковки, как раз по причине того, что я не поспевал за ходом её быстрой мысли.

Тонкая, худенькая, почти невесомая Любовь Ивановна и двигалась так – будто летела. И так трудно было поспеть за ней, за её мыслями, за её шагом.

И вот её нет. Оторвалась от нас. Растаяла. Растворилась в тихих луганских улочках, в залах родного «домика Даля», в котором работала с первого дня открытия, во всех, кто её знал. И закрыв глаза, обратившись к своему сердцу, я вспоминаю наши беседы о литературе и жизненных пустяках, наши споры, её голос, улыбку, весь трепет её ранимой души и ощущаю в себе частичку Любовь Ивановны, человека, научившего меня понимать литературу и ценить Пушкина.

АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ БОНДАРЬ (1925 – 2022)

10 апреля 2022 г. перестало биться сердце прекрасного человека, ветерана Великой Отечественной войны, преподавателя Анатолия Фёдоровича Бондаря. Анатолий Фёдорович до последних дней своих был вдохновлён жизнью и вдохновлял других. Участие в войне и послевоенные трудовые свершения, глубокие знания истории, преданность Родине, стремление всё лучшее и главное (воспоминания, жизненные принципы, гордость родным краем) передать подрастающему поколению – вот что отличало этого отзывчивого, открытого и интеллигентного человека. Анатолий Фёдорович был награжден 27 орденами и медалями, в том числе боевыми: медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», орденами «Отечественной войны» 1-й степени, «Красной звезды»; а также из рук Святейшего Патриарха Кирилла получил орден «Георгия Победоносца». Долгое время Анатолий Фёдорович Бондарь являлся заместителем председателя Совета ветеранов (областного, а затем – Республиканского) по патриотическому воспитанию молодежи. С 2000 г. трудился на кафедре философии Луганского государственного аграрного университета.

А ещё Анатолий Фёдорович писал стихи. И это, ещё в юности сложившееся увлечение, помогало и в тяжёлое лихолетье Отечественной войны – когда созданные им строчки, в рукописных листовках, поднимали боевой дух и заряжали верой в нашу победу, помогало и в нынешнем противостоянии возродившемуся укрофашизму.

В память о кандидате исторических наук, профессоре, полковнике Анатолии Фёдоровиче Бондаре мы решили напечатать несколько его стихотворений разных лет.

Анатолий Бондарь

СТАЛИНГРАД

Дрожит день и ночь Сталинград
От грохота бомб и снарядов,
Но держится крепко советский солдат,
Не пустит за Волгу он гадов.

Всё ярче и ярче пылает пожар,
Сильней закипает сражение.
Фашисты не в силах сдержать контрудар -
Попали войска в окружение.

Приказы воякам от фюрера шлют,
Чтоб их привести как-то в чувство:
Однако фашистам под Волгой - "капут",
Напрасно здесь вражье искусство.

И день наступил - недвижим Сталинград:
Не слышен был грохот шрапнели.
Лишь толпами гнали немецких солдат,
Да молча руины чернели.

А Гитлер с тех пор потерял свой покой:
Всё пот с него катится градом,
Качает вражина пустой головой:
Попался я с тем Сталинградом!

1943

ЗАВЕЩАНИЕ

Говорят погибшие герои,
Имена их светятся во мгле.
Говорят погибшие герои -
Те, что с нами были на земле.

Говорят погибшие герои –
Патриоты, Родины сыны.
Говорят погибшие герои,
Что ушли в бессмертье в дни войны.

Говорят погибшие герои,
Речь звучит призывно, как жива.
Говорят погибшие герои,
И потомки слышат их слова.

2019

ЮНЫЕ ПАТРИОТЫ

Их жизнь, ведь, только начиналась:
Хотели долго в мире жить,
Надеждой страстной вдохновлялись -
Любимой Родине служить.

Но в ратной битве за Отчизну,
Когда пылало всё в бою,
Сражались, не жалея жизни,
Оставшись в огненном строю.

Их души-птицы ввысь умчались -
Лишь голоса слышны вдали.
Для нас они легендой стали,
Себе - бессмертье обрели.

Отныне в памяти народной -
Как оберег родных степей -
Их подвиг, подвиг благородный
Во славу Родины своей!

2019

Артём Фесенко

Заслуженный художник ЛНР. Родился в 1981 году в Луганске. Председатель правления Союза художников ЛНР. Живёт и работает в Луганске.

ОН ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА ОСТАВАЛСЯ ХУДОЖНИКОМ!..

Узы дружбы, союзов сердечных –
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

Н.А.

Один замечательный луганский художник, живописец, да и просто хороший человек В. В. Козлов как-то сказал мне, тогда еще молодому, жаждущему подвигов и свершений художнику: «Не бойся открывать ставни на окнах. Да, может, где-то и током шибанет, а, может, наткнешься на сокровище». Эти образные слова он применял к живописи, созданию картин, имея в виду, что нужно экспериментировать, не сидеть на одном коньке. Ведь действительно скучно делать одно и то же тысячу раз. Одним из таких ничего не боящихся, настоящих художников был Александр Борисович Елизаров – мой дорогой друг, с которым я имел честь сражаться плечом к плечу с ветряными мельницами. Собственно, об этом человеке и пойдет речь в моих воспоминаниях.

26 августа 2022 года исполнилось три месяца, как Саня – Александр Борисович Елизаров – погиб в боях под Камышевахой. Это Попаснянский район «Всевеликой дикой дивизии» Донбасса: филармонистов, художников, поэтов, ученых, врачей – самых замечательных парней ЛНР, которых я знаю.

И пока буду жив я и будет существовать альманах, на страницах которого размещен мой рассказ, будет жива и память о лучших ребятах на земле. «Сколько вас, ребята, слили в реку Лету этим летом, прошлым и потом...»

Александр Борисович Елизаров — уроженец города Луганска. Отец Саши был инженером-конструктором и очень мечтал, чтоб Саша стал художником. Мама работала на трикотажной фабрике. Сейчас забываю детали и ловлю себя на мысли, что хочется позвонить Саше по телефону и уточнить... Нет дня, чтоб я не вспоминал о нём.

Первая наша встреча произошла в 1996 году, когда я был первокурсником живописного отделения Луганского художественного училища, а Александр – студентом четвертого курса скульптурного отделения. Скульпторов набирали раз в пять лет. Спец. предметы у них вел Альберт Николаевич Левченко. К слову, Саша до последнего дня был благодарен своему учителю... Так вот, помню, писал я постановку (натюрморт) акварелью. Очень увлекся, хотел вработаться, ну, и почти до дыр затер бумагу смывками и повторными прописками – в результате над моей работой подшучивали старшие товарищи и одногруппники. Получил я тогда трюк. И вот заходит после просмотра Сашка. Он смотрит и, значит, отмечает только мою работу: «Чья?». Я говорю: «Моя». «Ты – хороший колорист. Будешь здорово писать маслом (масляными красками)». Меня приободрили эти слова, утер сопли, и уже на третьем курсе мои работы стали забирать в методфонд (музей училища). Ну, а Саша на тот момент уже учился во Львовской академии на монументальной скульптуре. Потом, помню, мне попался каталог с конкурса академического рисунка ведущих художественных академий Украины. Там были работы нашего Сашки! Мы очень гордились, что рисунки нашего парня – одни из лучших в стране! Ведь это значит – Луганское училище еще на ходу! А, значит, и мы так сможем, и мы ничего! Как-то случайно весточки об Александре Борисовиче доходили до меня сами собой: на пленэре в Бродах через художников обменивались приветами, на выставках узнавали новости о выпускниках художественного училища, которые разъехались по всему миру.

Не помню год, когда Саша вернулся в Луганск преподавать скульптуру: наверное, где-то в 2012. Альберт Никола-

евич Левченко – корифей и педагог скульптуры – уже более и преподавать не мог, и Саша вернулся помогать учителю, да и вообще не дать скульптурной школе Луганска погибнуть. Я этому был очень рад: знал, что он – серьезный мастер. Так и вышло, что первые выпуски молодого преподавателя были с очень серьезными заявками и уровнем, не уступающим лучшим традициям Луганского училища.

Потом началась новая жизнь, 2014 год... Саша вывозит маму в Москву, к брату, спасая от бомбёжек и трудностей, выпавших на долю луганчан. Да и работы на тот момент не было. Там он работает над садово-парковой скульптурой, его ценят, он неплохо зарабатывает. Но только куда бы ни уехал, от себя не убежишь: Александр не мог, будучи творцом, художником, патриотом, оставаться долго в Москве, и, как только появилась возможность, возвратился в Луганск. Я уже тогда был председателем Союза Художников ЛНР. Вот с этого момента мы и начали «хулиганить» (в хорошем смысле этого слова). В 2016 году, видя, что Саша не реализовывается, у него нет заработка, я предложил ему сделать эскизы на любую тему. Саша выполнил несколько интересных моделей: композиция «Весна» и композиция «Святым благоверным князю Петру и княгине Февронии». Не знаю, почему был таким его выбор, но работы мне очень понравились. Мне хотелось, чтобы в городе появлялись профессиональные, красивые, эстетические произведения, и Саша как профессионал мог мне в этом помочь. Но где взять деньги на реализацию проектов? Я начал продавать картины, чтобы Саня продержался на плаву, оплачивал ему эскизы из своего заработка (потом он вернет мне все втройне)... Знаете, таланту всегда нужно помогать, а бездарность и сама пролезет, пробьется. Саша был безусловно достоин того, чтоб в него вкладываться, помогать ему реализоваться! Порядочный, честный, благородный — он человек-бессребреник не из этой эпохи, мечтающий сделать мир вокруг себя лучше.

Конечно, получаемых мною средств хватало на самый минимум: мы еле-еле сводили концы с концами и жили мечтой как воплотим в жизнь произведения Александра Борисовича. Потом средства придут сами собой от меценатов и единомышленников, этих средств будет достаточно, чтоб реализоваться...

Именно благодаря его энергии и желанию реализовать себя на родной земле, украсить наш край и оставить память на долгие годы, совпавшим необъяснимым образом с моими схожими желаниями и интересами, Союз художников начал смело браться за, казалось бы, не подъемные для нас на тот период проекты, все из которых были реализованы. Мы получили высочайшую оценку не только от экспертов в нашей области, а, прежде всего, и это для нас было намного важнее, от простых граждан, полюбились им. За период нашего сотрудничества с Сашей город увидел столько новых аутентичных памятников искусства, сколько не каждый художник может оставить после себя по итогам всей жизни. За период с 2018 года до его ухода на фронт Союзом художников было реализовано множество проектов, знаковые из них я перечислю. Это скульптурные композиции «Пятилетию знамени МВД АНР», «Непокоренный «Беркут», «Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония Муромские» (г.Луганск, г.Зимогорье), памятник Народной артистке Вере Андрияненко, малая копия скульптуры Минина и Пожарского (г. Ирмино), барельеф на фасаде Академии культуры и искусств имени М. Магусовского Народному артисту АНР Юрию Дерскому, монумент «Дионис» в Перевальском районе, восстановление скульптур на территории детской республиканской больницы, памятная доска у центрального входа в здание МВД АНР и т.д.

Единственное, о чем я не перестаю жалеть, так это о том, что судьба оборвала его полёт, когда он только начал набирать высоту... Когда некоторые люди расправляли плечи, он расправляя крылья, и действительно только смерти было по силам его остановить...

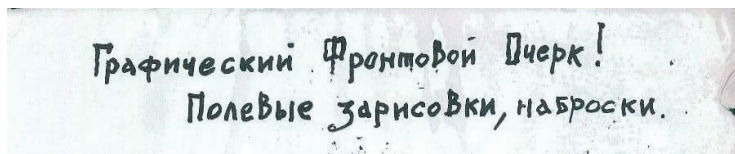
Когда начались мобилизационные мероприятия, и многие его студенты отправились на передовую, никакие угрозы сберечь себя ради искусства или близких на него не имели влияния – он твердо решил, что своих ребят не оставит и примет то, что уготовано ему судьбой...

Мне посчастливилось после его отправки на фронт еще раз встретиться с ним. Когда я приехал передать посылки и слова поддержки на позиции, где он служил, то увидел его прежним, отзывчивым, светлым, чистым человеком. Война не озлобила его, не обозлила на мир и людей. Хотя, безус-

ловно, там чувствовалась атмосфера военных действий, он как и прежде улыбнулся, обнял меня, только мне показалось, что крепче обычного... В тот момент я уезжал с ощущением, что у него все отлично, и не мог предположить, что это была наша последняя встреча... Мы строили планы на будущее, обсуждали совместный проект и то, как вместе реализуем его мечту – построим колесный корабль на паровом двигателе. Теперь реализация данного проекта стала моей мечтой... Мне остались его эскизы, наброски и воспоминания об этом замечательном человеке и творце...

После Сашиных похорон его сослуживцы с передовой передали мне его альбом с набросками, сделанными в перерывах между выполнением служебных задач... Он до последнего вздоха оставался художником!

Автографы из фронтового блокнота А. Б. Елизарова

« НА МАРШЕ »

1.05.22.

2.05.22.

1.05.22.

КРИТИКА

Галина Чудинова

Литературовед, прозаик, критик. Кандидат филологических наук. Автор нескольких сборников прозы и публицистики. Член Союза писателей России. Живёт в Пермском крае.

О ДОНБАССЕ С ЛЮБОВЬЮ И ВОСХИЩЕНИЕМ

Новая книга писателя Лидии Довыденко «Мой светлый, горячий Донбасс», вышедшая в начале этого года небольшим тиражом в Красноярске, читается на едином дыхании, никого не оставляет равнодушным. Автор, секретарь СП России, живущая в Калининграде, широко известна всей стране своими очерками, рассказами, повестями, книгами о героическом прошлом и настоящем Родины.

И вот вниманию читателей предложена серия очерков, созданных по итогам её трёх поездок в удивительный, уникальный шахтёрский регион. С момента начала военных действий в Донбассе в 2014-м году сотни русских писателей ежегодно приезжали в Донбасс, оказывая его борющимся жителям материальную, моральную, информационную и прочую поддержку, но вклад Лидии Владимировны был особенно ценным: будучи главным редактором альманаха «Берега», она открыла в своём журнале постоянную рубрику – «Берега Новороссии». В ней публиковали свои стихи, рассказы, очерки, рецензии как поэты и писатели Донбасса, так и все, кто откликнулся на беду жителей края, сражающихся с укронацистами.

Более того, в первом номере альманаха за 2019-й год в вышеуказанной рубрике, Лидия Довыденко опубликовала Открытое письмо с призывом признать независимость двух провозглашенных республик Донбасса и призвала сделать то же самое своих коллег – редакторов других толстых журналов. Под письмом – более ста подписей, не только известных писателей, публицистов и журналистов, но людей самых разных профессий, душой болеющих за ситуацию в Донбассе.

Открытое письмо в первоначальном варианте было размещено на портале «Русская народная линия», Вконтакте, в живом журнале одного из пермских философов. Оно разошлось по многим городам и всяем России и Донбасса, а вскоре было отправлено в администрацию Президента РФ, в профильный комитет Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, в другие государственные инстанции. Итогом письма стало решение В. В. Путина выдавать российские паспорта жителям Донбасса.

Прошло три долгих года с момента публикации Открытого письма до долгожданного признания независимости Донецкой и Луганской народных, но с 2015-го года до настоящего времени появился мощный пласт литературы о войне в Донбассе и о героях этой войны. Замечательно название книги Лидии Довыденко: оно насквозь пронизано лирическим, личностным отношением ко всему происходящему, восхищением мужеством и отвагой донбассцев. При чтении очерков мне, проработавшей семь с половиной лет доцентом кафедры литературы Луганского пединститута, а с 2015-го года трижды съездившей в Донбасс, всё было знакомо! И города, и события, и имена писателей...

Отличительная черта прозы Лидии Владимировны – страдание, сопереживание, сопричастность ко всему увиденному и услышанному. Вскоре после прибытия в Луганск она вместе с Андреем Черновым, зам председателя СП ЛНР, прошла по ухоженной, засаженной кустами роз улице Советской до здания городской администрации. По дороге услышала рассказ Андрея о страшном дне 2 июня 2014 года, когда два украинских самолета на бреющем полете сбросили авиационные ракеты на это здание, и пролилась первая кровь невинных людей. Произошло беспрецедентное по своей жестокости преступление. Память о жертвах этого обстрела священна.

Очеркам Лидии Довыденко присущ панорамный охват событий. В центре внимания автора встречи с самыми различными людьми – представителями правительства, работниками культуры, студентами, библиотекарями. Автор предлагает вниманию читателей живые портреты своих собеседников – поэта Елены Заславской, прозаика Глеба Боброва, писателя и публициста Сергея Прасолова и многих других.

Впечатляют и выразительные художественные детали: аккуратные горки веток во дворах на случаи перебоев с электричеством: «Люди объединялись, чтобы варить на общем костре общую еду из того, что удавалось собрать сообща. Эти так называемые полевые кухни у подъезда сплотили людей, подружили навсегда. Это невозможно забыть тем, кто смотрел в лицо смерти». Примечательны ёмкие строки в аннотации: «Несмотря на обстрелы, потери самых близких людей, часто стариков и детей, писатель не обнаружила расшатанности души, а нашла людей самодостаточных, идущих на самовыручку, поддержку».

В республиканской библиотеке имени М. Горького Лидию Владимировну потрясли фотографии разрушения, историю которого поведала ей директор Наталья Антоновна Расторгуева: «Все события 2014 и 2015 годов были для нас шоком: библиотека республики попала под обстрел артиллерии в 2014 году. Фотографии с дырой в стене библиотеки облетели весь мир. Снаряд пробил стену, посыпались стекла, но само здание стояло, как ни в чём ни бывало. Библиотека стояла раскрытой, и никто ничего не взял, не вынес, не стащил, такое было уважение к библиотеке. Такой пиетет».

Уважение к книге, к слову, к культурному наследию прошлого и настоящего присуще всем луганчанам, а в годы войны оно возросло многократно. С теплотой и любовью воссоздана в цикле очерков встреча их автора с поэтами и писателями Луганска, состоявшаяся в республиканской библиотеке. Лидия Владимировна получила в подарок 10-й взмах альманаха «Крылья», где уже были широко представлены «опалённые войной» материалы. Все они были пронизаны верой в Победу, поэтому особенно проникновенно прозвучало стихотворение Светланы Сеничкиной:

Нас гонят из дома —
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, «сливами».
Кричат, чтоб бежали,
Скорей, что есть силы:
«Хотели в Россию?
Валите в Россию!».
А уезжать не хочется — до слёз.

Умом-то понимаешь: всё всерьез.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И, может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

Очерк, посвящённый пребыванию Лидии Довыденко в Донецке, основан на приёмах контраста, антитезы, противопоставления войны и мира. Один из разделов не случайно называется «Раны большого города». После тёплой, дружеской встречи на автовокзале с Владимиром Скобцовым, Ириной Горбань и Владимиром Русановым гидом писательницы по Донецку стал Валентин Пехтерев, талантливый писатель и врач-психиатр, открывшей дорогой гостье свой город. Лидия Владимировна воочию увидела контраст между прекрасным, ухоженным центром Донецка и опасной зоной, куда направил Валентин, он же – Иван Донецкий – свою машину: «Я увидела стены жилых домов, побитых осколками, дома без крыш с пустыми проёмами окон, искорёженные металлические изгороди и калитки, раненые снарядами деревья».

Огромное, неизгладимое впечатление произвела на писательницу Аллея Ангелов – памятник погибшим детям ДНР. За время ведения боевых действий от обстрелов украинских карателей по состоянию на конец августа 2015 года погибло около 70-ти детей. Сейчас их число перевалило за 150. В память этих безвинных жертв фашистской агрессии появилась Аллея Ангелов. На каменном прямоугольнике в алфавитном порядке высечены имена погибших в этой войне детей Донбасса, указан их возраст. Автор памятника – донецкий кузнец Виктор Михалёв. Его замысел потрясает: на середине арки висит символический колокол – гильза от 152-миллиметрового снаряда.

Много тёплых, признательных слов в очерках Лидии Довыденко посвящено этому уникальному художнику, перековавшему множество гильз, осколков снарядов и мин в розы. Его выставка кованых роз с успехом проходила в Москве. Достопримечательность Донецка – Парк кованых фигур, каждая из которых будит воображение. Запомнилась Лидии Владимировне и встреча с писателями ДНР, с их мужественным лидером Фёдором Березиным, активным участником боевых действий в Донбассе.

И снова – Луганск, открытие Русского центра в республиканской библиотеке, работа практической конференции «Право на слово», портретные зарисовки луганчанок, переживших все испытания войны, поездка в Краснодар, в Музей Молодой гвардии. Как созвучен подвиг молодоговардейцев подвигам их юных сверстников, вступивших в сражение с неонацистами! Посещение музея Владимира Ивановича Даля, «Казака Луганского», великого земляка луганчан, и уникального парка каменных скульптур на территории педуниверситета. Другого такого парка нет нигде в мире! Воистину, Луганску есть чем гордиться – с момента его основания до наших дней.

В 2021-м году Лидия Владимировна стала участницей Купринских чтений, организованных на высочайшем уровне в республиканской универсальной научной библиотеке имени Н. К. Крупской в Донецке с привлечением многих известных учёных из России. В своей книге она особо отметила актуальность очерка А.И.Куприна «Донбасс», сопереживание писателя за всё, происходящее на Родине.

Торжественным аккордом прозвучала в книге песнь «Саур-могила» Николая Федоровича Иванова, председателя СП России, много раз побывавшего в Донбассе за годы войны, оказавшего большую и разностороннюю помощь его защитникам: «Донбасс порожняк не гонит! Если работать – то нет никого впереди Стаханова. Песни петь – неподражаемы Соловьяненко, Богатиков, Кобзон. Снимать кино – на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрилей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты – всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту – то Саур-Могила под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погибельного места для пехоты, хотя в данном случае «могила» переводится всего лишь как «курган».

У Саур-могилы, куда почтить память героев Донбасса приехали в 2021-м году многие русские писатели, произошла встреча Лидии Владимировны с полковником Ольгой Корса: «Она легенда командиров Донбасса. Воюет с 2014 года. Установки «Град» дивизиона «Корса» уничтожали колонны

противника, накрывали его опорные пункты, отгоняя украинских оккупантов от Горловки, Донецка и Макеевки. Реактивный дивизион Корсы – самая мощная ударная сила корпуса ВС ДНР. Подразделение принимало активное участие в Иловайской операции, в Дебальцевско-Углегорской операции. Сейчас это уже давно не ополчение. Это настоящее воинское подразделение. Ольга – потомственный военный. В 18 лет надела погоны». Примечательно, что в серии очерков Лидии Довыденко наряду с портретами женщин поэтов, работников музеев и библиотек, скромных тружениц тыла появился яркий портрет женщины-воительницы.

При чтении замечательной книги «Мой светлый, горячий Донбасс» читатели могут представить себе знойное солнце Донбасса, ощутить неповторимый запах степных трав, зримо увидеть терриконы, бескрайние степи, шахтёрские посёлки и города, ставшие признанными центрами русской культуры. Главным героем очерков стал непокорённый, несломленный народ этого удивительного края.

Книгу Лидии Довыденко, актуальную во всех смыслах, ставшую своеобразным мостом между художественными мирами Донбасса и России, необходимо издать в Луганске и Донецке, когда закончится спецоперация и жизнь войдёт в нормальное, мирное русло, восторжествует единый Русский мир.

Светлана Кочетова

Литературовед. Родилась в 1968 г. в г. Зугрэс Донецкой обл. Доктор филологических наук. Ректор Образовательной организации высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков». Живёт и работает в Горловке.

О «ВНУТРЕННИХ РЕСУРСАХ ПЕРСОНАЖА» В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»

В романе Е. Водолазкина «Брисбен» рассказывает о жизни музыканта и о восприятии музыки героем, его вращении в музыку, о трудном пути к пониманию музыки, поисках смысла жизни через занятия музыкой и, наконец, о трагедии человека, который из-за развивающейся болезни Паркинсона теряет физическую способность заниматься музыкой. Произведение представляет собой переплетение различных актуальных для современников проблем и мотивов, насыщено художественными средствами выразительности, включающими разнообразные поэтологические приёмы и тропы, которые, в свою очередь, характеризуют стилистически богатый язык прозы писателя.

Одним из ракурсов изучения художественной реальности в романе, на наш взгляд, можно считать интермедиальность как способ установления диалога разных видов искусства, их взаимодействия, интеграции и синтеза, таких, например, как литература и музыкальное искусство. Как известно, одним из видов интермедиальности является её понимание как синтеза видов искусств, приводящего к единству смысла (по Й. Шрётеру [8]), адекватного авторскому замыслу. В контексте изучения интермедиальных соотносённости, как правило, актуальным становится изучение такой особенности поэтики литературного произведения как экфрасис, подразумевающий воспроизведение творения одного искусства средствами другого (например, музыки через искусство художественного слова). В нашем представлении при экфра-

стическом «переводе» для двух (или более) видов искусства создаётся универсальный код, который по У. Эко, подразумевает, в том числе, и «окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [7, с. 57].

Адекватное воспроизведение оригинала средствами другого вида искусства зависит в таком случае от этого особого языка-кода автора «первого» текста и, одновременно, автора «второго» (но не копии) текста. Другими словами, авторы произведений разных видов искусства владеют этим универсальным языком-кодом. Именно при таком условии сохраняется целостность и единство смысла. В случае с воспроизведением впечатлений от восприятия музыкального искусства, отражение процесса выстраивания и наращивания ассоциаций писатель ищет кодовый язык, на котором можно было «говорить музыкой». Этот код должен стать универсальным и для автора словесного произведения и для автора музыкального произведения. Тот же У. Эко в работе «Открытое произведение» подчёркивает: «...Если сообщение имеет эстетическую направленность, автор старается структурировать его неоднозначным образом, то есть так нарушить ту систему правил и предположений, какой является выбранный код. В таком случае мы имеем сообщение, которое соотносится с определённым кодом, представляющим собой (...) порядок как систему вероятности, и которое самим способом своего выражения отрицает этот порядок или приводит его в кризисное состояние» [6, с. 140]. При интермедийности, понимаемой как синтез видов искусств, приводящий к единству смысла (единому коду), «переводится» восприятие того или иного явления (образа, детали и прочее) и толкование такого универсального кода. В романе Е. Водолазкина, на наш взгляд, мы наблюдаем выстраивание универсального языка-кода, а музыкальные произведения, превращаясь в самостоятельных героев, отражают эмоциональное напряжение музыканта Глеба. Оно нарастает по спирали и проследить за «усугублением» этого состояния можно, прислушиваясь к темпу произведений музыкальных пьес, исполняемых героем. Так, одним из постоянно звучащих музыкальных текстов становится «Адажио» Томазо Альбини (Ремо Джадзотто). Это произведение «сопровождает» гитариста в различные

минуты его жизни, наполненные элегически-меланхолическим и даже трагическим настроением героя, привыкающего к мысли о том, что расставание с музыкой для него, человека с прогрессирующей болезнью Паркинсона, неизбежно. Идея присутствия в повествовании «Адажио» – в прощании со своей судьбой (музыкой), с близкими людьми, с прошлым. Так, например, осознающая свой возможный уход из жизни больная девочка Вера прочувствовала внутреннее содержание «Адажио»: «– Я играла и думала, что такую музыку можно написать только перед смертью. – После своего Адажио Джадзотто прожил еще лет тридцать. Но в каком-то смысле ты права. Я думаю, он действительно готовился к смерти. Привыкал к ней. – Разве можно привыкнуть к смерти? – На это дается достаточно времени. Целая жизнь» [2, с. 279]. Просветлённая и трагическая музыка позволяет вялой и жёлтой девочке, чьё состояние только ухудшается, прочувствовать свою причастность к миру, но, неосознанно действуя, раз за разом пережить концерт и привыкнуть к неизбежному уходу в иной мир («Девочка понимает, что дела ее хуже некуда» [2, с. 386]). Бессмертная музыка «Адажио» сопровождает тяжёлые по накалу переживаний минуты осознания неизбежности смерти Веры, «немыслимо бодрый голос Кати», разговор Глеба с врачом об операции и о впечатлениях после концерта, во время которого происходит тот самый перевод музыки в чувства, а чувств – в слова: «Оторвав глаза от клавиш, Вера видит, как многотысячный зал встает. Обняв друг друга за плечи, зрители раскачиваются. Главврач кладет мне руку на плечо: знаете, я ведь был на этом концерте, и внимал этой музыке, и раскачивался вместе со всеми. Феноменально, Вера же совсем еще девочка» [2, с. 387]. Единство смысла, отражающее стремление автора передать состояние «уходящих» и осознающих свой уход людей, возникает благодаря синтезу звучащих в унисон музыки и слова. Герой ищет возможность выразить свои чувства, горе, растерянность, панику. И, в результате, осознать и выразить он может своё состояние только тогда, когда подыскивает подходящее слово, точнее, объяснение отца Нектария из часовни Святителя Николая, которое звучит почти как ответ на все мучающие его вопросы. Герой романа боится будущего без музыки, он приходит к месту, где при помощи медиатора – отца Нектария –

в разговоре с Богом и вечностью слышит все объяснения: «Еще недавно мне было страшно, что болезнь отняла у меня будущее. А теперь, знаешь, нет. – Будущее легко отнять, потому что его не существует. Это всего лишь мечтание. Трудно отнять настоящее, еще труднее – прошлое. И невозможно, доложу я вам, отнять вечность. <...> Если в болезни сократятся дни твои, то знай, что в таком разе вместо долготы дней тебе будет дана их глубина» [2, с. 405]. Приходит мир и покой, приходит понимание вечности, когда Глеб с Катей присутствуют при молитве русского старца: «Теряем счет времени. Смотрим на Нектария и его свечу. Он читает молитвы очень тихо, и мы слышим только их отрывки. Только бы не остановивался – не хочется отсюда выходить, потому что здесь нет времени. А снаружи – будущее, которого у меня, собственно, и нет. Стоять бы вечно под это бормотанье, погружаясь в его покой. Обманываю будущее, ждущее там, за дверями» [2, с. 405].

Интересно, что в романе разрабатывается одна из тем творчества писателя – тема перевода и образ переводчика в широком смысле слова, а не только с языка на язык. Впрочем, и такой образ тоже присутствует в повествовании – супруга героя Катя. Но переводчиком становится и сам Глеб. Переводчик у Е. Водолазкина – это обязательно посредник, медиатор, персона, соединяющая собой культуры, эпохи, виды искусства, физические состояния «здоровый / больной» и т.п. Поиски адекватного языка для перевода описания состояния героя – всегда осложнены: «Слово подвело Глеба, оно не справлялось с охватившей его любовью. Ему хотелось выразить свое чувство действием...» [2, с. 227]. Но в разработке этой темы появляется «обратный перевод» как необходимость зафиксировать в истории сам процесс перевода в обратном направлении: «– Это так странно <...> – приписать свою музыку другому. – Пожалуй. Обычно всё происходит наоборот. – Но раз теперь правда известна, неправильно называть это музыкой Альбинони. – Согласен. Наше выступление можно будет объявить так: Ремо Джадзотто, Адажио Альбинони» [2, с. 279].

Итак, перевод с одного языка на другой язык трансформируется в проблему перевода с языка словесности на язык музыкальный и наоборот. Перед оказавшимся в коллегнуме

Глебом Яновским «были поставлены две основные задачи: обучать будущих богословов русскому языку и (неожиданно) игре на гитаре. <...> Русский язык открывал учащимся доступ к православному богословию, а гитара – к прекрасному, поскольку <...> настоящему богослову без прекрасного не обойтись» [2, с. 345]. Демонстрация сближения двух видов искусства отчётливо видна в эпизодах, передающих историю преподавания Глебом музыки и русского языка одной из своих учениц Беате Бауэр: «Параллельные уроки музыки и языка поразили Глеба своим сходством – даже проходили они в одной и той же аудитории. Главное же состояло в том, что музыка была языком, а язык – музыкой. Беата очень быстро выучила основы нотной грамоты и так же быстро – русский алфавит. Через пару уроков она уже наигрывала простые музыкальные фразы, сопровождая их фразами на русском языке. Беглость пальцев она тренировала этюдами, а беглость устной речи – скороговорками» [2, с. 348]. Даже на таком «приземлённом» уровне автор обнажает мысль о том, что целостность и единство смысла создаётся через универсальный язык-код, синтезированный из словесности и музыки. Автор подводит читателя (в идеале) к тому, чтобы текст романа намекал ему на необходимость домысливать и мог бы, по выражению У. Эко, «стимулировать личностный мир истолкователя, заставляя его отыскать в глубине себя самого сокровенный ответ, родившийся из таинственных смысловых созвучий» [6, с. 37].

Музыкальные произведения существуют в романе почти как самостоятельные персонажи. Их основным качеством становится неуловимость звуков, существующих, по сути, во времени и пространстве. Интересно, что хронотоп существования музыкальных звуков «Адажио» Томазо Альбинони (Ремо Джадзотто), Вальс из «Маскарада» А.И. Хачатуряна, «Токката» и «Фуга ре минор» И.С. Баха или других произведений определён временем и пространством концерта. Пространственно-временные координаты расширены автором до масштабов души героев «Брисбена», а также духовной атмосферы, в которой они живут.

Но есть ещё одна составляющая системы персонажей, вовлечённая в процесс воспроизведения музыки, сколько – её восприятия. Это зрительный зал, наполненный

до отказа, и одновременно вмещающий зрителя – слушателя – читателя: «...обладая уникальной художественно-образной свободой и богатством эмоциональных красок в творчестве и процессах сотворческого восприятия исполнителями и слушателями, музыкальное искусство не может существовать и развиваться вне атмосферы интеллектуального размышления и сопереживания, ибо это – неотъемлемая часть жизни музыкальной культуры в целом» [1, с. 467]. Исполнительское мастерство Глеба Яновского приводит зрителя – слушателя – читателя к сопереживанию экстатического состояния самого исполнителя: «Десять первых и самых знаменитых нот Токкаты взвиваются над оркестром, как тропический, вырастающий в течение ночи цветок. В ответ – семь нот, спетые мной и поднявшиеся на ту же высоту. Несколько задумчивых фраз на фортепиано, и музыка обрушивается водопадом. Аранжировка виртуозно соединяет разные потоки – оркестровый, фортепианный и вокальный, – то сплетая их, то заставляя звучать порознь, но всякий раз с мощью, рождающей глубинный, композитором не предусмотренный земной гул» [2, с. 378-379]. Внешний рисунок восприятия публикой музыкальных произведений, по замыслу автора, словно концентрируется исключительно на значимости музыки для гитариста. Однако, этот ход является ложным, так как для Глеба-исполнителя, за внешним равнодушием, кроется принципиальная сверхцель сохранить замысел композитора, пропустив через себя, поскольку «...по-настоящему значимо лишь то, что человека возвышает» [2, с. 382], и, в итоге, музыка выступает в роли средства презентации глубоко личного пространства героя, его души: «Классические произведения наполнял своим духовным опытом, и это было их вторым одухотворением. Объяснить это одухотворение не мог ни один критик, но оно чувствовалось, как в февральском дне чувствуется несомненный запах весны. Не имело прямого отношения ни к технике исполнения, ни даже к исполнявшемуся (выдающемуся) материалу» [2, с. 382].

В романе автор сакрализирует воздействие музыки на человека. И происходит это, в частности, в эпизоде описания тишины, которая предшествует буре овец: «С последней нотой Токкаты наступают секунды тишины. Музыка была столь насыщена, что с ее окончанием пространство

не успевает заполниться другими звуками. В такие секунды на поверхность выходит домозыкальная, дозвуковая природа Земли. Этому безмолвию исполнитель знает цену: оно предшествует ураганным овалциям. Так перед ударом цунами море отступает на сотни метров, и обнажается суша. Но где-то далеко, у самого горизонта, гигантская, пусть пока и невидимая, уже несется первая волна» [2, с. 379]. В другом случае передано состояние восторга гитариста, ощущающего силу восторга публики: «За последним аккордом Токкаты следует пауза, а потом – цунами. Только это не цунами, потому что накрывшая нас волна овалций не опрокидывает – наполняет» [2, с. 383]. Экфрастическое описание состояния героя, находящегося внутри музыки, демонстрирует целостность в восприятии окружающего мира. «Такого рода целостность многомерна: развертываясь как временная линейная последовательность отдельно взятых текстов или их совокупностей, с одной стороны, эта целостность, с другой, образует значимый палимпсест, слои которого, накладываясь друг на друга, создают некую идеальную картину» [3, с. 120-121].

Знаковый для повествования «музыкальный» персонаж – «Токката» и «Фуга ре минор» И.С. Баха – объединяет в единую эстетическую сиду всю систему персонажей, вовлекает в единый поток чувств и эмоций. Так, в кульминационный момент смерти Веры во время операции действие происходит как в замедленной съемке, напоминая мерный темп «Токкаты», а телефонный звонок мобильного телефона со знакомой мелодией дополнительно выводит Глеба в сверхреальное и внежизненное пространство: «Катя закрывает лицо руками. Чей-то телефон играет Токкату Баха. Стрелки настенных часов замирают и начинают двигаться в обратную сторону» [2, с. 401]. Целеустремленное поступательное наращивание темпа в музыкальном произведении передаёт состояние героев, которых, как в воронку, затягивает горе потери девочки, ставшей для них, особенно, для Кати, жены Глеба, смыслом существования. Обострённые чувства разрывают её на части, на осколки и капли, и автор передаёт это состояние именно через образ ускоряющимся, но и чётко звучащим каждым звуком, темпом «Токкаты» Баха: «Катя зажимает ему рот, чтобы кричать самой. <...> Катя выбивает стакан у неё из рук. <...> Стакан касается пола и взрывает

ется смесью стекла и воды» [2, с. 401]. Последующие дни, проведённые в Скалее, передают состояние угасания взрыва: Катя и Глеб каждый день разговаривают с умершей девочкой, веря, что она их слышит. Постепенно замирают звуки, приходит «волнообразная» тишина, герои, обессиленные в своём горе, могут разговаривать теперь шёпотом и видеть вечность, в которую ушла Вера. Идея устанавливающегося диалога между героями и умершей девочкой через окружающую природу подчёркнута следующей частью музыкального произведения – фугой, которую можно воспринимать, как разговор, в который вовлекаются всё новые и новые собеседники (море, скала, ветер, гора). Полифония фуги «передаёт» многоголосие мира, приходящее к одному знаменателю – молитве русского старца, отца Нектария. Таким образом, законы музыки как вида искусства выполняют функцию упорядочивающую, собственно говоря, они становятся кодом, ибо именно «код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации» [7, с. 56].

Итак, анализ романа Е. Водолазкина «Брисбен» в ракурсе изучения интермедиального фона показывает, что одной из актуальных задач современного литературоведения становится изучение «переводимости» языка одного вида искусства на язык других видов искусства, а также исследование типологии и функционирования элементов поэтики музыкальных произведений в структуре литературного художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ и интерпретация произведения искусства: Учеб. пособие / Н.А. Яковлева, Е.Б. Мозговая, Т.П. Чаговец и др.; Под ред. Н.А. Яковлевой. – М.: Высшая школа, 2005. – 551 с.: ил.
2. Водолазкин Е. Брисбен / Е. Водолазкин. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 410 с.(6). – (Новая русская классика).

3. Кочетова С.А. О диалоге видов искусств, литературном экфрасисе и культурологических исследованиях У. Эко / С.А. Кочетова // Гуманітарний вісник: зб.наук. праць. – Вип.1. – Горлівка: Вид-во ГДПШМ, 2009. – С. 111-123.
4. Кочетова С.А. Онтологическая интермедиаальность визуализации пространства в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» / С.А. Кочетова // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – № 1080. Серія «Філологія». – Випуск 69. – Харків, 2013. – С. 100-106.
5. Кочетова С.А. Художественное пространство и способы его визуализации в романах Дины Рубиной «Почерк Леонардо» и «Белая голубка Кордовы» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – № 22-1. – 2017. – С. 220-225.
6. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике / Пер. с итал. А. Шурбелева. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
8. Schroter J. Intermedialitat // Режим доступа: www.theorie-dermedien.de/text_detail.php?nr=12 (01.03.2020).

Нина Ищенко

Публицист, литературовед, критик, культуролог. Кандидат философских наук. Член Союза писателей АНР. Автор книг публицистики «Локусы и фокусы современной литературы», «Город на передовой. Луганск-2014», «Борьба цивилизаций в «Отблесках Этерны». Широко публикуется в периодике Донбасса и России. Живёт и работает в Луганске.

«РУССКИЙ ЛАВКРАФТ»: ЛЕДЯНОЙ ПОХОД ПО ЗИМНЕМУ ДОНБАССУ

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, обращается к культурной памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г. р.) – поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтера и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилев, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушел в народное ополчение, в настоящее время (2022 год) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении дается совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами возюющий Донбасс – родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовая:

Не спит на часах с винтовкой солдат
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

... Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, отгородившись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой....
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Второй вариант, всё бросить и уехать, развивает тему отстранения от войны:

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор даёт понять, что его персонаж – тоже писатель,

создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и вглядеться в простор, который открывается перед писателем, смотрящим вперед.

В последних строфах стихотворения автор создает лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р'лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой ледяной пустыни, населенной мверзьями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов. В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт, идет в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения – ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале-

апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый собратьями-писателями, героями, взрывавшими культурные границы и раскальвавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих-Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер», Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику, и Говард Лавкрафт – создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы XX века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщенный донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идет сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

Итак, образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединенные в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта – это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров – России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

«МЫ СТАЛИ ЧЕРНЫМ ХЛЕБОМ НА ВОЙНЕ»: ВОЕННЫЙ ДОНБАСС В СТИХОТВОРЕНИИ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ «ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ»

В феврале 2022 года началась активная фаза участия России в украинско-донбасском конфликте. После признания республик Донбасса и начала военной операции по денацификации Украины в сетях обозначилось новое направление информационной войны: псевдо-пацифистская риторика, направленная против военных действий на Украине. Предыдущие восемь лет войны, которую вела Украина в Донбассе, замалчиваются или отрицаются, и действия России представляются абсолютно немотивированными. Однако существуют культурные факты, рожденные войной в Донбассе. Один из них – книга стихов луганской поэтессы Елены Заславской «Год войны», напечатанная в Луганске в 2015 году. Эту книгу открывает стихотворение «Черный хлеб» (2014), написанное в первый год войны Украины и Донбасса.

В стихотворении «Черный хлеб» автор изображает четыре поколения людей Донбасса, на чью долю выпала эта война:

Успели дети подрасти.

Успели внуки подрасти.

А правнуки пока что не успели.

Лирическая героиня – женщина старшего поколения, пережившего Великую Отечественную войну. С ней ведут диалог другие персонажи стихотворения. Ее роль в коммуникации – благословить уход потомков на войну и осмыслить духовное взросление тех, кто взял оружие для защиты Родины. В стихе взаимодействуют несколько поколений: воевавшие в Великую Отечественную, защищая Родину от фашистов, их дети, их внуки, которые в 2014 году составляют поколения отцов и детей, способных решать, делать выбор, отстаивать свои взгляды. Поколение правнуков пока что вне этого процесса. Ради их защиты мужчины идут на войну.

Война 2014 года в Донбассе в стихотворении изображается как пространство кровопролитных битв, в которых брат идет на брата, а друг на друга. Эта черта отличает текущую

войну от канонического образа Отечественной войны, когда защищать свою землю приходилось от врагов-иноплеменников, цивилизационно чужих. В войне с Украиной приходится воевать со своими, и от этого «стало черным молоко в сосцах, и стала черной кровь в людских сердцах, как антрацит, наш краснодонский уголь».

Духовный рост тех, кто совершил экзистенциальный выбор, прошел горнило войны, прорвался к человечности и любви на новом уровне понимания жизни, изображен в образе черного хлеба, получившегося из золотых зерен: «мы стали черным хлебом на войне, а были... были золотые зерна». Итак, образ черного хлеба является в стихотворении метафорой поколений, прошедших войну. Поскольку в войне участвуют все поколения, изображенные в произведении, эта метафора показывает связь времен, проявившуюся в решении защищать землю Донбасса, которое высказывают люди XX века и их потомки в XXI веке.

Стихотворение «Черный хлеб» имеет уже собственную судьбу. Оно известно не только в Луганске и знакомо не только поклонникам творчества Елены Заславской. В марте 2019 года в Германии на немецком языке вышла книга «Гранд тур. Путешествие по молодой поэзии Европы», куда вошло стихотворение «Черный хлеб» («Schwarzbrot») в переводе на немецкий язык Матиаса Книпа и Александра Филюты.

Антология «Гранд тур» объединяет более четырехсот поэтов и около пятидесяти разных языков, в том числе русский и украинский. Участие поэта в этом сборнике началось с вопроса, какую страну автор будет представлять. Поскольку уже шла война с Украиной, и Луганская Народная Республика объявила о своей независимости, Елена Заславская пожелала представлять ЛНР. Но редакторы заявили, что это категорически невозможно. Автору было отказано также в праве представлять Россию и русскую поэзию. В результате был достигнут компромисс, и под стихотворением в разделе «Украина» можно увидеть приписку «Автор не желает представлять Украину».

В 2021 году певица и композитор из старейшего немецкого города Фрайбург Кандида Уль решила положить стихотворение «Черный хлеб» на музыку. Она поет голосом меццо-сопрано и выступает в составе трио с музыкантами,

играющими на фаготе и фортепиано. В настоящее время ожидается премьера песни.

Также на стихотворение «Черный хлеб» фотограф Алевтина Легещич сняла драматическую видеопозею, которую можно найти на сайте Елены Заславской: <http://zaslavskaja.com/video/videopoeziya-cherniy-hleb/>

Итак, стихотворение «Черный хлеб» отражает духовный опыт жителей Донбасса, которые столкнулись с украинской армией в 2014 году. Осмысляя пережитое, поэт актуализирует смыслы, рожденные Великой Отечественной войной и сохраненные в культурной памяти русского народа. Стихотворение вошло в музыкально-поэтическое пространство как русской литературы, так и немецкой литературы. С изменением политической ситуации меняется направление информационной войны, пацифизмом называется поддержка украинской армии, которая вела военные действия в Донбассе с 2014 года, тем не менее поэзия создает пространство смыслов, обращаясь к экзистенциальному опыту человека на войне. В стихотворении «Черный хлеб» отражено мировоззрение тех, кто сражался за Донбасс, защищая свою Родину от украинской военной агрессии в 2014 году.

ХРОНОТОП КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ДОНБАССА В КНИГЕ АНДРЕЯ ЧЕРНОВА «ДОНБАССКИЙ КОД»

Донбасс представляет собой пространство военного и культурного противостояния с Украиной, которое продолжается в острой фазе с 2014 года. Манифестация русской идентичности современного Донбасса особо актуальна в этот период, когда Украина провозгласила своей целью возвращение Донбасса и позиционирует донбасский регион как исконно украинские земли с украинской культурной идентичностью. В книге современного луганского писателя Андрея Чернова «Донбасский код» (2019) ставится задача изучить культурное наследие Донбасса и выявить культурные константы локальной идентичности этого региона. Рассмотрим

используемый автором материалы и проанализируем сделанные в книге выводы.

Андрей Алексеевич Чернов – публицист, литературовед, критик. Секретарь Союза писателей АНР. Автор книг «Притяжение Донбасса», «Донбасский код». Заместитель главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья», который издается в Луганске с 2006 года.

В книге «Донбасский код» Андрея Чернова собраны под одной обложкой публиковавшиеся в разное время очерки об истории и культуре Донбасса, в которых автор выступает как историк, краевед, историк литературы. Книга состоит из 24 очерков. В заключительном очерке автор подводит итоги работы, таким образом, 23 очерка посвящены каким-либо значимым для местной истории событиям, персоналиям, историческим этапам развития края.

В этих значимых событиях проявляются смысловые константы общественной и духовной жизни, которые сами по себе не поддаются пространственным и временным определениям, однако в процессе осмысления (индивидуального и коллективного) включаются как в сферу пространства-времени, так и в смысловую сферу, принимая при этом знаковую форму. Происходит это только посредством хронотопа произведения, то есть пространственно-временных характеристик созданного в тексте художественного целого.

Хронотоп «Донбасского кода» фиксирует эмоционально выделенные элементы культурного пространства, которые создают субкультурную память Донбасса, функционирующую на основе системы образов, понятных всем носителям русской культуры. Таким образом, Донбасс формируется как культурная единица, реализующая русские культурные темы.

В первом очерке книги, «Рождение Донбасса», автор рассказывает о появлении топонима «Донбасс», очерчивает географические и хронологические границы феномена.

Как показывает исследователь, название «Донбасс» появилось в эпоху Революции и Гражданской войны. Эта эпоха известна любовью к аббревиатурам, и таким образом 5 мая 1919 года В. И. Ленин в своей телеграмме Украинскому Советскому правительству сократил название «Донецкий бассейн». Географически Донбасс включает в себя пространство на берегах Северского Донца, Донецкий кряж, Дикое поле

в Придонцовье, а также постепенно создававшиеся города и поселения как Бахмут, Святогорье, Славяносербия, Лисичанск, Луганск, Донецк. Хронологически формирование Донбасса как культурной единицы занимает время с середины XVIII века вплоть до наших дней.

До указанного периода эти территории были частью Дикого поля без больших постоянных поселений. Дикое поле находилось на границе Руси/России и степного мира, оседлой и кочевой жизни. Русские поселенцы, которые приходили на эти земли, должны были одновременно возделывать степную почву, неплодородную в отсутствии воды, и защищаться от набегов татар и турков, которые разрушали всё построенное и уводили жителей в плен.

В середине XVIII века царское правительство заселило эти территории сербскими граничарами, которые охраняли границы от кочевников. Военный принцип поселения был упразднен после победы России в русско-турецких войнах и присоединения Крыма, когда опасность татарских набегов была ликвидирована. В 1795 году по приказу Екатерины II был создан Луганский военный завод, первый на юге Российской империи чугунолитейный завод, построенный с подачи командующего Черноморским флотом Российской империи вице-адмирала Николая Мордвинова, который настаивал на оснащении российского флота чугунными пушками-карронадами системы шотландского инженера Гаскойна, требующих качественного чугуна. Вскоре Луганский завод стал основным поставщиком снарядов для Черноморского флота России: бомб, гранат и ядер.

Промышленное развитие региона продолжалось в XIX веке и особенно бурными темпами шло в советский период. В XX веке Донбасс был местом активных военных действий в Первую мировую войну, в период Гражданской войны и во время Великой Отечественной войны, когда регион несколько месяцев находился под немецкой оккупацией. В советский период Донбасс был присоединен к УССР, а в постсоветский период считался депрессивным регионом в составе Украины и оставался объектом мягкой украинизации вплоть до начала украинской агрессии в 2014 году.

В этих хронологических и топографических рамках разворачивается действие всех очерков книги «Донбасский

код». Часть очерков посвящена конкретным городам и территориям Донбасса. Присутствуют в книге также очерки, посвященные различным людям, оставившим свой след в истории Донбасса. Небольшая часть текстов разрабатывает тему конкретного явления в истории Донбасса или конкретного артефакта, сыгравшего символическую роль в этой истории. Таким образом, можно разбить все очерки на четыре группы: локусы Донбасса, персоналии, историко-культурные явления, символы.

Географические локусы Донбасса Андрей Чернов описывает в трех очерках: «Славяносербия: земля воинского братства», «История на берегах Лугани», «Донбасс освобожденный».

В первом из них описывается процесс заселения территории Донбасса сербскими поселенцами в XVIII веке, рассказывается о дальнейшей судьбе сербов, основанных ими военных поселений, тех воинских полков, которые они первоначально составляли.

Очерк «История на берегах Лугани» посвящен военному поселению Вергунка, которое ныне представляет собой часть Луганска. В очерке прослежена судьба селения, которое неоднократно в XX веке принимало на себя удар различных завоевателей, а в XXI веке, в период войны с Украиной здесь кипели ожесточенные бои (в июле-августе 2014-го). В ходе этих боев была разрушена одна из старейших школ Луганска, школа № 39, устоявшая в Великую Отечественную. Однако украинские каратели не смогли пробиться на правый берег Лугани и не вошли в Октябрьский район города. Так прежнее сербское поселение снова выступило в роли военного рубежа.

В очерке «Донбасс освобожденный» описываются бои за освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Датой освобождения Донбасса считается 8 сентября 1943 года, когда немцы ушли из города Сталино (сейчас Донецк). Однако это событие складывалось из множества не столь крупных побед и поражений в течение всех восьми месяцев 1943 года. В очерке показан также общий контекст освобождения Донбасса и раскрыта роль Сталинградской битвы и битвы на Курской дуге в этом процессе.

Таким образом, в эту группу очерков входят тексты, хронотоп которых охватывает весь Донбасс как целое, пери-

од заселения Донбасса сербскими граничарами в XVIII веке и Великой Отечественной войны. Очерк о Вергунке, поселении, которое стало частью Луганска, связывает оба хронотопа с настоящим временем, поскольку здесь автор доводит повествование до 2014 года, текущей войны с Украиной.

Вторая группа очерков, посвященная конкретным персоналиям, самая многочисленная, в нее входят двенадцать текстов. В виду этого мы не будем разбирать каждый из них, назовем только тех людей, который автор выделил в истории Донбасса. Это советские поэты и писатели Михаил Матусовский, Владимир Маяковский, Константин Паустовский, Борис Горбатов, Михаил Колосов, Иосиф Курлат, Олег Бишарев, журналист Юрий Жуков, маршал СССР Андрей Еременко, жительница Луганска девочка Марийка, убитая в боях с белыми в 1919 году, а также погибшая в боях за освобождение Донбасса летчица Лидия Литвяк и исследователь Арктики Георгий Седов.

Как видим, в группе персоналий преобладают писатели советского периода. Наряду с ними в эту группу включены двое военных и полярный исследователь. Хронологически в этой группе доминирует советский период. Не входит в эти рамки путешественник Седов, который погиб в Арктике в 1914 году. Михаил Колосов, Иосиф Курлат, Олег Бишарев, чья жизнь был окончена в 1990-е гг., сформировались как творческие люди также в советскую эпоху. Топографически этот раздел охватывает многочисленные донбасские локусы, однако в большинстве его очерков есть выход на более широкий простор: маршал Еременко с армией дошел до Праги, Лидия Литвяк, погибшая в воздушном бою над огненным Донбассом, сражалась также в Сталинградской битве, родившийся в Луганске Матусовский большую часть жизни провел в Москве и так далее. Интересно, что в этой группе всего два женских персонажа – Марийка и Лидия Литвяк, и обе женщины вошли в историю Донбасса, отдав за него свою жизнь. В целом же хронотоп этой группы центрирован на советском времени, но географически включает Донбасс в общероссийский и мировой контекст.

Показателен в этом плане очерк о Михаиле Матусовском «Прорывая тишину вечности: Михаил Матусовский о Луганске», на котором мы остановимся подробнее. Известный

поэт советской эпохи, написавший немало песен, вошедших в культурную память русского народа, никогда не забывал, что он родом из Донбасса, и посвятил немало строк своему родному городу и бескрайней донбасской степи. Среди стихов Матусовского такого рода есть даже стихи гекзаметром как прорыв к общечеловеческим смыслам, воплощенным в античной культуре и одновременно в родном краю поэта: «В степных просторах гекзаметр не кажется уж таким уставшим ритмом, ибо здесь и в самом деле –

время сквозь трещины, словно песок, утекает неслышно, что нам спешить, если счет здесь ведется веками, с медленным скрипом ползут по пустынной дороге телеги, коршун, крылами не двигая, замер надолго в зените, обозревая по праву хозяина эти владенья...».

Третья группа очерков, в которой описываются историко-культурные явления из жизни Донбасса, сравнительно небольшая: в ней всего три очерка: «Луганск – город мастеровых», посвященный истории художественного литья в Луганске, «Донецко-Криворожская республика: возрожденная мечта» и «У истоков современной журналистики Луганска».

Донецко-Криворожская республика под председательством Артема (Федора Сергеева) просуществовала несколько месяцев в 1918 – 1919 гг., и была упразднена в пользу СССР правительством Ленина. ДКР объединяла южные промышленные регионы нынешней Украины, преимущественно русскоязычные. В период своего существования ДКР вела бои с немецкими и австрийскими вооруженными силами в рамках Первой Мировой войны. Некоторыми историками поинациональная ДКР, объединенная по экономическому признаку, рассматривается как жизнеспособная альтернатива национально-ориентированной СССР. В настоящее время интерес к истории ДКР актуализирован созданием АНР и ДНР на тех же территориях.

Очерк о журналистике Луганска посвящен советскому периоду, поскольку от досоветских периодических изданий сохранились только названия и анализ их деятельности становится с закономерными трудностями. Советская журналистика региона рассматривается как система традиций для современной журналистики этого края.

Хронотоп этой группы включает весь период развития Луганска, от его основания и до наших дней. Центральным по смысловому наполнению является текст о ДКР, который связывает хронотоп Луганска с украинским и российским географическим и политическим контекстом исторического периода Гражданской войны, а также с настоящими событиями провозглашения независимости республик Донбасса в 2014 году.

Последняя группа очерков, посвященная символам Донбасса, включает в себя четыре текста: «Первый памятник Луганска» о пушке-единороге, «Герб Луганска: символ времени», а также два коротких очерка об археологических находках на территории Донбасса «"Чернухинская мадонна" – загадка далекого прошлого» и «Сократ древних донецких степей».

Первые два очерка посвящены памятнику и гербу одного Луганска, их хронотоп – двести лет истории этого города. Последние же два очерка касаются проблем такой седой старины, которая почти не осталась в исторической памяти – города Донбасса стали возникать через несколько столетий после того, как исчезли последние половцы, которым принадлежит описанные в тексте скульптуры, найденные археологами XX века. Структура хронотопа этой группы может быть выражена в форме пирамиды, основание которой охватывает всю территорию степного Донбасса и несколько столетий его бесписьменной истории, а вершина сходится в одной точке – в городе Луганске.

Подведем некоторые итоги. Хронотоп событий, описанных в книге «Донбасский код» Андрея Чернова, охватывает всю территорию и всю историю Донбасса, от древнейшей эпохи до текущей войны с Украиной. Центральное место занимает город Луганск и советский период истории. Особо выделены эпоха становления советской власти, промышленности, журналистики на Луганщине, и период Великой Отечественной войны. Значительная часть книги посвящена писателям, поэтам, журналистам, как луганчанам, так и жителям Луганска, переехавшим в Россию, или россиянам, писавшим о Донбассе и посещавшим его. Культурно-исторические явления, которые выделяет в книге автор, относятся по большей части к советскому периоду. Среди символов, которые описывает автор, присутствуют как артефакты времен

основания Луганска, так и современный герб города, а также отдельную группу составляют древнейшие археологические находки, которые выводят нас за грань истории.

Анализ хронотопа очерков книги Андрея Чернова «Донбасский код» позволяет сделать следующие выводы. Донбасс как культурная система обладает собственной культурной памятью, которая структурируется в разные периоды культурными темами России как российской империи, советского государства, русского мира. В истории Донбасса выделяются эмоционально-окрашенные значимые события, которые формируют самовосприятие Донбасса как рубежа русской культуры на протяжении XVIII – XXI веков. Значительное место в культурной памяти Донбасса играет советская эпоха, когда Донбасс сформировался как промышленный регион, а в период Великой Отечественной войны оказался в центре военных событий.

Таким образом, культурное пространство Донбасса как оно показано в книге Андрея Чернова, представляет собой период XVIII – XXI веков на территории Подонцовья. Ведущая деятельность жителей Донбасса, вошедшая в культурную память, представляет собой защиту рубежей России от завоевателей в течение всего этого периода и установление советской власти как справедливого государственного строя в XX веке. Культурное пространство России гораздо шире и богаче, однако оно безусловно включает в себя указанные элементы. Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале статьи, можно утверждать, что в культурной памяти Донбасса и России существуют общие культурные объекты, система которых структурируется общими культурными темами. Донбасс представляет собой культурную единицу, сформированную в рамках русского культурного пространства. Специфика культурного пространства Донбасса объясняется его географическим положением на границе разных культурных миров и многовековой функцией рубежа русского мира, которую выполнял этот регион от древних времен до настоящего времени.

Лариса Черниенко

Литературовед, критик. Кандидат филологических наук. Почётный профессор Луганского государственного педагогического университета. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Крылья». Автор учебного пособия «Русская литература конца XX – начала XXI столетий» и монографии «Русская драматургия на рубеже тысячелетий» (2010). Живёт и работает в Луганске.

МОЖНО ЛИ ОБМАНУТЬ ВРЕМЯ?

(размышления о романе Е. Водолазкина «Авиатор»)

Одна из редакционных статей газеты «Кругозор» заинтересовала читателей своим заголовком «Существует ли время на самом деле? Или это наши выдумки?» [1, с.10]. Такие вопросы люди задают себе и друг другу уже не одно столетие. В искусстве – одна из главных тем. Тема необыкновенно сложная и многоплановая, начиная с глобального: «...является ли время абстрактным понятием, придуманным людьми для удобства, или оно является частью мироздания и особым элементом Вселенной?» [1, с.10].

Взаимоотношения человека и времени чрезвычайно интересны Евгению Водолазкину, одному из самых читаемых и обсуждаемых прозаиков рубежа тысячелетий. В полуфантастическом романе «Авиатор» (2016 г.) автор исследует тему в аспекте «человек во времени, время в человеке». Иннокентий Петрович Платонов, родившийся в 1900 году, попав в советский лагерь (ассоциация с ГУЛАГом), был отобран для биоопытов в «Лазарь» («Лабораторию по замораживанию и регенерации»). Названия символическое, отсылающее читателя к евангельскому Лазарю. Иннокентия заморозили в годы сталинских репрессий и разморозили в 1999 году. На вид размороженному лет 30, на самом деле – 99. Человек выпал из времени на несколько десятилетий. Судьбоносные для его страны и мира события ему неизвестны, мир, в котором его оживили, незнаком, странен. «Не испытываю к проис-

ходящему ничего, кроме абстрактного интереса», – заявляет Иннокентий [2, с.274]. Оценивая эпоху, в которую он попал после разморозки, герой пытается определить её хронологию: «Я стал свидетелем какого-то необычного времени – не настоящего и уж тем более не прошлого – может, будущего?» [2, с.275].

«Размороженный» встречается со своей первой любовью, которой 93 года. Она неизлечимо больна и находится в коме. Эпизод в больнице – одна из кульминаций сюжета («Авиатор», на наш взгляд, – роман с многокульминационным сюжетом). Резкий, даже утрированный, контраст между романтическими воспоминаниями Иннокентия об отношениях с Анастасией в юности и «свиданием» в 1999-ом сталкивает времена с такой силой, что герой ощущает некую дезориентацию в личном времени – пространстве: «Было у нас **общее** (выделено мной – Л.Ч.) время, и это, оказывается, очень много. Оно делало нас причастными друг другу» [2, с.200-201], – думает Иннокентий. Но теперь между времени, общим с Анастасией, и его временем, в котором огромный хронопровал, нет связей, кроме памяти.

Насыщая сюжет элементами мистико-фантастическими, автор «позволяет» герою познакомиться с внучкой его Анастасии, которая носит то же имя, но она – человек конца XX века, как Иннокентий – личность, возвращённая его началом. Анастасия-внучка и Платонов полюбили друг друга, поженились и ждут ребёнка.

Однако в каждом из нас есть часы со своим, абсолютно индивидуальным и непостижимым для других ходом, которые определяют собственные взаимоотношения личности со временем и Временем. Иннокентий достаточно долго оставался физиологически тем молодым человеком, которого сделали объектом биоопытов. Но в какой-то момент Время стало пожирать его: начался процесс стремительного старения. И ни любовь Анастасии, ни заботы доктора Гейгера, ни мудрость и опыт немецкого профессора Майера не могут это остановить. Майер утверждает, что чудес не бывает, хотя, судя по всему, он не возражал бы против чуда победы над временем: «Чудеса – это в России... Вы там живёте по закону чуда, а мы пытаемся жить соответственно с реальностью. Впрочем, ещё неизвестно, что лучше» [2, с.399].

Герой «Авиатора» постоянно думает о том, что такое время, как оно влияет на человека, его духовный мир, образ жизни, чувства. Главный вывод, который он делает: время – это люди во всех их проявлениях. «А меня не исторический период интересует – люди. Плюс ещё звуки там, запахи, манера выражаться, жестиковать, двигаться» [2, с.307].

Также важно для Платонова – понять часто повторяемую сентенцию: «Время виновато... Время было такое... Каковы веки, таковы человеки». И он приходит к мысли о том, что все эти «мудрые» суждения – оправдания человеческой слабости, духовной аморфности, «потому что для многих существуют только **внешние законы** (выделено мной – Л.Ч.). А внутри у них нет» [2, с.53]. Конкретные подтверждения в сюжете – история с Севой и ситуация с Ворониными (один Воронин – учёный, человек высокого интеллекта и духовности, другой, однофамилец, – палач на Соловках). А Сева, кузен Иннокентия, с которым дружили в юности, стал чекистом и, боясь испортить себе карьеру, отправил брата на смерть (внёс в списки на расстрел).

Историю Иннокентия в романе называют «вневременной» [2, с.237]. И не только потому, что он несколько десятилетий был вне времени, выпал из него. То, что произошло с Платоновым (если убрать из событий фантастические элементы), могло произойти в любое время, в других конкретных моделях (летаргический сон, жизнь на необитаемом острове, длительная амнезия и т.п.). Главное здесь – выпадение из временного процесса. Но трагедия ли это? Вопрос подтекстовый, но одна фраза вербализует ответ на него: «Рай – это отсутствие времени... То, что ощущается **поверх истории** (выделено мной – Л.Ч.) – внеременно освобождено» [2, с.164].

С темой «человек и время» связаны почти все проблемы романа: истоки социальных катаклизмов, понятие высшей справедливости, влияние «будничной повседневности» на человека, роль слова в жизни общества и судьбе отдельного человека, «странности» любви, художник (в широком смысле понятия) и социум. Одна из важнейших идей «Авиатора», на наш взгляд, – вся жизнь человека зависит от того, какие взаимоотношения он построит со временем, вернее, – Временем. Человек сам вправе принять любую модель осознания времени. Однако не стоит забывать о том, что «если душа

бессмертна, то сохранится... и всё, к ней причастное, – поступки, события, ощущения. Пусть в каком-то другом... виде, в другой, может быть, последовательности, но сохранится» [2, с.408].

Финал романа оставляет читателей в раздумье. Вроде бы ясно: самолёт, на котором Платонов возвращается из Мюнхена, терпит аварию. Но автор не определяет судьбу героя: погиб ли он, чудом спасся, пропал без вести – решать читателю. Однако процесс превращения ранее молодого человека (после разморозки) в столетнего старика стремителен и необратим, и начался он ещё до полёта в Мюнхен на консультацию. Время не обманешь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Существует ли время на самом деле? Или это наши выдумки? // «Кругозор», 22 сентября 2021г., № 38.
2. Евгений Водолазкин. Авиатор. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410с. – (Новая русская классика).

Елена Заславская

Поэт, прозаик, критик. Член Союза писателей АНР. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы для детей. Широко публикуется в периодике республик Донбасса и России. Живёт и работает в Луганске.

«СОЛНЦЕВОРОТ-2014»: ВОЙНА ПОКОЛЕНИЙ ИЛИ ПОКОЛЕНИЯ ВОЙНЫ?

В 2015 году в Луганской Народной Республике увидел свет сборник «Время Донбасса». В книгу вошли поэтические, прозаические и драматургические произведения авторов Луганской и Донецкой Республик, а также Российской Федерации.

Кандидат педагогических наук, литературный редактор сайта военной прозы «Окопка» Владимир Олейник в своем предисловии к сборнику написал: «В нем подводятся художественный итог еще одного года свободной жизни Донбасса после судьбоносного выбора. Еще один год, начавшийся с боев, с зимнего Дебальцевского «котла» и военной победы, а затем шедший долгой, трудной дорогой к миру». В книге «Время Донбасса» опубликовано стихотворение поэта Александра Сигиды-сына «Солнцеворот-2014».

Александр Александрович Сигида-сын (1986 г.р.) – поэт, переводчик с французского и испанского, член Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Родился в семье поэта и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии.

Свой жизненный выбор Александр Сигида-сын выразил в художественной форме в стихотворении «Солнцеворот-2014».

Стихотворение «Солнцеворот-2014» посвящено событиям войны Украины с Донбассом, начавшейся в 2014-м году. Тема отцов и детей ставится в первой строфе произведения: «Отцы не взяли автоматы в тот девяносто первый год». В сти-

хотворении идет речь о двух поколениях: тех, кто не взял автоматы в 1991-м году, и об их детях, чья молодость припала на лихие девяностые – период национального унижения и краха России, то есть о поколении молодежи, которая пошла в ополчение Донбасса в 2014-м: «Те, кто не спился в девяностых, кто не сторчался в нулевых, не сгинул в наркохолокосте от огнестрельных, ножевых – сегодня здесь!».

Название стихотворения «Солнцеворот» означает солнцестояние, во время которого высота полуденного Солнца над горизонтом несколько дней почти не изменяется. Солнцеворот – это переломный момент, после которого происходит смена астрономических сезонов.

Дата 2014 год в названии стихотворения показывает, что в этому году произошла смена эпох. Эпоха отцов, разваливших Родину, закончилась. Начинается новый период, время детей, которые реализуют идеалы, преданные отцами: вооруженное восстание против продажных политиков и воссоединение исторической России после развала СССР. Связь поколений также изображена в образной форме в этом стихотворении, так как идеал великой России, хоть и преданный поколением отцов остается действенной силой для поколения детей. Завершается стихотворение следующей строкой: «Задумавшись о геноциде, не забывай о Сигиде». Война в Донбассе символически уравнивается с геноцидом девяностых, а Сигида – это фамилия автора стиха и его отца, также поэта. Этой своеобразной подписью автор показывает, что в переломные для Родины моменты всегда найдется носитель поэтического дара, который будет писать стихи, чтобы вербализовать смыслы, проявить неявленное, а если нужно, то с оружием в руках защищать свои идеалы. Таким образом, противостояние поколений, начавшееся в девяностые, когда отцы не сохранили общую Родину для своих детей, закончилось в 2014-м – в момент солнцеворота эпох, когда и те, и другие стали на защиту своей земли.

«ПОТЯНУЛИСЬ ПУШКИ ЧЕРЕЗ КРАСНОДОН»

*Образ родины в военной лирике Александра Сигиды-отца
и Александра Сигиды-сына*

Вопрос что такое Родина поставил в своем стихотворении известный советский поэт Михаил Матусовский, родившийся в Луганске и служивший военным корреспондентом в годы Великой Отечественной войны.

Как же отвечают на этот вопрос современные донбасские авторы в условиях новой войны, идущей с 2014 года в Донбассе? Рассмотрим образ Родины в произведениях поэтов, отца и сына, Александра Ивановича Сигиды и Александра Александровича Сигиды.

В русской культуре сильны две тенденции конструирования образа Родины. Одна из них – это географическая конкретность, привязка к реальному месту, индивидуализация образа России в отдельном городе, пейзаже, ландшафте. Вторая тенденция заключается в стремлении найти иные элементы образа Родины, помимо географической реальности.

Два поэта, которых мы рассматриваем, являются представителями этих двух тенденций.

Александр Иванович Сигида-отец (1963 г.р.) – поэт, публицист, член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального Союза Писателей. Автор 12 книг поэзии.

Печатался в альманахах творческого объединения СТАН и «Радуга», журнале «Склянка Часу», альманахе «Свой вариант», антологии «15 веков русской поэзии», сборниках посвященных войне в Донбассе: «Ожог», «Час мужества», «Строки мужества и боли», «За други своя», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Воля Донбасса», в журналах «Молодая гвардия» «Родная Ладога», «Невский альманах», «Александръ», «Петровский мост» и других. Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского и «Молодой гвардии»; лауреат международных фестивалей поэзии; основатель творческого объединения СТАН (Луганск). Организатор I поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009», Республиканского фестиваля «Муза Новороссии» (2014-2020). Живет в поселке

Атамановка в Луганской Народной Республике. В 2018 году в издательстве «Большой Донбасс» вышла книга Александра Сигиды «Легенда к карте».

Сигида-отец пишет: «Надо показать человеку (и – прежде всего – ребенку), самые «простые» вещи – откуда берется хлеб (пища), как строятся дома, как растет дерево – «с чего начинается Родина».

Его Родина очень конкретна. Большая часть его военных стихов из книги «Легенда к карте» привязана к конкретным локациям к конкретным временным точкам на донбасской карте.

В стихотворении «5 июля 2014» читаем:

лица соседей суровы – тут по-другому нельзя;
(дети, родители, вдовы, да ополченцы-друзья.)
слезы смахнули подруги – нервы запели струной;
«за боевые заслуги перед родной стороной»

А вот стих, который называется «6 июля 2014»:

это не игрушки и давно не сон...

(«

душу рвет на части евро-гуманист.
(обстреляли Счастье – прут на Металлист)

В стихотворении «Братские могилы» поэт задается вопросом:

бомбовоз уводят на второй заход
на Донбасс вернулся сорок первый год?

Стих «17 июля 2014»:

современные зомби над лугами парят,
прямо в купол часовни направляя снаряд.

По словам очевидца:

нет ни «Варяга», ни «Грека»
«Ялта» убит разрывной
(чтобы «достать человека
нужен тебе позывной?»)

И все-таки поэт настроен оптимистически:

будем рыть землянки и стараться жить –
миром в Атаманке надо дорожить.

Александр Александрович Сигида-сын (1986 г.р.) – поэт, переводчик с французского и испанского, член Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик. Родился в семье поэта и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. Сиги-

да-сын в совершенстве владеет французским, испанским, английским, немецким языками. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилев, Честертон, Киплинг.

Сигида-сын является лауреатом литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (Москва, 2015); обладатель серебряной медали Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (Алушта, 2016); участник III совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральский и семинара военных авторов в Москве (Переделкино). Участник фестивалей «Большой Донбасс», «Муза Новороссии». Печатался в журналах «Роман-газета», «Александръ».

В 2014 году Сигида-сын принял активное участие в народно-освободительном движении Донбасса: участвовал в военных действиях в рядах ополчения в батальоне «Оплот». Проходил службу в ДНР как минометчик (2015-2016), затем служил в спецназе (2017-2018), затем служил в танковом батальоне отдельной мотострелковой бригаде имени Ворошилова, в настоящее время в 2022 году служит в армии ДНР.

В 2019 году в издательстве «Большой Донбасс» вышла книга Сигиды-сына «Орфография ненависти».

Сигида-сын в своей военной лирике описывает Донбасс как часть разнообразных культурных миров: античного, библейского, европейского, американского. Он вписывает Донбасс в мировой культурный контекст.

В стихотворении «Стены Илиона» – читатель погружается в атмосферу античной культуры, прародительницы всех европейских культур, повлиявшей на русскую культуру также после крещения Руси Византии.

У них разведки были, заграждения,
Траншеи, патрули, ночные бдения,
Военный аналитик звался Нестор,
А вся война из-за одной невесты.

Конфликт в Донбассе в этом стихотворении расписан по модели троянской войны.

В стихотворении «1916» описаны добровольцы Первой Мировой войны, которые пошли на войну «с богом в душе и винтов-

кой в руке». Таким образом, события современной войны в Донбассе моделируются по образцу сражений первой мировой: «Мы ждали погибели гуннам» (гуннами тогда называли немцев).

В стихотворении «Герои Лотреамона» лирический герой признается, что «Не раз от Седово и до Краснодона бывал я с героями Лотреамона». Лотреамон (Изидор Дюкасс) – французский романтик XIX, предтеча символизма и сюрреализма. Работал в направлении темного романтизма, соответствующем готицизму в широком смысле.

Блистали зарницы на небе Донбасса,
и я шел путем Исидора Дюкасса.

События нынешней войны Украины с Донбассом поэт описывает в эстетике французских декадентов, и таким образом вписывает военные действия в Донбассе в общеевропейский контекст конца XIX века.

В стихотворении «Эшли ЛИЯ» присутствует отсылка к конкретному локусу в Луганске – Лицею иностранных языков. В стихотворении описано, как лирический герой и его однокурсники ставят пьесу по роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», и все персонажи воплощаются в конкретных жителях Донбасса. Автор идентифицирует себя с Эшли, мятежным сепаратистом, членом «Ку-клус-клана», стойкость жителей Донбасса в борьбе сравнивается с поведением южанина-сепаратиста:

Он пепел стряхнет, улыбнется
В рыжую ирландскую бороду,
И снова готов
К картофельному голоду,
Гражданской войне,
Работе на лесопилке.
Расставанию со Скарлетт.

В одном из финальных стихотворений «Люди икс» автор описывает донбасские реалии – шахты, проходчиков – в терминах американской массовой культуры как персонажей голливудских блокбастеров. В то же время он соединяет эти два культурных пространства с античными и библейскими образами:

Они черны, как люди Икс
И не отмыть частицы сажи
Они качают воду в Стикс
Из черных, сатанинских скважин.

В отличие от отца Сигида-сын рассматривает реалии не от земли, от конкретной местности, а извне, с позиций мировой культуры. Изображение Александром Сигидой-сыном своей творческой миссии совпадает с творческим вектором проклятых поэтов, разрушителей европейской классической культуры, маргиналов, которые философствуют молотом:

Он собирал стихи и прозу
Индустриального некроза;
И все-таки в тротил
Он тексты превратил.

Сигида-отец пишет: «В XXI веке, благодаря компьютеризации и интернету, человечество совершило настоящий мультикультурный скачок (подобный изобретению книгопечатания), способный объединить всех людей доброй воли. Но суровая правда войны не дает забыть, что рождение нового – это всегда «кровь, пот и слезы», это тысячи и тысячи смертей во имя торжества идей Воли и Труда. «Новороссийская литература» («неолит») – это литература Победы. Все только начинается!»

Итак, оба донбасских поэта, хотя представляют разные тенденции в поэтической традиции изображения родины, осмысляют на самом деле единый образ, одно и то же культурное пространство. Это пространство – русский Донбасс, который изображается не только как земля Воли и Труда, но и как часть универсума мировой культуры.

Ярослав Белов

Критик. Родился в 1980 году в Ворошиловграде (ныне Луганск). Окончил ВГУ имени В. Даля. С 2007-го по 2009-й жил и работал в Арабской Республике Египет. В 2010-м вернулся в Луганск. В 2013-м начал сотрудничество с издательствами «Альфа-книга», «Лениздат», «АСТ». С 2015 года живёт и работает в Донецке Ростовской области.

НИК. ПРОСТО НИК

(о первой книге цикла Анджея Ясинского «Ник»)

Давно хотел прочесть роман Анджея Ясинского «Ник», да всё руки никак не доходили. Начинал несколько раз и останавливался примерно на первой сотне страниц. Не шло как-то. И вот, наконец-то, засел за книгу и осилил до конца.

Сразу оговорюсь – это очередной роман на попаданческую тему, только вот с «изюминкой». Главный герой попал в фэнтезийный мир не из нашего времени, а из недалёкого будущего. Он отлично разбирается в компьютерах, постоянно имеет при себе высокотехнологичное оборудование, которое в итоге здорово помогло ему. Соответственно, магия рассматривается автором сквозь призму компьютерных знаний. Произведение вообще изобилует терминами компьютерщиков, малопонятными непосвящённому в их слэнг читателю. В остальном «Ник» полностью входит в рамки попаданческого поджанра. За данное произведение автор получил премию «Меч без имени», что как бы должно свидетельствовать об определённой оригинальности, качественности и успехе. На счёт последнего верно, Ясинский ныне довольно популярный писатель. Рассматриваемый роман, ставший его дебютным, принёс ему известность. Хотя «Ник» и имеет ряд недостатков.

Слог порой хромает, будто контуженная черепаха, иногда же взлетает в высь ястребом, догоняя безудержную фантазию творца. Самый большой минус произведения, на мой взгляд, – слишком уж осовремененная речь гномов и эльфов. Фэнтезийные персонажи всюю употребляют понятия из нашего языка, да и сам мир напоминает сплав нынешнего земного и магического, но об этом ниже.

Сюжет течёт медленно, точно река топлёного масла. Наличествуют и неожиданные повороты, но их мало и они в целом мелкомасштабны. Это так, маленькие водовороты, не способные затянуть внимание целиком, но дающие возможность немного взбодриться читателю.

Если рассматривать магическую систему, то она страдает терминологической неточностью. К примеру, магия драконов, поименованная героем инфомагией, является стихийной магией высшего порядка, благодаря которой возможно создание чего угодно, как выражается протагонист, из ничего. Кстати, здесь сталкиваемся с противоречием, ибо для успешного создания необходим огромный объём магии, то есть магической энергии. Иными словами, предмет образуется отнюдь не из ничего. Однако, вернёмся к терминам. Сразу же встаёт вопрос: почему именно «инфомагия»? Всякая магия несёт в себе информационную составляющую в той или иной степени, поэтому назвать магию драконов можно было бы корректнее.

Впрочем, сама попытка объяснить действие магии с позиций программирования заслуживает одобрения. Многие авторы не строят никакой магической системы, зачастую довольствуясь лишь стихийным делением.

Описываемый мир представлен в романе в основном эльфами и гномами, у которых герой жил некоторое время. Есть ещё люди, драконы, дроу (тёмные эльфы), демоны... Довольно разношерстная публика населяет здешний мир, и, казалось бы, обычная для фэнтези. С первого взгляда всё типично, но стоит присмотреться, и начинают проявляться особенности, присущие авторскому творению.

Бросается в глаза прежде всего необычность геополитической ситуации. Войны в мире случаются редко. Почему? Не объясняется. Каков сдерживающий фактор, если он есть? Характер-то у представителей рас воинственный, да и терпимость не процветает. У показанных гномов и эльфов существуют вооружённые силы, у дроу тоже имеются воины, орки частенько устраивают междоусобицы. Мало того, при дворе правителя коротышек есть аналитики! Не советники, не мудрецы, а именно команда аналитиков, работающая над делами государственной важности и просчитывающая варианты развития событий. Нормальное такое фэнтезийное государство гномов с аналитическим отделом.

Кстати, гномы у Ясинского живут на земле, в обычных городах. Подземные твердыни превратились чуть ли не в памятники архитектуры древности. Гномий король ещё удивляется, как там, в темноте да сырости, могли жить предки...

Культура рас также не типична. Женщины носят брюки, половые отношения весьма вольные, религия в жизни общества практически не отыгрывает роли. Многие даже сомневаются в существовании богов.

Ничего плохого в таком осовременивании сказочных рас и придания им неестественных черт, конечно же, нет. Просто, читая фэнтези, хочется окунуться в атмосферу некоей культуры, непривычной нам. В том, полагаю, и заключается очарование данного жанра. Здесь же встречаем прилизанного гибрида сказки и нашей реальности.

Редакторы правильно сделали, поместив «Ник» в серию «Фантастический боевик». На полноценное фэнтези с продуманной интересной культурой отдельных рас роман не тянет. Впрочем, боевиком назвать произведение тоже язык не поворачивается. Боевых сцен мало, их описание страдает бедностью языка и отсутствием описательной яркости, позволяющей сразу же представить происходящее. Рукопашные бои выписаны с сухой дотошностью, из-за чего складывается впечатление, будто составлял их автор из описаний приёмов в пособиях по рукопашному бою. В результате, читая о поединках, словно жуёшь безвкусную жёсткую подошву от ботинка, да простят моё сравнение почитатели данного автора.

Яркими харизматическими образами роман, к сожалению, обделён. Характеры персонажей расплывчаты. Они говорят одинаково, их поведение однообразно. Некий усреднённый характер без ярко выраженных индивидуальных признаков. Изредка проскальзывают достойные внимания сполохи образов, но их мало, и они не делают погоды. Единственный, кто обладает индивидуальностью, так это главный герой. Умный, внешне и духовно привлекательный, он вызывает определённую симпатию и даже сопереживание в отдельных моментах.

Не обошлось и без алогичности в поведении. Здесь блистают эльфы, среди которых самый большой оригинал – эльфийский владыка. Узнав о проникновении в заповедную, хорошо охраняемую зону чужака, он посылает на его поимку

всего один отряд преследователей, состоящий из нескольких остроухих. Из того, что человек обошёл посты охраны и сторожевые заклатья, пройдя без проблем в сердце лесных владений, не сделано абсолютно никаких выводов. Ну, прошёл, и прошёл. Эка невидаль. Кроме короля ушастиков странным кажется поведение охраны заповедника, несколько месяцев знавшей о присутствии чужого на территории и не доложивших о нём куда следует. О попытках поймать преступника своими силами (а в лесниках «работают» бывшие элитные бойцы государства) и речи не шло. Даже выйти на контакт с нарушителем постеснялись.

Пожалуй, самый большой плюс данного романа заключается в попытке отобразить магию на языке программирования. Возможно, кому-то понравилась и нестандартная гномья культура, максимально приближенная к реалиям нашего времени. Кому-то импонирует всепобеждающий, как водится в произведениях попаданческого направления, герой. Читать «Ника» рекомендую программистам, увлекающимся фэнтези, он им, вероятно, понравится. Людям, далёким от компьютерной грамоты, роман может показаться неинтересен.

Содержание

ПОЭЗИЯ

Светлана Сеничкина	6
Нани Сариду	8
Денис Попов	10
Наталья Джурович	79
Анфиса Третьякова	84
Надежда Беседина	86
Дмитрий Филиппенко	88
Елизавета Лобода	110
Вера Мартынова	112
Евгений Харитонов	114
Оксана Макасева	157
Владимир Сидорук	159
Александр Сериков	161

ПРОЗА

Людмила Брагина	
ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛАЗУРЬ	14
Олег Роменко	
ФИЛАТЕЛИСТЫ	54
Иван Привалов	
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	116
СИРЕНЬ.....	119
Олег Стельников	
ЧАШКА С ЗАКАТОМ.....	123
Владимир Пахомов	
BADZ PRZEKLET... NIENAWIDZIC!	142
НУ, ВЕДЬ ЗАПЛАЧЕНО ЖЕ? СПОЛНА?	150

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Андрей Чернов ПОКОЙ ОСТРОЙ МОГИЛЫ	92
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЭССЕИСТИКА

Ирина Зайцева ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	99
София Богдан, Полина Буряк, Екатерина Погребняк ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА «В ЗЕРКАЛЕ» ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ XIX–XXI ВЕКОВ: ОТ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДАЛЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ ...	101
Елена Складорова ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ ИЗ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ	177

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Екатерина Ненчева	128
Пень Пенев	134

О ДЕТЯХ И ДЛЯ ДЕТЕЙ

Абдуллох Абдумоминов ПОХИТИТЕЛИ ВРЕМЕНИ	163
Оксана Макасева	165
Наталья Чекер	167
Любовь Бондаренко	173

ПАМЯТЬ

Андрей Чернов	
ПАМЯТИ ЛЮБОВИ ИВАНОВНЫ КУЛЬБАЦКОЙ	183
Анатолий Фёдорович Бондарь	
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	187
Артём Фесенко	
ОН ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА ОСТАВАЛСЯ ХУДОЖНИКОМ!.....	190

КРИТИКА

Галина Чудинова	
О ДОНБАССЕ С ЛЮБОВЬЮ И ВОСХИЩЕНИЕМ.....	201
Светлана Кочетова	
О «ВНУТРЕННИХ РЕСУРСАХ ПЕРСОНАЖА» В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»	207
Нина Ищенко	
«РУССКИЙ ЛАВКРАФТ»: ЛЕДЯНОЙ ПОХОД ПО ЗИМНЕМУ ДОНБАССУ	216
«МЫ СТАЛИ ЧЕРНЫМ ХЛЕБОМ НА ВОЙНЕ»: ВОЕННЫЙ ДОНБАСС В СТИХОТВОРЕНИИ ЕЛЕНЫ ЗАСЛАВСКОЙ «ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ».....	220
ХРОНОТОП КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ДОНБАССА В КНИГЕ АНДРЕЯ ЧЕРНОВА «ДОНБАССКИЙ КОД»....	222
Лариса Черненко	
МОЖНО ЛИ ОБМАНУТЬ ВРЕМЯ?	230
Елена Заславская	
«СОЛНЕЦЕВОРОТ-2014»: ВОЙНА ПОКОЛЕНИЙ ИЛИ ПОКОЛЕНИЯ ВОЙНЫ?	234
«ПОТЯНУЛИСЬ ПУШКИ ЧЕРЕЗ КРАСНОДОН».....	236
Ярослав Белов	
НИК. ПРОСТО НИК	241

АЛЬМАНАХ

КРЫЛЬЯ

Взмах шестнадцатый

Редактор *Т. Зуева*
Технический редактор *В. Докучаева*
Дизайн обложки *А. Раппапорт*
Корректор *С. Сеничкина, Л. Черниенко*

Подписано в печать 25.10.2022.
Формат 60x84/16. Гарнитура Bookman Old Style.
Печать лазерная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,42. Заказ Л____.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Пресс-экспресс»,
91034, г. Луганск, ул. Ватутина, 89а. Тел.: (0642) 50-08-43.